

ISSN: 2411-7897
e-ISSN: 2500-3534

ВЕСТНИК

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2022. Том 8. № 2 (30)

Журнал основан в 1998 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72158 выдано 29 декабря 2017 г.
(ранее: ПИ № ФС77-60412 от 29 декабря 2014 г.) Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Л. М. Симонова, д. э. н., проф.

Заместители главного редактора:

Е. В. Андрианова, к. с. н., доц.; *Л. В. Зайцева*, д. ю. н., доц.;

К. А. Баннова, к. э. н.

Контактная информация:

Издатель:
ТюмГУ-Press

Адрес издателя и редакции:
625003, г. Тюмень,
ул. Володарского, 6
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81

Печатная версия журнала
распространяется по подписке:
Каталог Российской прессы
(индекс ПА249)

Журнал выходит 4 раза в год

Публикация статей для авторов
бесплатна. Прием статей:
vestnik-social-r@utmn.ru

Информация для авторов:
<http://vestnik.utmn.ru>

Электронный вариант журнала
находится в открытом доступе:
<http://www.e-library.ru>
<http://vestnik.utmn.ru>

Учредитель: ФГАОУ ВО «Тюменский
государственный университет»,
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6

© Вестник Тюменского государственного университета.
Социально-экономические и правовые исследования, 2022
(Вестник Тюменского государственного университета, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Симонова Людмила Михайловна доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и международного бизнеса ТюмГУ
- Андрианова Елена Владимировна кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и экономической социологии ТюмГУ, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
- Давыденко Владимир Александрович доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и логистики, начальник Научно-исследовательского центра ТюмГУ
- Акулич Мария Михайловна доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
- Акихиро Ишикава профессор университета Чуо (Токио, Япония)
- Казьмерчик Ежи кандидат экономических наук, PhD, Государственный экономический университет в Познани (Познань, Польша)
- Костко Наталья Анатольевна доктор социологических наук, профессор кафедры общей и экономической социологии ТюмГУ
- Ромашкина Гульнара Фатыховна доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой математических методов, информационных технологий и систем управления в экономике ТюмГУ
- Собкин Владимир Самуилович доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор Института социологии образования РАО
- Джунсо Сонг доктор наук, профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея)
- Зайцева Лариса Владимировна доктор юридических наук, заведующая кафедрой трудового права и предпринимательства ТюмГУ
- Клеандров Михаил Иванович доктор юридических наук, член-корреспондент РАН, судья Конституционного Суда Российской Федерации
- Комиссарова Елена Генриховна доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права ТюмГУ
- Смахтин Евгений Владимирович доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса ТюмГУ
- Чеботарев Геннадий Николаевич доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ТюмГУ
- Ярвелейд Пезтер доктор юриспруденции, профессор Таллиннского университета (Таллин, Эстония)
- Захарова Кристина Алексеевна кандидат экономических наук, заведующий кафедрой экономики и финансов, ТюмГУ
- Гамукин Валерий Владимирович кандидат экономических наук, профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита ТюмГУ
- Драшкович Веселин Душанович доктор экономических наук, профессор Университета Черногории (Котор, Черногория)
- Крайсинг Фолькмар доктор экономики, профессор, консультант Кенийского университета Таита Тавета
- Руденко Дмитрий Юрьевич кандидат экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Финансово-экономического института ТюмГУ
- Шилова Любовь Федоровна доктор экономических наук, профессор кафедры учета, анализа и аудита ТюмГУ
- Авдеев Дмитрий Александрович кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ТюмГУ, ответственный секретарь
- Матейкович Максим Станиславович доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой базовой кафедры правосудия ТюмГУ, судья Второго кассационного суда общей юрисдикции (Москва)
- Сумачев Алексей Витальевич доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ТюмГУ

TYUMEN STATE UNIVERSITY

HERALD

SOCIAL, ECONOMIC, AND LAW RESEARCH

2022. Vol. 8. No. 2 (30)

The journal was founded in 1998

The certificate of registration PI No. FS77-72158 issued on 29 December 2017
(prev. PI No. FS77-60412 on 29 December 2014) by RF Press Committee

---

This journal is included in the list of leading peer-reviewed journals published
in the Russian Federation disseminating the most notable findings of postgraduate research

---

EDITOR-IN-CHIEF:

L. M. Simonova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.

Deputy Editors-in-Chief:

E. V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof.; *L. V. Zaytseva*, Dr. Sci. (Jur.), Assoc. Prof.;

K. A. Bannova, Cand. Sci. (Econ.)

EDITORIAL BOARD

M. M. Akulich, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
E. V. Andrianova, Cand. Sci. (Soc.), Assoc. Prof.
V. A. Davydenko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
A. Ishikava, Prof. (Japan)
J. Kaźmierczyk, Cand. Sci. (Econ.), PhD (Poland)
N. A. Kostko, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
G. F. Romashkina, Dr. Sci. (Soc.), Prof.
V. S. Sobkin, Dr. Sci. (Psychol.), Prof.,
academician (RAE)
J. Song, PhD in History, Prof.
M. I. Kleandrov, Dr. Sci. (Jur.), corr. member (RAS)
E. G. Komissarova, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
Ye. V. Smakhtin, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
G. N. Chebotaryov, Dr. Sci. (Jur.), Prof.
P. Järvelaid, Dr. of Jurisprudence, Prof.
V. V. Gamukin, Cand. Sci. (Econ.), Prof.
V. D. Drašković, Dr. Sci. (Econ.), Prof.
V. Kreising, Dr. of Economy, Prof.
D. Yu. Rudenko, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof.
L. F. Shilova, Dr. Sci. (Econ.), Prof.
D. A. Avdeev, Cand. Sci. (Jur.), Assoc. Prof. —
executive secretary

Contact information:

Publisher:
UTMN-Press

Publisher and editorial address:
**6 Volodarskogo St.,
Tyumen, 625003, Russia
vestnik-social-r@utmn.ru
☎ +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81**

Subscription to the printed edition of the journal:
No. IIA249 in the Russian Post catalogue

The journal is released 4 times a year

No publication charges.

For article submission or any requests contact:
**vestnik-social-r@utmn.ru
http://vestnik.utmn.ru**

E-version of the journal can be accessed at:
**http://www.e-library.ru
http://vestnik.utmn.ru**

Founded by the University of Tyumen:
6 Volodarskogo St., Tyumen, 625003, Russia

© Tyumen State University Herald.
Social, Economic, and Law Research, 2022
(Tyumen State University Herald, 1998-2014)
<http://vak.ed.gov.ru/87>

В НОМЕРЕ:**СОЦИОЛОГИЯ**

Андрианова Е. В., Давыденко В. А.
Ушакова Ю. В.

**Риски продовольственной
безопасности в контекстах новой
глобальной реальности 6**

Силин А. Н., Юдашкин В. А.

**Формирование и развитие
человеческого капитала малых
городов Арктики
в социологическом измерении.....67**

Батырева М. В., Агафонова Д. Ю.

**Экономика совместного
потребления как социально-
экономическая модель 81**

ПРАВО

Саленко А. В.

**Эволюция права публичных
собраний в России 106**

Коновальчиков Я. А.

**Понятие и виды гарантий права
политических партий на участие
в выборах 129**

Белых Ю. П., Лящев Д. В.

**Хищение безналичных денежных
средств: уголовно-правовой,
уголовно-процессуальный
и криминалистический аспекты 152**

ЭКОНОМИКА

Захарова К. А., Актаев Н. Е.,
Пургина А. Д.

**Влияние финансов малого
и среднего бизнеса на уровень
экономического благосостояния
региона 164**

Бабурина Н. А., Иванова Н. В.,
Рычкова А. О.

**Страхование жизни как инструмент
повышения благосостояния
населения России 184**

Скипин Д. Л., Кольцова Т. А.,
Шаргина М. В., Шаргина А. В.

**Электронная коммерция:
возможности и угрозы
современного бизнеса 201**

OVERVIEW

Пахомчик С. А.

**Научный обзор материалов
заседания «круглого стола»,
посвященного 160-летию
со дня рождения П. А. Столыпина,
проведенного в рамках всероссийской
научно-производственной
конференции «Бренд-менеджмент
пространств» 218**

CONTENTS

SOCIOLOGY

Andrianova E. V., Davydenko V. A.
Ushakova Yu. V.
**Food security risks in the context
of a new global reality** 6

Silin A. N., Yudashkin V. A.
**Formation and development
of human capital of small towns
in the Arctic in the sociological
dimension** 67

Batyreva M. V., Agafonova D. Yu.
**Collaborative consumption
as a socio-economic model**.....81

LAW

Salenko A. V.
**Evolution of the public assembly law
in Russia**.....106

Konovalchikov Ya. A.
**The concept and types of guarantees
of the right of political parties
to participate in elections**.....129

Belykh Yu. P., Lyashev D. V.
**Theft of non-cash funds means:
criminal law, criminal procedure
and the forensic aspects** 152

ECONOMICS

Zakharova K. A., Aktaev N. E.,
Purgina A. D.
**The impact of small and medium
business finance on the level
of economic wealth of the region** 164

Baburina N. A., Ivanova N. V.,
Rychkova A. O.
**Life insurance as a tool
to increase the welfare
of the russian population** 184

Skipin D. L., Koltsova T. A.,
Shargina M. V., Shargina A. V.
**E-commerce: opportunities
and threats of modern business** 201

ОБЗОР

Pakhomchik S. A.
**Scientific review of the materials
of the round table meeting dedicated
to the 160th anniversary of the birth
of P. A. Stolypin, held as part
of the All-Russian Scientific
and Production Conference
“Brand Management of Spaces”** 218

СОЦИОПОГИЯ

Елена Владимировна АНДРИАНОВА¹
Владимир Александрович ДАВЫДЕНКО²
Юлия Владимировна УШАКОВА³

УДК 336.2

РИСКИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТАХ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ*

¹ кандидат социологических наук, доцент,
заведующий кафедрой общей и экономической социологии,
Тюменский государственный университет;
старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

² доктор социологических наук, профессор,
начальник научно-исследовательского центра,
Тюменский государственный университет
v.a.davydenko@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

³ ассистент кафедры экономической безопасности, учета, анализа и аудита,
Тюменский государственный университет
ushakovajuli@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6671-6066

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00087 по теме: «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий»).

Благодарим анонимного рецензента за точно поставленный вопрос относительно того, что Россия фактически «выпала» после 24 февраля 2022 г. из мирового валютно-финансового рыночного процесса, что еще более усугубляет ее национальные риски.

Цитирование: Андрианова Е. В. Риски продовольственной безопасности в контекстах новой глобальной реальности / Е. В. Андрианова, В. А. Давыденко, Ю. В. Ушакова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 6–66.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-6-66

Аннотация

Статья посвящена изучению современных вызовов мировой нестабильности и социально-экономической реальности в контекстах действия детерминант ситуации, взятых с точки зрения безопасности сельских территорий различных стран мира. Рассмотрено влияние таких детерминант как пандемия COVID-19 и конфликт на Украине. Пандемия COVID-19 нанесла тяжелейший удар по всей мировой экономике из-за необходимости жестких ограничительных мер (карантин, самоизоляция, локдаун), которая, как ожидается, в 2022–2023 гг. стремится к глубочайшей рецессии. Кризис, вызванный военным конфликтом на Украине с последующими тотальными санкциями по отношению к России, должен, как представляется, привести к достаточно сильным пагубным последствиям как в продовольственном, так и сельскохозяйственном секторах этих и остальных других стран мира. *Актуальность* темы сопряжена с тем, что традиционная проблематика риска и неопределенности в настоящее время получила особое, экзистенциальное звучание во всем мире. *Цель* статьи — на основе статистических данных и авторских прогнозных оценок попытаться понять и объяснить те всеобъемлющие исходы и тенденции, которые обусловлены различными рисками новой глобальной реальности для национальной безопасности, включая продовольственную безопасность. *Задачи*, которые поставлены и решены в данной статье сопряжены с теоретическим и практическим описанием рисков самой различной природы — санкционных, торговых, ценовых, финансовых, энергетических, логистических, производственных, сельскохозяйственных, продуктовых, гуманитарных. Статья представлена в традициях *экономико-социологических теорий* изучения *рисков, доверия и неопределенностей*, с точек зрения научных подходов *структурного функционализма и прагматизма*. Авторы опираются на статистические данные Всемирного банка, Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО) (Food and Agriculture Organization, FAO). Представленный анализ способствует пониманию проблемы рисков и неопределенности продовольственной и национальной безопасности в новых контекстах современной глобальной реальности.

Ключевые слова

Современная глобальная нестабильность, риски различной природы, COVID-19, конфликт на Украине, сельские территории.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-6-66

Введение

На фоне мировой пандемии COVID-19 и продолжающегося в настоящее время конфликта на Украине и их ожидаемых негативных последствий для стран мира задачи конструктивных вмешательств в структурную социальную динамику стоят перед всеми социальными науками современных сообществ.

Для экономической социологии это означает необходимость своего научного вклада в концептуализацию как «метаморфизации общества» (С. А. Кравченко), так и тематизацию «трансформирующейся агентности» в новых условиях постмодерна, как переосмысления и трансформации дуальности «индивида-сообщества» и «агентности-структуры» (Э. Гидденс). Такая постановка вопроса в статье фиксирует используемую социологическую концептуальную рамку «структура — действие», которая дает возможность классифицировать значимые понятия и существенные наработки в теории, которые по-прежнему занимают центральное место в мейнстриме социальных наук. Используемый подход означает, что социальные структуры воспроизводятся через агентность, которая носит более или менее осознанный характер в силу включения значимую информацию об акторах и системах. Накопленный человечеством опыт в пандемийный период и во время конфликта на Украине показывает, что особенности любых стран и различных групп требуют адекватных форм нормативной регламентации, что, в свою очередь, порождает все более высокое напряжение и все новые споры о легитимности действий.

В статье изучаются возможности и риски продовольственной и национальной безопасности в новой глобальной реальности, которые представляют обширные области для научного исследования и переосмысления в формате фундаментальной социальной аналитики рисков и неопределенности. Масштабное распространение во всех странах мира пандемии COVID-19, процессов и последствий конфликта на Украине авторы статьи рассматривают не только как собственно биолого-медицинское явление (в экстремальных ситуациях испытанный отдельными людьми летальный опыт утраты близких, практику сопровождения болезни в тяжелой форме, опыт переживания близости смерти, борьбы с серьезными последствиями тяжелой болезни), но и как сущностно-бытийное потрясение (the essential-being upheaval) всего человечества в современную эпоху.

Актуальность исследования обусловлена кардинальными изменениями в мире, вызванными пандемией COVID-19, которая нанесла тяжелый удар по экономике всех стран, и всеобъемлющим кризисом, созданным в результате военного конфликта на Украине с последующими тотальными санкциями в отношении к России. В статье на основе анализа объективных статистических данных предприняты попытки понять и объяснить те широкомасштабные вызовы новой реальности глобальной нестабильности, которые основаны на детерминантах воздействия ковида и специальной военной операции для сельских территорий России и Украины. Непредвзятый взгляд на социальную реальность пока что никто не отменял, в то время как актуальные вопросы новой эпохи глобальной нестабильности требуют своего самого вдумчивого научного переосмысления.

Объект исследования в данной статье — сельскохозяйственные риски и их типологизация. *Предмет* исследования — сельскохозяйственные рынки.

Предметная область социологической науки — институциональное и социально-экономическое развитие сельских территорий.

Научная проблема, решению которой посвящена статья, сопряжена с теми фундаментальными противоречиями и рисками продовольственной безопасности в контекстах новой глобальной реальности, которые встроены в современное развитие территорий многих стран мира.

Цель статьи — на основе анализа статистических данных понять и объяснить те всеобъемлющие вызовы новой реальности эпохи глобальной нестабильности, которые основаны на детерминантах действия ковида COVID-19 и специальной военной операции как в целом, так и для сельских территорий России и Украины, в частности. Пандемия COVID-19 с пугающей скоростью нанесла тяжелый удар по всей мировой экономике, которая, как ожидается, стремится к глубочайшей рецессии, несмотря на беспрецедентную политическую поддержку во всех странах.

Задачи, которые ставятся и решаются авторами в этой статье — во-первых, представить концепции рисков, неопределенностей и доверия в тех общих социальных теориях, которые к настоящему времени апробированы, а также в приложениях к национальной безопасности, и выявить «твердое ядро научного мирового знания» по этой тематике; во-вторых, опираясь на это научное знание попытаться лучше понять те разрушительные последствия, которые могут повлечь за собой неучет критических рисков. Поскольку в ситуации общемировых кризисных тенденций, усиленных глобальной пандемией и конфликтом на Украине, сопряженными с политическими турбулентностями и контекстуальными разрывами, подрывающими основы солидарности, сильными социально-экономическими напряжениями и экономическими стагнациями, увеличивается теоретическая и практическая актуальность вопросов о потенциале и источниках конструктивной трансформации существующих структур и институтов. Исходя из того, что крайние их варианты могут привести к потенциальному краху доверия для политики и сообществ в будущем, то отсюда ключевые задачи статьи состоят в выявлении, идентификации и репрезентации противоречий рисков и неопределенностей, сопряженных с детерминантами доверия и недоверия на разных уровнях принятия главных политических и экономических решений во многих странах мира.

Методология, понимаемая как используемые стратегии исследования предмета статьи, в целом сопряжена с теоретико-эпистемологическими (анализ отношений объект-знание) подходами как эвристичными способами достижения поставленной цели; в то время как применяемые в ней методы (анализ эмпирических программ, алгоритмов, процедур и путей познания и действия), связанные с прагматико-ориентированными подходами в целом, в статье базируются на подходах экономической социологии и экономической теории. В статье представлены и проанализированы методологические последствия фундаментальной неопределенности и рисков ученых мирового уровня Ф. Найта, Дж. Кейнса, Дж. Шорта, Дж. Шэкла; приведены яркие примеры использования формальных

методов анализа поведения, включая случаи генерирования коллективных решений с учетом факторов риска социолога мирового уровня Дж. Коулмана как одного из ведущих идеологов теории рационального выбора, который внес существенный вклад в тематику риска, неопределенности и доверия; приведены методики моделирования с использованием международной системы Aglink-Cosimo.

Согласно гипотезе, предполагается, что в достаточно мрачных сценариях разрушительные последствия могут создавать как серьезные риски, так и исключительные возможности, поэтому могут стать базовыми детерминантами, которые лица, принимающие решения, могли бы учитывать как потенциальные конструктивные факторы, «меняющие правила игры» в сценариях перспективного будущего.

Логика изложения, принятая в статье, состоит в том, что авторы сначала проводят теоретический анализ проблемы рисков, доверия и неопределенностей как парадигмы социальной науки; далее проводят статистический анализ недавних кардинальных изменений в мире, в контекстах национальной безопасности и продовольственной безопасности с точки зрения новой глобальной реальности.

Статья представлена в традициях *экономико-социологических теорий* изучения *рисков, доверия и неопределенности*, с точек зрения подходов *структурно-функционализма* в версии теории среднего радиуса действия, и *прагматизма*, которые базируются на социологической практике как смысловой значимости и критерии истины с точки зрения теорий воспроизводства, накопленного опыта, эксперимента, дополненными требованиями логической согласованности и полезностью получаемых знаний.

Вклады авторов обозначаются в пунктах *новизны* статьи, которая представляется и обосновывается на базе теоретического и эмпирического анализа кардинальных изменений в мире, не только в биологическом ракурсе, но и в социально-философском. *Научная новизна* статьи состоит в том, что авторами был проведен достаточно нетривиальный анализ концепции рисков, доверия и неопределенностей как в социальных теориях, так и в приложениях к национальной безопасности; выявлены базовые ментальные конструкты, установки и глубинные паттерны как основные механизмы обеспечения доверия и недоверия, которые сопрягаются с риском и неопределенностями; разработаны и представлены репрезентанты понятийно-категориального аппарата «мышления в понятиях риска» как жесткая необходимость познания «ключевых параметров „культивируемого риска“», осознания «принятия риска как „эксперимента на доверие“» и обращено внимание на актуальный принцип «*порога катастрофы*» (в других терминах — это «красные линии»); предложена теория выбора потенциальной неожиданности (potential surprise theory of choice) в терминах Дж. Шэкла с раскрытием его базовой идеи о том, что, когда неопытные люди рассматривают возможные последствия принятия решения, они обращают внимание лишь только на те результаты, которые они сами себе вооб-

ражают, считая их в какой-то степени «всегда возможными», не принимая во внимание сильно конкурирующие подходы; в научный оборот было введено нетрадиционное понятие «мечталки, хотелки и желалки», смысл которых в том, что не все, о чем мечтаешь, хочешь и желаешь — сбывается, а скорее даже наоборот (по схеме Н. Лумана, который достаточно красноречиво описывал «сельское хозяйство, работающее на выживание» [9, с. 136]). Кроме того, в статье представлены также фундаментальные выводы ФАО, основанные на новых расчетах с использованием системы моделирования Aglink-Cosimo, которые дают действительно реалистические прогнозы. Выводы авторов основаны на базе объективного анализа всеобъемлющих кризисов COVID-19 и результатов конфликта на Украине с весьма вероятными экономическими и социально-политическими сдвигами в современной России.

Обзор литературы. Концепции рисков и неопределенностей как в социальных теориях, так и в приложениях к национальной безопасности — весьма распространены в мировой науке и в отечественной литературе, хотя неординарные трактовки практически все отличаются друг друга по своим смыслам и содержаниям.

Под «риском» (от др.-греч. *ρίσκόν* «опасность», *ρίζα* «подножие горы», исходное значение: «лабиринт между скал» [15]) в общем случае понимается как наличие опасности и угроз, возможность неудачи (даже с риском для жизни), или действие наудачу (в надежде на счастливый исход). Любой риск, по самому своему определению, предполагает вероятностный характер исхода, отличный от ожидаемого, при этом вероятность получения неблагоприятного итога (потери, убытки) обычно выше, чем благоприятного (наибольший доход, сверхприбыль). Если под риском предполагать событие, которое может принести только ущерб или только убыток, то предполагаемое событие такого рода обычно называют «фактором риска». Сегодня тематика риска, доверия и неопределенности вновь стала особо актуальна в самых различных науках.

В экономике эту задачу поставил и поднял в своем выдающемся проекте Ф. Найт [12, 13], который обнаружил, что предпринимательская прибыль сопряжена с функцией абсорбции риска, он детально разграничил экономический риск и неопределенность. Согласно его подходу, ситуации с риском — это предполагаемые события, в которых исходы были неизвестны, но они регулировались распределениями вероятностей, известными с самого начала. Ф. Найт, утверждал, что такие ситуации риска, в которых могут применяться правила принятия решений по максимизации ожидаемой полезности, фундаментально сильно отличаются от «неопределенных» ситуаций, в которых не только результаты, но даже модели вероятности, которые ими управляли, неизвестны. Неопределенность порождает экономические прибыли (исходы наибольшего дохода), которые в принципе не может устранить совершенная конкуренция. Найтовская концепция неопределенности и рисков признана во множестве работ. Дж. Кейнс ее обсуждал в «Трактате о вероятности» [33], где вероятность рассматривалась как мера логического соотношения между суждениями *рациональной веры* (*rational*

belief), разумной уверенности (*reasonable confidence*) и истинностью (*truth*). Степень уверенности (*degree of confidence*) говорит не столько о субъективной вере (зависящей от настроения или каприза индивида), сколько о вере рациональной, как объективной, хотя и не полной, обусловленной дополнительными воздействиями. Кейнс подчеркивал, что экономические прогнозы дают оценки надежности (*reliability*). Вероятность определяется не как реальное событие вместо термина *вера* (*belief*), ключевого для раннего «Трактата о вероятности»; в «Общей теории занятости, процента и денег» он стал использовать слова *уверенность* (*confidence*) и доверие (*credibility, trust*), и подобный терминологический сдвиг заставляет нас задуматься о том, счел ли он в данном контексте термин уверенность более адекватным, чем термин вера [8]. На найтовскую концепцию неопределенности и рисков полагался А. Алчиан при обсуждении поведения рынка на основе гипотез неполной информации и несовершенного предвидения [1]. П. Дэвидсон, выдающийся представитель американской школы посткейнсианцев, включил найтовскую концепцию неопределенности и рисков как неотъемлемый элемент в посткейнсианскую школу экономики, соучредителем которой он стал [7]. В «Эпистемике и экономике» Дж. Шэккл изучал методологические последствия фундаментальной неопределенности как Найта, так и Дж. Кейнса [40]. Один из первых теоретиков «общества риска» Дж. Шорт на уровне всеобщего миропонимания утверждал, что «неопределенность (*uncertainty*) и риск (*risk*) являются неотъемлемой частью человеческого существования» [41, с. 181], причем он сделал замечание о том, что не существует универсального мерилла риска. В качестве основателей парадигмы «социологии рисков» фигурируют такие социологи мирового уровня, как У. Бек, Э. Гидденс, Дж. Коулман, Н. Луманн, А. Селигмен, П. Штомпка.

У. Бек, по значимости своего научного вклада стоящий в одном ряду с Дж. Шэклом, использовал введенный им в научный оборот новый термин «общества риска» (*risk society*) [21], как ведущей теории для оценки «другого постмодернизма». Это общество он идентифицировал как «систематические способы борьбы с опасностями и ненадежностью, угрозами и рисками, которые вызваны самой современной модернизацией» [21, с. 21], связанные в том числе и с загрязнением окружающей среды, новыми типами заболеваний, изменением климата, пестицидами, химическими выбросами, радиацией (сам термин «общества риска» появился после Чернобыльской аварии 26 апреля 1986 г.). У. Бек выявил, что распространенные риски содержат эффект бумеранга (*boomerang effect*; *boomerang* — метательное оружие, возвращающееся назад к его владельцу), то есть лица, создающие риски, будут также подвержены им. Этот аргумент предполагал, что богатые люди, чей капитал в значительной степени ответствен за загрязнения, должны будут пострадать, когда, например, загрязняющие вещества просачиваются в систему водоснабжения. Этот аргумент может показаться чрезмерно упрощенным, поскольку состоятельные люди могут иметь возможность легче снизить риск, например, покупая воду в бутылках. Однако У. Бек утверждал, что распределение такого рода рисков является итогом знаний,

а не богатства. Другими словами, человек должен знать о существовании риска. Это касается не только представителей определенного социального класса или конкретного места, поскольку риск может затронуть всех, независимо от его статусной принадлежности: «никто не свободен от риска» (no one is free from risk) [21, с. 22]. Последствия сложных и рискованных технологий, внедряемых как способов извлечения дохода в логике перехода распределения богатств, основанном на недостатке благ, к распределению рисков. Этот концепт получил афористичное название эффекта дихотомии «goods/bads», выражаемой в кардинальной идее перехода от производства благ (goods) к столкновению с рисками неблагоприятных исходов этого производства (bads) [2, с. 21; 22, с. 6]. Глобальность угроз, некалькулируемость, невидимость, некомпенсируемость и зависимость от научных интерпретаций выступают из-за отсутствия временных, социальных и пространственных границ [2, с. 24–26], которые в социальной реальности так или иначе встроены в структуры современного общества. Предложенные У. Бемом плохие особенности рисков с неблагоприятными эффектами вполне согласуются с компонентами операционализации феномена онтологической опасности (ontological danger), выступающего антитезой понятия онтологической безопасности (ontological security) у Э. Гидденса. В его теории структуризации [3] социальная реальность представлена повторяющимися практиками людей, которые воспроизводят социальные структуры, и создают новые, когда ощущение онтологической безопасности должно обеспечивать постоянство самоидентификации, основанном на чувстве стабильности внешнего мира. Предполагается, что повседневная жизнь зависит от особенностей контекста и специфики индивидуальной личности, и подразумевает наличие системы онтологической безопасности, выражающей независимость (автономность) контроля за действиями в рамках предсказуемого хода событий. Ситуации рисков идентифицируются поэтому как возможная утрата онтологической безопасности, и в связи с этим — ростом тревожности [4, с. 45], которое в психосоциальном плане развивается еще у ребенка от «базисного доверия» к «базисному недоверию», сомнения и стыда к автономии, и от чувства вины к инициативе. В итоге своего развития ребенок формирует чувство социальной защищенности и ощущение безопасности, связанные с принятием на себя определенной социальной репрезентации. В оценке теорий психологии само взросление связано с обретением основных социальных компетенций; чувство онтологической безопасности хранится в основе зрелых социальных действий, а успешные повседневные практики напрямую зависят от выработанной способности оперировать базовыми механизмами контроля тревожности. Эти ментальные конструкты (паттерны) являются основными механизмами обеспечения доверия, которые сопрягаются с риском. Развивая свою теорию двойной структуризации, Э. Гидденс стал также использовать концепт сложности общественной жизни, привлекая концептуальный аппарат теории неуверенности и риска, разрабатываемой Н. Луманном, соотносясь с тематикой доверия, как к характерной составляющей поздней современности [27].

По его мнению, риск любого вида, в том числе риск, связанный с доверием, встроены в саму структуру общества, составляя его универсальную черту; причем уровень и вездесущность риска стали расти: «Угрозы постоянно сопутствуют жизни, они остаются под контролем не только отдельных особ, но также и крупных организаций, в том числе государств и правительств. Они характеризуются большой активностью и могут угрожать жизни миллионов человеческих существ, а потенциально — и всему человечеству» [27, с. 131]. В статье «Судьба, риск и безопасность» [3], ставшей популярной как среди ученых, так и среди общественности, Э. Гидденс выдал новый спектр параметров дефиниции риска: роковые события, роковые обстоятельства (которые «особенно значимы для индивида и для группы»), и они «включают нежелательные исходы, сопряженные с рисками событий со значительными последствиями» (*high-consequences risk* — высокий риск возможных последствий), «потенциально угрожающих жизни большого количества людей» ... «в роковые моменты индивиды должны принимать решения, особо важные для своих устремлений или, обобщая, для своей жизни в целом» ... «риск и попытки оценки риска настолько существенны для колонизации будущего, что его исследование может дать очень многое в понимании основных элементов современности. Сюда относятся несколько факторов: уменьшение риска для жизни индивида, соответствующее большим зонам безопасности в повседневной жизни, колонизованных абстрактными системами; образование институционально ограниченной среды риска; контроль риска как ключевой аспект современной рефлексивности» [3, с. 109–111]. Э. Гидденс разработал соответствующий понятийно-категориальный аппарат «мышления в понятиях риска»: это необходимость знания «ключевых параметров „культивируемого риска“», понимания причин перепада «внутренне *нестабильного* „климата риска“»; осознание «принятие риска как „эксперимента на доверие“» (элементарного доверия), имеющего последствия для самоидентификации; адекватное соотнесение риска, доверия и абстрактных систем, которые «создают обширные сферы относительной безопасности для непрерывного течения повседневной жизни» [3, с. 120–121].

Для снижения фундаментальных рисков имеет значение повсеместное внедрение абстрактных систем противодействия рискам, которые точно и вполне адекватно сопровождают формы локального контроля, и главное — являются конструктивными способами колонизации будущего [3, с. 127–130]. Э. Гидденс, говоря о том, что «не может быть и речи о простом негативном отношении к риску», имел тенденцию подходить к концепции общества риска более позитивно, чем У. Бек, справедливо утверждая, что риск любого типа «необходимо дисциплинировать, активное принятие риска является ключевым элементом общества в динамичной экономике и в инновационном обществе» [28, с. 35]

Американский социолог мирового уровня Дж. Коулман, как один из ведущих идеологов социальной теории рационального выбора, сделал свой собственный значительный вклад в разработку концептуального объяснения риска, неопре-

деленности и доверия при использовании формальных методов анализа поведения, включая случаи генерирования коллективных решений с учетом факторов риска [25]. Базируясь на теории рационального выбора, он пришел к выводу, что относительным измерением риска и доверия является то, что оказывающие доверие лица (trusted persons) и те, кому они доверяют (those who are trusted), есть рациональные индивиды, стремящимися к максимизации своих интересов. Сюда входит спектр выгодных действий, а именно: реализации собственных целей, извлечение прибыли, получение выгоды и других «выплат», снижая затраты. Тем самым, они принимают во внимание доступную информацию и путем рациональных оценок вычисляют уровень добросовестности партнера. Отношения между ними принимают в итоге форму такой игры по обмену ресурсами, где каждый из партнеров руководствуется рациональными расчетами и в своих действиях учитывает любую информацию, опирающуюся на вычисления рациональности всех других участников. Дж. Коулман, в частности, доказал математически и социологически, что любые ситуации, связанные с доверием (trust), составляют особый подкласс тех, которые связаны с риском (risk). Рассматривая «ситуации, в которых один риск (риск одного актора) зависит от действий другого», Дж. Коулман разработал новейшие концептуальные подходы социальной теории: «решения под риском» (decision under risk), «предпочтения риску» (preference for risk), их обобщения — «постулаты максимизации полезности в условиях риска» (postulates of maximization of utility under risk) [25, с. 92–99]. Он понимал проблемы доверия и риска как чисто рациональные сделки, с применением *метафор залога* (*pledge metaphors*) индивида, размышляющего о том, стоит ли ему доверять в процессе рационального выбора при решении принять залог. Самой трудной и сложной задачей, требующей переработки информации, является оценка порядочности актора: «Когда мы задумываемся, оказать ли кому-либо доверие или нет, часто самым большим неизвестным является вероятность того, что актор не оправдает оказанного доверия» [25, с. 102]. В этом контексте «риск и доверие представляются как рациональное ожидание вычисляемого поведения актора, которому оказано доверие, связанное с проявлением интереса решения ситуации в свою пользу» [25, с. 103]. Самобытность обмена, требующего доверия, опирается на то, что его всегда сопровождает риск, понимаемый как ассиметричная и неполная информация (asymmetric and incomplete information) о будущих действиях актора. Развитие этой предпосылки привело к разработке нового набора институциональных экономических теорий неопределенности и риска (Дж. Акерлоф, А. Алчиан, О. Уильямсон, К. Эрроу и др.).

Нельзя не отметить выдающиеся научные вклады в проблематику неопределенности, рисков и доверия, которые внес в мировую социальную науку немецкий социолог мирового уровня Н. Луманн. Он воспринимал общество как совокупность взаимодействующих социальных систем, видел их как системы коммуникации, и разработал теоретическую программу их исследования, на предпосылках, что концепция неопределенности, рисков и доверия проецирует

существенные аспекты описания будущего на настоящее и прошлое [36, с. 34]. Доверяя, мы ведем себя так, «как будто» мы знаем будущее. «Проявлять доверие — значит предвидеть будущее. Это значит вести себя так, как будто будущее предопределено» [36, с. 10]. Подход Н. Луманна опирался на идентификацию трех типов социальных систем: взаимодействия, организации и функционирования; каждая из которых создает собственную реальность посредством типов общения (communication), основанных на конкретных различиях и способах их воспроизводства. Они оперативно закрыты: все происходит в системных условиях, в соответствии с логикой данной системы. Наблюдения за средами используют логику и семантику самой системы, но влияние окружающей среды является лишь косвенным, посредством интерпретации. Общество является полицентричным в том смысле, что каждая функциональная система внутренне создает свой образ общества, и других систем в своей среде.

Н. Луманн, будучи крупнейшим аналитиком социальных систем, изучал наиболее важные концепции, которые их и объединяют, и позволяют им развиваться: риск, доверие и неопределенность. Проблема *риска* состоит в том, что будущее содержит опасности и угрозы, чреватые гибельностью. Проблема *доверия* заключается в том, что будущее содержит гораздо больше возможностей, чем может быть обновлено в настоящем и, таким образом, перенесено в прошлое. Проблема *неопределенности* в том, что если что-то произойдет, то оно будет являться следствием гораздо более элементарного факта того, что не все будущее может стать настоящим и, следовательно, прошлым. Проблема *безопасности* связана с защитой и надежностью, и те, кто проявляют уверенность в своей безопасности, смело ожидают будущего. Они действуют так, как будто бы они уверены в будущем. Н. Луманн обратился к онтологическим основам изучения риска и доверия в контексте разработки исходной дефиниции «неопределенности» (uncertainties), исходя из ее определения как связанной с непознаваемыми аспектами будущего. Операционализацию неопределенности, по его мнению, можно представить (интерпретировать) как некий феноменологический опыт непредвиденных обстоятельств в социально-временном потоке. Доверие тогда выступает как инструмент, позволяющий взаимодействовать со сложной реальностью, поскольку при его наличии некоторые факторы и детерминанты становятся несомненными в силу высокой вероятности того, что люди должны будут действовать с благосклонностью (favour) к кому-либо, а события сложатся благоприятно (favorable). «В акте доверия сложный мир делается более простым. Доверяя, человек ведет себя так, будто будущее содержит лишь строго несомненные возможности» [36, с. 20]. В то время как один ход событий может быть более вероятным (probable), возможным (likely), или обычным (usual), чем другой, сложные социальные процессы всегда включают в себя элементы непредсказуемости и изменчивости, и в конечном счете, основаны на непредвиденных обстоятельствах. Н. Луманн, однако, позитивно воспринимал тревогу о будущем, считая, что «доверие как способ уменьшить неопределенность, находится где-то между надеждой (hope) и уверенностью (confidence) и включает

в себя элемент полупросчитанного риска (*semi-calculated risk-taking*). Доверие, уменьшая сложность, открывает возможности для действий, которые остались бы непривлекательными и невероятными без него — иными словами, которые не были бы реализованы» [36, с. 25]. Основной ход событий Н. Луманн излагал в зависимости от социального характера ситуации: непредвиденные обстоятельства воспринимаются по-разному, и соответственно снижение сложности принимает разные формы. Он описывал два совершенно разных социально-временных типов причинности, связанных с системами (институтами) и людьми соответственно: как непрерывность и как события. Они описывают принципиально разные способы переживания непредвиденных обстоятельств и сложностей и, следовательно, представляют различные формы неопределенности. Соответственно, анализ доверия отображался как реакции на конкретные социально-временные переживания неопределенности [35, 36]. Хотя неопределенность является «частичной», но по сравнению с непредвиденными обстоятельствами она, тем не менее, так или иначе все равно «давит» (*overwhelming*) на людей и тем самым требует от них «уменьшения сложности» (*to reduce the complexity*), которая связана с их взаимодействием в виде опыта. Неопределенность в этом контексте — не совсем то же самое, что незнание, или забвение, или неспособность понять. Неопределенность — превращается в опыт. По словам Н. Луманна, опыт как фундаментальный способ снижения сложности, работает на уменьшение неопределенности, закладывая основы ожиданий в виде близких отношений (*familiarity*). В русле этой парадигмы непрерывность (*continuity*) относится к восприятию вещей как фиксированных во времени, неизменных, надежных (*reliable*) и стабильных (*stable*), практически независимо от времени. Это характер физической среды, институтов и систем, традиций и ролей текучего общества (*fluid society*). Устойчивые черты непрерывности управляются внутренней логикой, которая заставляет институт или систему появляться и вести себя завтра так же, как они вели себя вчера. Этот тип социальной атрибуции создает обратимое время (*reversible time*), в котором будущее отражает прошлое: стихийные бедствия, природные катастрофы, налоговые проверки, выборы, цена денег, наличие транспорта считаются одинаково надежными чертами будущего, как и прошлого. Здесь неопределенность переживается как опасность (*danger*) знакомых событий, которые происходят независимо от действий актора. Можно попытаться избежать таких событий, уйдя от опасности, убираясь от греха подальше, но у вас нет реального влияния на них или способности их предсказать.

Второй способ переживания неопределенности у Н. Луманна связан с темпоральностью событий, феноменологической формой которой *риск*. В то время как опасность (*danger*) связана с внешними угрозами, независимыми от актора, риск связан с нежелательными будущими событиями, вызванными собственными действиями. Рисковая форма неопределенности наиболее требовательна, когда актор пытается учитывать реакции других при принятии решения о стратегическом курсе действий. Эти луманновские определения риска, неопределенности

и опасности являются классическими, которые никто практически не оспаривает. Подчеркнем, что луманновский анализ доверия, риска и неопределенности основывается на фундаментальном прозрении Ф. Найта [12, 13], но перестраивает отношения между базовыми понятиями. Ф. Найт разделил риск и неопределенность, чтобы описать исчисляемое, познаваемое, неисчислимое, и непознаваемое. Н. Луманн исходил из понятия случайности, делая каждое событие, по крайней мере частично, непознаваемым и неисчислимым. Неопределенность описывает состояние неспособности знать что-либо с уверенностью — риск описывает один из способов обращения с этим опытом — состояние ума (*state of mind*), при котором ситуации разделяются на оперативные части, поддающиеся и не поддающиеся расчету, и попыток с их учетом разрабатывать свои стратегии. Для Н. Луманна расчет в рамках риска — это по сути дела фикция (фейк), поскольку непредвиденные обстоятельства всегда сделают сложность большей, чем может дать любой расчет. Развивая системную социологию, изучающую разные грани риска, он остановился на возможных болезненных последствиях технологических, естественных и социальных типов систем, производящих риски. Сам риск Н. Луманн понимал, как способность вызывать самые неожиданные, маловероятные и плохие последствия из-за опрометчивых действий лица, принимающего решение. Базовыми понятиями концепции риска выступали коммуникация, технология и действие, которые являются инструментами производства и воспроизводства общества как системы. С одной стороны, «коммуникация о технологии и о решениях по поводу использования или неиспользования той или иной технологии может быть „рискованной“», с другой стороны, «результатом коммуникации станет формирование критерия выбора между альтернативами и последующим действием» [35, с. 10]. Таким образом, включаются конструктивные механизмы итерации коммуникации с обратными связями, с учетом риска. Параметры риска: «само его возникновение состоит из множества случайностей, которые нельзя измерить полностью; уровни приемлемого риска различны для тех, кто принимает решения, и для тех, кого эти решения затрагивают» [35, с. 25]. Смысловые вариации *риска* и *опасности* зависят от позиции наблюдателя, а именно: «то, что для одного является риском, для другого — опасностью» [5, с. 20].

В обзоре мы не можем обойти концепт феномена доверия и рисков, который в исторической динамике социальных трансформаций описывался как явление, близкое к «вере», и который проанализировал американский социолог А. Селлигмен, который установил фундаментальный переход от «веры» к «доверию», доказав на фактах истории, что «существование доверия стало важным компонентом всех устойчивых социальных отношений» [38, с. 17]. Он уточнил базовые понятия риска, доверия, веры и уверенности, ввел в научный оборот темы социальности в пределах уверенности, сопряженные с доверием ролевые ожидания, уточнил параметры уверенности в рамках своей социальной роли, обратив внимание на чисто социологический аспект этой проблемы: «чем выше уровень возможностей относительно ожиданий, заключающихся в ролях, тем

больше поле для развития доверия» [38, с. 39]. Уверенность, которая «сильнее» доверия, базируется на регламентациях, нормах, договоренностях и том, что ее существенно отличает от доверия — наличие гарантий, формальных предписаний, успешного опыта, возможность обезопасить себя от негативных последствий при помощи применения санкций. Типичное условие, принимающее экстремальные формы в «позднем модерне», — рост риска, который стал «неотъемлемым элементом ролевых ожиданий, когда с трансформацией социальных ролей и развитием ролевой сегментации возник встроенный предел систематически обоснованным ожиданиям» [38, с. 170]. Рост риска стал символом эпохи, что подтверждается приводимыми ниже эмпирическими данными.

Наконец, в этом обзоре литературы нельзя не упомянуть ключевые идеи выдающегося польского социолога П. Штомпки, который ввел в научный оборот парадигму габитуса доверия и недоверия (*habitus of trust and distrust*). Он представил ряд авторских монографий и статей по тематике риска, доверия и недоверия [19, 42, 43], в которых установил на многих фактах степень распространенности и все увеличивающиеся масштабы неопределенностей и рисков [43, с. 38]. Он выявил и разработал такие новые подходы, как концепт столкновения с рисками (*face risks; to take the risks*); действия вопреки неопределенности и риску (*act in spite of uncertainty and risk*); величина риска (*amount of risk*); дефиниции риска для обозначения типов угроз, бедствий, опасностей (*threats, hazards, dangers*); обнаружил общие моменты у риска и доверия в ориентациях на будущее; общее в нежелательном и угрожающем будущем состоянии мира; риск как неопределенность в отношении возникновения и утверждения будущего нежелательного состояния мира; риск как агентское обязательство (*agential commitment*); темы профиля риска (*risk profile*), обосновывающей сильного фактического присутствия и восприятия риска; теорий универсализации, институционализации и рефлексивности риска; теории непреднамеренных последствий, становящихся доминирующей силой; теории радиуса доверия (*radius of trust*), как расширяющихся кругов от межличностных отношений к ориентации на социальные объекты; различение трех измерений доверия — реляционного, психологического, культурного (*relational, psychological, cultural*); оценки доверия, основанной на надежности (*trustworthiness*) и на репутации (*image*); теории идеализации доверия (*idealization of trust*) [43, с. 25–109]. Парадигма доверия как новый формат социального капитала была разработана и представлена П. Штомпкой в его монографии [42], где был сделан основной упор на теорию межчеловеческого пространства, против идеалистического доверия и рассмотрены не только светлые, но и темные стороны социального капитала. Второе издание книги о доверии и риске, опубликованное на польском и русском языках [19] по сравнению с исходной английской версией в расширенном варианте по своей теоретической глубине, богатстве содержания и многогранности смыслов доказывает, что доверие является реальной основой общества, хотя существуют группы и слои, генерирующие в себе и исторгающие из себя отрицательную энергию недоверия, которая несет в себе будущий социальный крах.

Теория. В статье фокусируется внимание на анализе и размышлениях авторов в основном описательных и частично математических теорий рисков, и неопределенностей, сопряженных с доверием/недоверием, которые связаны с решениями тех или иных ключевых системных выборов. В основе статьи предложена теория *выбора потенциальной неожиданности (potential surprise theory of choice)* Дж. Шэкла с раскрытием его базовой идеи о том, что, когда люди рассматривают возможные последствия принятия решения, они обращают внимание лишь только на те результаты, которые они: (а) воображают и (б) считают в какой-то степени возможными, причем вовсе не гарантируется, что этот набор результатов включает то, что происходит на самом деле, и что может быть таким событием, которое они не могли себе представить, когда оно стало для них «полной неожиданностью» [39].

Теория *потенциальной неожиданности (theory of potential surprise)* Дж. Шэкла казалась более чем странной для большинства экономистов основного течения, исследующих проблему выбора, в первую очередь из-за того факта, что это не теория *вероятности (probability)* и *знания (knowledge)*, а теория *воображения (imagination)* и *возможности (possibility)*. Ее фундаментальная сущностная основа состоит в том, что актер (предприниматель или лицо, принимающее решение), взвешивает два возможных варианта, исходя из допустимых уровней потенциальной неожиданности, и сначала проводит различие между возможными и невозможными результатами, а потом приступает к исключению неприятного исхода из своих соображений. Исход, который *субъективно ужасен (subjectively terrible)* и *неправдоподобен (implausible)* для актера, может быть представлен переменной R , а результат, который субъективно удивителен, но также и неправдоподобен для актера, будет присвоен переменной U . Все то, что лучше, чем U , и хуже, чем R , исключаются из поля зрения актера, и фокус двух значений, которые должны быть им выбраны как решения, должен находиться между этими двумя максимальными точками. Две фокусные точки для актера, которые находятся между этими двумя значениями, затем взвешиваются по уровню их потенциальной неожиданности, независимо от того, являются они или нет субъективно приемлемыми. Постоянно повторяющаяся тема у Д. Шэкла — это субъективное использование воображения для принятия решений. Вместо того, чтобы взвешивать каждую возможную функцию или, по крайней мере, большинство функций в распределении вероятностей, актер продолжает принимать свои решения на основе субъективных двойных решений и просто взвешивает их друг против друга, прежде чем приступить к действию.

Актер сохраняет свои варианты открытыми, а возможность, которая не возникает для него из гипотезы ожидаемой полезности, приводит к очень сильному афоризму: «Посмотри, прежде чем прыгать», который может привести к логическим крайностям, как понятию, в принципе неприемлемого для реального экономического мира или в реальной жизни. В фокусе Дж. Шэкла была способность актера держать свои варианты открытыми и из-за несовершенных знаний и характера воображения проводить двойной анализ возможностей, а не

полные распределения вероятностей [39]. К. Эроу верно отмечал, что причина отсутствия интереса к этой теории заключается не в каком-либо отрицании того, что позиция Дж. Шэкла в корне неверна, а «в отсутствии тех аналитических инструментов, необходимых для того, чтобы этот необычный подход (exsertional approach) мог генерировать практически значимые выводы» [20, с. 523]. Говоря о сути самой методологии радикальной переоценки Дж. Шэклом экономической теории риска и неопределенности, важно подчеркнуть, что по своему научному статусу она была, прежде всего, эпистемологической, изучающей отношение объект-знание по главному признаку удовлетворения требования фундаментальной обоснованности. Он считал, что если опираться на идею, что в основе неоклассической экономики, использующей методы равновесия, лежит ключевая гипотеза о том, что агенты будут действовать рационально, то упускается контекст игнорирования измерения времени; и в таком случае логика рациональности фактически тождественна утверждению, что агенты знают будущее. Способ, которым неоклассическая экономическая теория тайно протащила это очень сильное предположение, состоял в использовании одновременных уравнений. Дж. Шэкл указывал, что для того, чтобы агенты действовали «рационально» в том смысле, в каком неоклассические экономисты понимали это слово («рационально», то есть минимизация затрат при максимизации выгоды), они должны знать логически, какие действия собираются предпринять все другие агенты. А это, как утверждал Дж. Шэкл, фактически и равнозначно предположению, что они знают будущее. Когда экономисты-неоклассики, начиная с Л. Вальраса и Ф. И. Эджуорта, пытались оправдать этот метод, используя принцип «*tâtonnement*» («нащупывания»), они обоснованно предполагали, что агенты должны будут постоянно тестировать различные предложения и цены до тех пор, пока не будет достигнут ряд предложений и цен, обеспечивающий равновесие. Дж. Шэкл справедливо утверждал, что тип рассуждений, основанный на аналогии между статической системой одновременных уравнений и динамическим процессом «*tâtonnement*», в итоге, вводит в заблуждение [20, 39].

Важно акцентировать внимание на том, что хотя в экономическом консенсусе в отношении математической теории вероятностей с тех пор и по настоящее время мало что изменилось, но вскоре было обнаружено, что теория потенциальной неожиданности Дж. Шэкла имеет удивительное сходство со сценарным планированием (*scenario planning*) [34]. Под сценариями понимается обычно правдоподобные, но неожиданно важные ситуации и проблемы, которые существуют в той или иной зарождающейся форме в настоящее время и происходят в будущем на различных временных горизонтах. «Сценариями» называются также возможные комбинации и перестановки событий, эпизодов, фактов и сопряженные с ними социальные изменения. Любой конкретный сценарий маловероятен. Однако аналитики, изучающие фьючерсы, выбирают характеристики сценария так, чтобы они были и возможными, и неудобными. Планирование сценариев помогает политикам и компаниям предвидеть изменения, готовить ответные меры и создавать более надежные стратегии. Все это в значительной

степени, на самом деле, есть адаптация, обобщение и применение классических методов, используемых военной разведкой стран мира. В наиболее распространенном применении метода сценариев аналитики создают игры-симуляторы для политиков, которые объединяют в единый ландшафт знаний известные факты демографии, географии и запасов полезных ископаемых, с военной, политической и промышленной информацией, ключевые движущие силы, верифицированные с учетом всех социальных, технических, экономических, экологических и политических тенденций (social, technical, economic, environmental, political — STEEP). Введение метода сценарного планирования приписывают Г. Кану благодаря его работе на вооруженные силы США в корпорации RAND, где он в 1950-х годах разработал описания будущего в нарративах (рассказах, сказках, повествованиях, историй) — как если бы они были написаны людьми, пришедших в настоящее из будущего. Г. Кан для описания этих нарративов использовал термин «сценарии». Он основал Институт Хадсона, где расширил сценарную работу вплоть до социального прогнозирования и государственной политики. Х. Кан, «размышляя о немыслимом», посчитал, что одним из наиболее противоречивых способов использования им сценариев было предположение о том, что ядерную войну можно выиграть [32]. Однако бывший в то время министром обороны США К. Уайнбергер опроверг в принципе саму возможность подобного сценария, указав, что даже само «предположение о том, что победа в ядерной войне возможна, не имеет места в нашей стратегии» [10]. Имелось в виду то, что на любой ядерный удар последует аналогичный ответ, что приведет к взаимному уничтожению сторон. Необходимо сказать, что и современные российские авторы разрабатывали сценарии ядерной войны и отлично представляли себе последствия [10]. В «новых сценариях» ставки делаются на удар неядерными сверхточными системами по военным арсеналам, что сейчас мы наблюдаем в действиях противодействующих сторон специальной военной операции, которая видит приоритетную роль высокоточного оружия [18]. Считающийся отцом сценарного планирования Г. Кан разрабатывал новые методы будущего, а его ученик Г. Бергер развивал аналогичные методы во французском центре «Перспектива». Суть подхода заключалась в разработке нормативных сценариев, которые при формулировке государственной политики Франции в случае возникновения экстремальных военных ситуаций должны были использоваться как непосредственные руководства к действию [23]. Г. Кан и Э. Винер для США представили новую концепцию планирования сценариев: «Следующие тридцать три года» [31]. В его основе лежали вновь алгоритмы определения неопределенности и рисков в представленной выше парадигме Ф. Найта.

Заострим внимание на том, что на основе базовой модели рисков и неопределенности по Ф. Найту максимально ориентированным научным вкладом стала социолого-экономическая конструктивная модель Х. Уайта «Рынки из сетей», разработанная им в 2002 году [46]. В своей книге Х. Уайт справедливо предположил, что ключом к экономической деятельности должен быть подход,

когда производители ищут рыночные ниши, чтобы максимизировать прибыль и минимизировать конкуренцию, и основывают производственные решения как на ожидаемых затратах поставщиков и предполагаемом спросе со стороны покупателей, так и учитывая возможные решения своих конкурентов. Х. Уайт уверенно утверждал, что производители действуют, на самом деле, не столько в формах ответов на фактический спрос, сколько предвосхищая его: они оценивают, где их конкуренты находят спрос, и тем самым определяют, что они могут сделать сами. Для этого достаточно просто распознавать ключевые ресурсы, чтобы занять особую нишу. Основываясь на этих идеях, Х. Уайт создал новые математические модели того, как работает вся экономика и как взаимодействие ее секторов создает взаимную защиту от неопределенностей и рисков бизнеса. Его новые модели обеспечивали новые способы учета прибыли, цен, долей и ниш рынка и других жизненно важных экономических проявлений. Х. Уайт показал, например, что цены определяются объединением локальных переменных, а не устанавливаются в терминах средних значений, как это следовало в версии закона спроса и предложения. Он заключил, что модель чистой конкуренции, которой отдает предпочтение экономическая наука, несовершенна потому, что не учитывает различные обстоятельства отдельных отраслей. Х. Уайт широко использовал тематические исследования американского бизнеса и математические и социологические исследования сетей, разработал ряд математических моделей социальной структуры, включая цепочки вакансий и блок-схемы. Х. Уайт, используя модели социальной структуры на основе паттернов отношений, а не на атрибутах и установках индивидов, стал мировым лидером теоретического прорыва в экономической социологии, который все еще продолжается. Благодаря своему физико-математическому образованию и богатым эмпирическим обоснованиям, Х. Уайт вышел на высокий уровень абсолютной оригинальности и научной строгости в конструктивном соперничестве со стандартными экономическими теориями мейнстрима [46, с. 16].

В реинтерпретации В. В. Радаева, Х. Уайт в своей экономико-социологической парадигме продемонстрировал то, как на рынках фирмы своими оптимальными действиями порождают эффективно работающие рыночные структуры: «Хозяйственные агенты используют деловые сети в качестве инструмента для выработки схем оценок и стратегий в отношении объема и качества производимой продукции ... стратегии вырабатываются ими не просто в результате взаимодействия с поставщиками и потребителями, но вследствие постоянного наблюдения (мониторинга) за действиями конкурентов, с которыми вовсе не обязательно существуют какие-то непосредственные деловые контакты. Рынок в данной концепции — не просто система обмена произведенной продукцией и не готовая структура, заполняемая отдельными фирмами. Прежде всего, это сложный сигнальный механизм, который помогает фирмам выбрать и обустроить определенные ниши, не существующие в готовом виде. Они создаются в результате наблюдения и взаимного соотношения действий, благодаря которым происходит образование ниш и их выстраивание в особый отраслевой рынок

... действия по созданию фирмы не могут быть ничем иным, как элементом согласованных действий по созданию рынка. Заметим, что здесь также значение сетей выходит за рамки непосредственных взаимодействий. Фирмы группируются не по наличию и характеру прямых связей, а по принципам структурного соответствия и структурной эквивалентности в соотношениях объема — цены — качества продуктов и услуг. Подобный подход открывает возможность перехода от анализа локальных порядков, формируемых институционально обусловленными схемами действия, к анализу макроструктур, которые являются своего рода „продолжением“ и пересечением микропорядков (говоря словами Х. Уайта, интерфейсами)» [13, с. 11–12]. Концепт «рынков из сетей» как паттернов связей и отношений Х. Уайта важен в контексте основных научных вкладов с точки зрения возможного теоретического описания рисков продовольственной безопасности и других видов национальной безопасности в новой глобальной (мировой) реальности после 22 февраля 2022 г.

Возвращаясь к другой теоретической дефиниции неопределенности и рисков, которую разработал Н. Луманн [9], нужно особо выделить приобретающую *актуальность* термина «порог катастрофы» (*the threshold of disaster*). Особый смысл этой идеи Н. Луманна как порога катастрофы в теории вероятности состоит в том, что «результатами калькуляции риска соглашаются тогда и только тогда, когда они не подходят к порогу, за которым несчастье (сколь бы невероятным оно ни являлось) было бы воспринято как катастрофа» [9, с. 136]. Иными словами, с точки зрения теории вероятностей, достаточно простые «математические результаты калькуляции риска» оказываются неверными в том плане, что они не учитывают действия закона перехода количественных изменений в изменения качественные, когда происходит скачок к «порогу катастрофы» из плавного течения событий — в катастрофический. По аналогичной схеме, согласно утверждению Н. Луманна, «сельское хозяйство, работающее на выживание, весьма не расположено к риску, ибо ему постоянно угрожают голод, потеря семенного фонда, невозможность продолжить производство» [9, с. 136] — это своеобразные «мечталки, хотелки и желалки» (*dreams, wishes and desires*), смысл которых заключается в том, что вовсе не все, о чем мечтаешь, хочешь и желаешь — сбывается, а скорее наоборот, и особенно в период новой глобальной реальности, что вполне подтверждается сегодня, и чему, собственно, и посвящена наша статья.

Отметим, что кроме указанных выше подходов к неопределенностям и рискам имеются альтернативные концепции, основанные на теориях игр и решений. Здесь имеет значение логика выдвижения гипотезы того, насколько глубоко могут быть переосмыслены субъективированные предпочтения и реальные ограничения (нужды, потребности, ожидания, запросы, установки, стремления или «хотелки») лиц, принимающих решения, особенно на мега- и макро-уровнях. Порог своей собственной катастрофы и катастрофы всего общества в целом по-разному определяет тот, кто принимает решения, и те, кого эти рискованные решения затрагивают, и он «оказывается решающим в вопросе о том, учитывают ли такого рода решения недопустимый риск или нет, а если да,

то в каких временных или предметных горизонтах это делается» [9, с. 136–137]. Однако этот аспект представленной проблемы не входит в круг наших задач, поставленных в данной статье. Хотя, если расширять теоретическую точку зрения по теме неопределенности и риска, то имеет значение вопрос связей и между неопределенностью, риском и доверием, которые в научной мысли отслеживаются в паттернах (ментальных моделях), обеспечивающих включенность переменных габитуса доверия (*habitus of trust*). Они, в свою очередь, фиксируют последствия ослабления/разрушения (даже краха) доверия в самых различных проблемных областях, таких как политические системы, правосудие, наука, экономическое регулирование, кибернетическое пространство, эпидемиологический надзор, этническое, расовое, религиозное многообразие и возможные военные конфликты [44], один из которых стал сильнодействующим фактором для риска продовольственной безопасности в мировых контекстах новой глобальной реальности.

Данные. В этой статье анализируются риски, неопределенности и возможные случаи доверия — недоверия на примерах статистики развитых стран, развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, и практик выборов ключевых решений. Авторы опираются на статистические данные Всемирного банка и ФАО, находящиеся в свободном доступе в медийном пространстве интернета. Поскольку основной задачей ФАО является борьба с голодом и эта организация выступает в качестве площадки, где все страны мира обсуждают, согласовывают и принимают ключевые решения в сфере продовольственной безопасности, то для этой статьи статистические данные ФАО имеют очень важное, приоритетное значение для понимания будущих реальных результатов рисков как политических факторов государственной безопасности.

Все страны мира и прогнозы их развития разбиты на прогнозы стран с *развитой экономикой (advanced economies, AE)*, стран с *формирующимся рынком и развивающихся стран (emerging market and developing economies, EMDEs)*, и стран с *низким уровнем доходов (stubbornly limited across low-income countries, LICs)*. Ниже проводится статистический анализ состояния и развития этих стран с прогнозами на 2022–2023 гг. [44, с. 15].

Изучая COVID-19 в мегаполисах мира, авторы специального доклада по этому поводу свои ключевые выводы свели к оценкам тех потерь, которые привели в период длительного действия ограничений. Как указано в докладе, COVID-19 привел к существенному спаду экономики в крупных городах мира — снижение ВРП в среднем на 7%, рост безработицы до 6%, что при сохранении ограничений может еще более усугубляться [16, с. 2]. Кризис, вызванный COVID-19, выделяется своими глобальными масштабами, размахом и серьезностью. В первый год пандемии в 2020 г. объем производства сократился в 90% стран, мировая экономика сократилась примерно на 3%, и впервые стала генерировать глобальную бедность [29, с. 1]. Доля стран, где из-за пандемии наблюдался отрицательный рост производства, превысила долю как мировых войн, так и Великой депрессии [29, с. 26]. COVID-19 вызвал глобальный кризис в области здравоохранения, перегрузил все системы медицины всех стран мира,

вызвав более полумиллиарда случаев заболевания и более 6 миллионов летальных случаев (данные мая 2022 г. университета Дж. Хопкинса [26]). Долгая пандемия в 2020–2022 гг. превратилась в крупнейший экономический кризис последнего столетия, все страны мира приняли беспрецедентные чрезвычайные меры, такие как запреты на поездки, ограничения на передвижение, закрытие второстепенных фирм, ограничения на публичные собрания, обязательную домашнюю работу, в целом серьезно повлияло на всю экономическую активность. В результате резко сократились доходы домохозяйств, доходы от бизнеса и от занятости; пострадали малые фирмы, домохозяйства с низким доходом, уязвимые группы населения.

Результаты исследования и их обсуждение

Как известно, глобальный финансовый кризис 2007–2009 гг., затронул в первую очередь страны именно с развитой экономикой, в то время как страны с формирующимися рынками (экономика которых поддерживалась высокими ценами на сырьевые товары) пострадали гораздо меньше. В самый разгар мирового кризиса 2009 г. объем производства сократился в 63% стран планеты, в то время как вся мировая экономика сократилась на 2,2%. Это намного меньше, чем в первый (2020-й) год пандемии (3,0%) [37]. Надо понимать, что из-за возобновления пандемии (2020–2022 гг.) перспективы глобального роста мировой экономики стали гораздо слабее, чем до ее начала — из-за роста цен на продовольствие и энергию, более пагубных перебоев в логистике и инфляции, которая оказалась выше, чем предполагалось ранее.

Последние данные указывают на уверенный, но замедляющийся глобальный рост. Всплеск инфекций COVID-19 в 2021 г., связанный со штаммом Delta, резко подорвал потребительский спрос, но в гораздо более ограниченной степени, чем предыдущие волны. Различные негативные риски омрачают любые оптимистические перспективы, в том числе одновременные экономические потрясения, вызванные штаммом Omicron, дальнейшие узкие места в поставках, ослабление инфляционных ожиданий, финансовый стресс, стихийные бедствия, связанные с климатом, и ослабление долгосрочных факторов роста ВВП. Постоянные перебои с поставками сказываются на глобальном производстве и торговле. В странах с развитой экономикой (advanced economies) высокие показатели вакцинации и значительная финансовая поддержка помогли смягчить неблагоприятные экономические последствия пандемии. Однако в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах (emerging market and developing economies, EMDEs) темпы восстановления еще больше замедлились из-за ослабления политической поддержки и ужесточения условий финансирования. Эти страны переживают заметно более слабое и неустойчивое восстановление по сравнению со странами с развитой экономикой — из-за более медленного прогресса в области вакцинации, более ограниченных политических мер и негативных последствий пандемии, они имеют ограниченное политическое пространство и в случае нужды в дополнительной поддержке негативные риски повышают вероятность потерпеть фиаско. Эти последствия отража-

ют неблагоприятное воздействие пандемии на физический и человеческий капитал для потенциального объема производства. Если страны с развитой экономикой (advanced economies) и растущее число стран с формирующимся рынком, и развивающиеся страны (EMDEs) почти полностью вакцинировали большинство своего населения, то, несмотря на широкий охват вакцинацией, некоторые из них были вынуждены вновь ввести строгие меры изоляции, чтобы уменьшить нагрузку на свои системы здравоохранения. Охват вакцинацией остается крайне неравномерным по всему миру и упорно ограниченным в странах с низким уровнем доходов (stubbornly limited across low-income countries, LICs). При недавних показателях вакцинации лишь около трети населения с низким уровнем дохода получили хотя бы одну дозу вакцины к концу 2023 г. [30, с. 3]. Ожидается, что глобальный рост замедлится с 5,5% в 2021 г. до 4,1% в 2022 г., что отражает продолжающиеся вспышки COVID-19, снижение политической поддержки и затянувшиеся перебои с поставками. Ожидается, что рост мировой экономики в 2023 г. замедлится еще больше, до 3,2%, поскольку истощается неудовлетворенный спрос, а поддерживающая макроэкономическая политика продолжает сворачиваться. Прогнозируется, что темпы роста в странах с развитой экономикой (advanced economies) снизятся с 5% в 2021 г. до 3,8% в 2022 г., поскольку сокращение неудовлетворенного спроса лишь частично смягчит резкое прекращение поддержки со стороны налогово-бюджетной политики.

Прогнозируется дальнейшее замедление роста в странах с развитой экономикой в 2023 г. до 2,3%, поскольку будет исчерпан неудовлетворенный спрос. Ожидается, что большинство стран с формирующимися рынками и развивающиеся страны (EMDEs), в отличие от стран с развитой экономикой, вновь пострадают от пандемии, поскольку траектории роста будут недостаточно сильными, чтобы вернуть инвестиции или объем производства к допандемическим тенденциям в прогнозируемом горизонте 2022–2023 гг. Ожидается, что рост в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах (EMDEs) замедлится с 6,3% в 2021 г. до 4,6% в 2022 г., поскольку вспышки COVID-19 на фоне распространения варианта Omicron, препятствия для вакцинации, и продолжающееся прекращение макроэкономической поддержки помешают восстановлению внутреннего спроса. Прогнозируется, что в 2023 г. темпы роста в этих странах (EMDEs) снизятся до 4,4%, что заметно ниже среднего значения 5,1% за последнее десятилетие, поскольку внутренний спрос стабилизируется, а цены на сырьевые товары станут умеренными. Несмотря на продолжающееся восстановление, ожидается, что пандемия нанесет серьезный ущерб объему производства в этих странах (EMDEs) в течение достаточно долгого периода, отчасти из-за неблагоприятного воздействия на накопление человеческого и физического капитала. Ожидается также, что совокупный объем производства в 2023 году будет примерно на 4% ниже допандемического тренда, а в нестабильных и затронутых конфликтами странах с формирующимся рынком и развивающихся странах — более, чем на 7% ниже — из-за того, что они сталкиваются с повышенной неопределенностью, проблемами безопасности, слабыми инвестиционными перспективами и вялым прогрессом в области вакцинации.

Примерно в трети стран с низким уровнем доходов (LICs), многие из которых являются экономиками, сильно зависящими от туризма, или небольшими государствами, из-за пандемии и дополнительного ужесточения регулирования, объем производства в 2022 г., как ожидается, останется ниже, чем в 2019 г. Ожидается, что рост в странах с низким уровнем доходов (LICs) укрепитсся до 4,9% в 2022 г. (ниже его среднего исторического значения), поскольку ограниченное пространство для маневра в политике сдерживает восстановление, а высокая инфляция, в том числе рост цен на продукты питания и продолжающиеся конфликты обычно сдерживают потребление. В январском 2022 г. обзоре «Глобальные экономические перспективы» аналитики Всемирного Банка снизили прогноз мирового ВВП до 4,1% в 2022 г. и до 3,2% в 2023 г. Главные причины «торможения»: сохранение пандемии, включая риски, связанные с неясными перспективами расширения популяции «омикрона» на фоне сворачивания мер государственной поддержки и новых логистических осложнений в глобальной торговле. Прогнозы по динамике экономик мира из-за COVID-19: рост развитых экономик в целом замедлится с 5,0% в 2021 г. до 3,8% в 2022 г.; в США с 5,6% до 3,7%; в зоне евро с 5,2% до 4,2%; для развивающихся экономик торможение будет еще жестче — в целом с 6,3% до 4,6%; в Китае — с 8,0% до 5,1% в 2022 г. Из крупных развивающихся стран ускорение ВВП в 2022 г. ожидается лишь у Индии с 8,3% до 8,7% и у Индонезии с 3,7% до 5,2% [29, 30].

Росстат оценивал годовые темпы роста ВВП РФ в январе — сентябре 2021 г. 4,6% (из-за COVID-19). Текущие прогнозы по динамике ВВП РФ на 2022 год Минэкономразвития (ожидало рост на 3%) и ЦБ РФ (ожидало рост на 2–3%) в текущей реальности «специальной военной операции» не актуальны. Опрошенные ЦБ в начале марта 2022 г. аналитики предсказали, что ВВП РФ в конце 2022 г. может упасть минимум на 8%. Инфляция должна остаться порядка 20%.

Существует гипотеза — о приближении кризиса возможного голода в мире. Власти Украины заявили о решении двукратного сокращения своих посевных площадей с 14 млн га до 7 млн га. На Украине эскалация конфликта уже привела к закрытию портов, приостановке операций по переработке масличных культур, введению требований по экспортному лицензированию культур, что может сказаться на экспорте зерна и растительных масел на много месяцев вперед. Также неясно, сможет ли во время затяжного конфликта Украина собирать урожай. В связи с конфликтом на Украине, концентрация в поставках на мировых рынках продуктов питания и удобрений России, когда экспортные поставки сосредоточены в разных странах, подвергают эти рынки особо повышенной уязвимости в отношении к глобальным потрясениям и сильной волатильности.

Имеет значение особенности функционирования сельских хозяйств, которые потребляют большое количество энергии напрямую, за счет использования топлива, газа и электричества, и косвенно, за счет применения агрохимикатов, удобрений, пестицидов, топлива для техники и обогрева сельхоз-помещений, и смазочных материалов. Надо понимать, что Россия — это ключевой игрок на мировом энергетическом рынке. Сельское хозяйство как высокоэнергоёмкая

отрасль неизбежно пострадает из-за резкого роста цен на энергоносители, которым сопровождается конфликт на Украине.

За период с 2016–2017 по 2020–2021 гг. в совокупности Россия и Украина произвели в мировых долях: 52% — подсолнечного масла (sunflower oil); 19% — ячменя (barley); 14% — пшеницы (wheat); 6% — рапса (rapeseed); 4% — кукурузы (maize); 2% — сои (soybean) [44, с. 5].

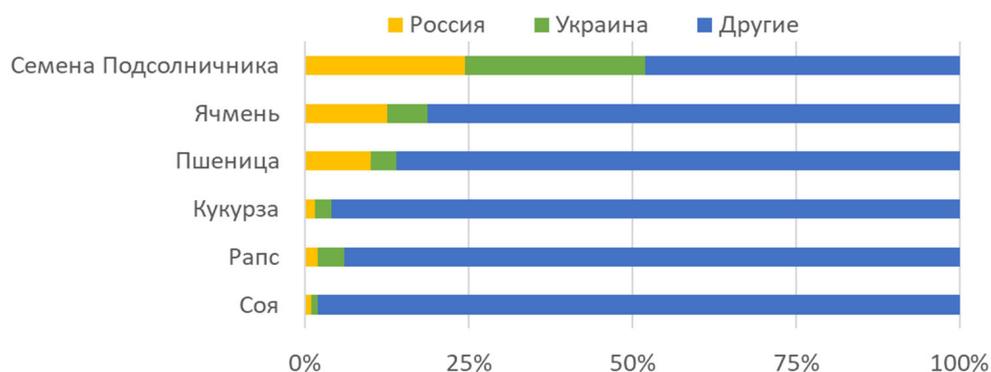

Рис. 1. Доля в мировом производстве отдельных культур (в среднем 2016/2017–2020/2021 гг.) [44, с. 5]

Fig. 1. Share in global production of selected crops (average 2016/2017–2020/2021) [44, с. 5]

Выдающееся положение России и Украины на мировой торговой арене продуктами сельского хозяйства заключается в том, что в 2021 г. Россия и Украина вошли в тройку крупнейших мировых экспортеров пшеницы, кукурузы, рапса, подсолнечника и подсолнечного масла, при этом Россия занимала первое место в мире по экспорту азотных удобрений и была второй как ведущий поставщик калийных и фосфорных удобрений. Многие страны мира, слишком зависящие от импорта еды и удобрений, особенно некоторые из стран, входящих в группы наименее развитых (Least Developed Country, LDC) и стран с низким уровнем дохода и дефицитом продовольствия (Low-Income Food-Deficit Country, LIFDC), все еще полагаются на поставки продуктов питания с Украины и России для удовлетворения своих потребительских запросов. Многие из этих стран еще до конфликта России и Украины боролись с негативными последствиями высоких международных цен на удобрения и продовольствие. Базовые позиции ФАО основаны на том, что она служит источником ключевой информации и оказывает помощь развивающимся и развитым странам в существенном улучшении практик сельского хозяйства. Афористичный девиз ФАО: «Да будет хлеб» (Fiat panis) понятен во всех странах мира. На май 2022 г. в ФАО насчитывалось 197 государств-членов. Для авторов статьи имеет значение выводы моделирования ФАО [44] по ценовым, финансовым, логистическим, производственным, энергетическим и гуманитарным рискам.

Моделирование ФАО *ценовых рисков*, вытекающих из конфликта, дающее оценки потенциальных последствия внезапного сокращения экспорта зерна

и семян подсолнечника двумя странами, показывает, что этот дефицит может быть лишь частично компенсирован за счет иного (альтернативного) происхождения в течение маркетингового сезона 2022–2023 гг. Возникающий в результате дефицит глобального предложения может привести к росту мировых цен на продовольствие и корма от базы на 8% (минимум) — на 22% (максимум) и без того повышенного уровня. Если конфликт России и Украины удержит *цены на сырую нефть* на высоком уровне, и продлит сокращение участия двух стран в глобальном экспорте после сезона 2022–2023 гг., то на мировых рынках зерна и подсолнечника сохранится дефицит предложения, даже если альтернативные страны-производители расширят свое производство в ответ на более высокие цены. Это приведет к тому, что мировые цены будут значительно выше базового уровня.

Логистические риски. На Украине справедливо опасаются, что этот военный конфликт может привести к повреждению внутренней транспортной инфраструктуры и морских портов, а также инфраструктуры хранения и переработки. Это очень важно, учитывая ограниченные возможности альтернатив железнодорожного транспорта, морских портов и небольшие перерабатывающие мощности установок по переработке масличных культур для того, чтобы компенсировать их отсутствие. Существуют опасения по поводу увеличения страховых премий для судов, направляющихся к причалам в Черноморском регионе (в том числе из-за выставления минных заграждений в море), это усугубляет и без того повышенные расходы на морские перевозки, еще больше усугубит цены продуктов питания из международных источников, оплачиваемых импортерами.

Производственные риски. Хотя начальные перспективы производства озимых культур 2022–2023 гг. и благоприятны как на Украине, так и в России, конфликт может помешать фермерам работать на полях, собирать урожай и реализовывать его, а перебои в работе коммунальных служб могут отрицательно сказываться на сельскохозяйственной деятельности и на сельских территориях Украины. Оценка ФАО предполагает, что в результате конфликта от 20% до 30% посевных площадей озимых зерновых, кукурузы и подсолнечника на Украине либо вообще не будут засеяны, либо останутся необранными в течение сезона 2022–2023 гг., и урожайность этих культур также может пострадать [44]. В случае с Россией несмотря на то, что не предвидится серьезного ущерба посевам, есть неопределенность в отношении воздействий, которые окажут мировые санкции, введенные против страны, на экспорт продовольствия. В среднесрочной перспективе потеря экспортных рынков, которую они могут повлечь за собой, может привести к снижению доходов агрохолдингов и фермеров, что негативно повлияет на будущие производственные решения.

Финансовые риски. В марте 2022 г. после начала военного конфликта украинская гривна достигла рекордно низкого уровня по отношению к доллару США, и это должно отразиться на сельском хозяйстве Украины, повысив его экспортную конкурентоспособность и снизив его способность импортировать. Хотя масштабы этих финансовых рисков на данном этапе остаются неясными, ожидается, что вызванный конфликтом ущерб производственному потенциалу и инфраструктуре страны повлечет за собой очень высокие затраты на восстановление. Введенные

в отношении России экономические санкции также привели к значительному обесцениванию российского рубля¹. Эти события российский экспорт сельскохозяйственной продукции должны сделать более доступным, но очевидное продолжительное обесценивание рубля негативно скажется на перспективах роста инвестиций и производительности в России. Ожидается, что ослабление экономической активности и обесценивание рубля в РФ окажут серьезное влияние на страны Центральной Азии — из-за резкого сокращения потоков денежных переводов, которые составляют значительную часть их валового внутреннего продукта. В то время как основой экономики развивающихся стран является сельское хозяйство, большинство из них полагаются для своих потребностей в займах и инвестиции на доллар США. Длительное укрепление этой валюты по отношению к другим валютам может иметь значительные экономические последствия для этих стран, негативные для их агропродовольственного сектора. Потенциальное снижение ВВП в странах мира повлияет на глобальный спрос на агропродовольственные товары с негативными последствиями для глобальной продовольственной безопасности, сократит доступность ресурсов для развития, особенно если во всем мире будут увеличиваться военные расходы.

Данные и моделирование ФАО [44]

Важнейшая роль, которую Россия и Украина играют в мировом сельском хозяйстве, более очевидна с точки зрения международной торговли (рис. 2–5 и таблицы 1–2). Обе страны являются нетто-экспортерами сельскохозяйственной продукции, и они играют ведущую роль в снабжении мировых рынков продуктами питания, для которых экспортные поставки часто сосредоточены в нескольких странах, что подвергает их рынки повышенному риску уязвимости перед потрясениями и нестабильностью.

¹ Обесценивание или девальвация рубля — это падение курса национальной валюты по сравнению с курсом самых конвертируемых, т. е. самых популярных и обмениваемых валют мира (в нашем случае доллара и евро) — но только в случае нахождения в финансовой среде международной рыночной экономики.

На самом деле, сейчас в России нет финансовой среды международной рыночной экономики, а есть официальный курс рубля от ЦБ. По отношению к официальному курсу рубля остальные валюты мира «падают» — но это, в действительности, ложное падение. А что в реальности? Предположим, поместим современную Россию в реальную финансовую среду международной рыночной экономики, т. е. когда на рынке присутствует фактический курс рубля, не отягощенный ограничениями. В этом случае его курс будет определять реальный баланс спроса и предложения.

Какой же сейчас реальный баланс спроса и предложения? Если предположить, что за «точку отсчета» нужно взять 24.02.22 — начало специальной военной операции на Украине, то на 25.02.22 1\$ стоил 86,93 руб., 1€ стоил 97,77 руб. Дальнейшее развитие событий представляет следующую картину: курс ЦБ на 23.03.22 1\$ — 104,07 руб., 1€ — 114,78 руб.; на 23.04.22 1\$ — 73,50 руб., 1€ — 80,02 руб.; на 24.05.22 1\$ — 58,21 руб., 1€ — 60,39 руб. Мы наблюдали резкое падение тогда еще фактического курса рубля, а далее, в связи с принятыми ЦБ мерами, мы видим существенное и намеренное укрепление официального курса рубля практически в два раза.

На рис. 2 представлен сельскохозяйственный импорт России в 2021 г. в млрд \$ США. Из него можно понять, чего лишится Россия из-за действия «жестких санкций».

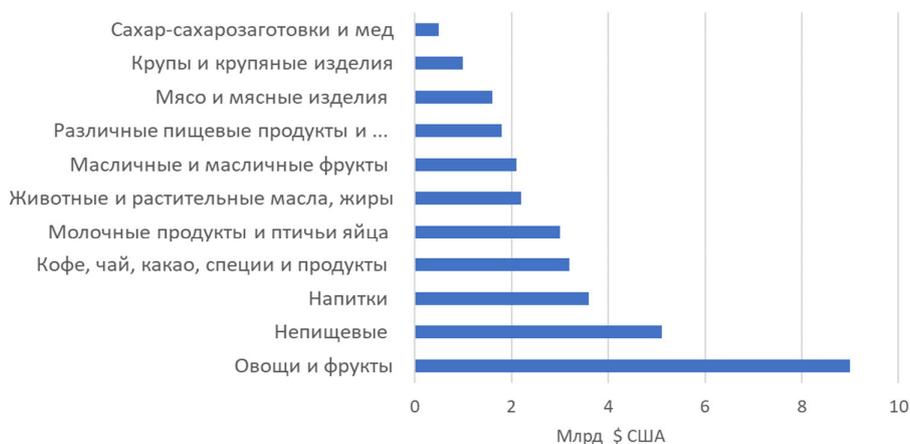

Рис. 2. Сельскохозяйственный импорт России в 2021 г., млрд долларов США [44, с. 7]

Fig. 2. Agricultural imports of the Russia Federation in 2021, billion US dollars [44, с. 7]

Импорт России в 2021 г. составил \$ 293,42 млрд. Согласно товарной структуре импорта РФ за 2021 г., доля продовольственных товаров в импорте РФ за 2021 г., составляет 7,3%. [6]

На рис. 3 представлен импорт сельскохозяйственной продукции Украины в 2021 г.

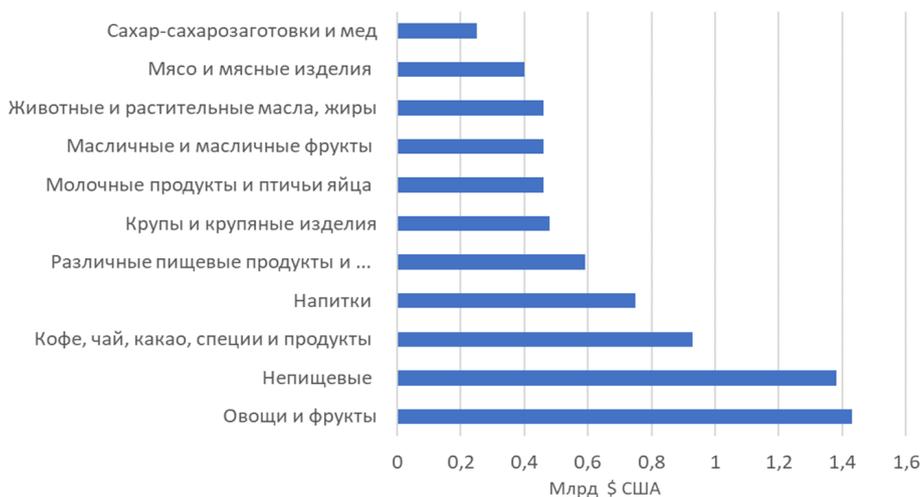

Рис. 3. Сельскохозяйственный импорт Украины в 2021, млрд долларов США [44, с. 7]

Fig. 3. Agricultural imports of Ukraine in 2021, billion US dollars [44, с. 7]

На рис. 4 представлен экспорт сельскохозяйственной продукции России в 2021.

Рис. 4. Сельскохозяйственный экспорт России в 2021 г. [44, с. 7]

Fig. 4. Agricultural exports of the Russia Federation in 2021 [44, с. 7]

Более детальная расшифровка долей экспорта сельскохозяйственной продукции России в 2020–2021 г. представлена данными в таблице 1. Как мы видим, преобладающие доли экспорта — пшеница, ячмень, кукуруза, соя, рапсовое и подсолнечное масла.

Таблица 1

Российская Федерация: экспорт отдельных продуктов (тыс. тонн) [44, с. 8]

Table 1

Russian Federation: exports of selected products (thousand tons) [44, с. 8]

Продукт	Год	Янв	Фев	Мар	Апр	Май	Июн	Июл	Авг	Сен	Окт	Ноя	Дек	Итого
Пшеница	2020	2101	1576	3361	4765	605	214	2337	4671	5015	4643	4290	4867	38445
	2021	3083	4537	1150	802	458	2228	1882	5221	4581	2834	3190	2951	32917
Ячмень	2020	469	239	307	863	135	140	712	593	885	721	394	549	6007
	2021	223	404	777	368	550	77	505	564	553	292	410	433	5156
Кукуруза	2020	352	335	548	877	248	87	250	156	88	140	333	389	3803
	2021	374	451	982	287	551	202	134	68	79	252	351	407	4138
Соя	2020	93	108	210	98	76	47	138	122	100	99	123	174	1388
	2021	674	52	31	12	18	26	27	19	14	35	36	50	994
Рапс	2020	49	61	24	28	23	12	29	77	99	138	97	77	714
	2021	14	26	33	30	24	36	19	23	15	14	14	29	277
Подсолнечник	2020	157	201	342	72	61	10	1	2	33	204	184	106	1373
	2021	6	3	8	3	2	2	3	1	4	10	16	35	93
Подсолнечное масло	2020	283	289	455	437	359	276	300	329	107	180	291	357	3663
	2021	298	297	495	375	176	143	153	374	99	92	318	292	3112
Рапсовое масло	2020	57	46	50	40	65	32	38	39	82	84	92	63	688
	2021	56	41	53	68	66	53	50	64	83	91	85	92	802

На рис. 5 представлен экспорт сельскохозяйственной продукции Украины в 2021 г.

Рис. 5. Сельскохозяйственный экспорт Украины в 2021 г. [44, с. 8]

Fig. 5. Agricultural exports of Ukraine in 2021 [44, с. 8]

Более детальная расшифровка долей экспорта сельскохозяйственной продукции Украины в 2020–2021 г. представлена данными в таблице 2. Как видим, преобладающие доли экспорта Украины — пшеница, ячмень, кукуруза, соя, рапсовое и подсолнечное масла — аналогично, как и в России.

Таблица 2

Украина: экспорт отдельных продуктов в 2020–2021 гг. (тыс. тонн) [44, с. 8]

Table 2

Ukraine: exports of selected commodities (thousands tons) [44, с. 8]

Продукт	Год	Янв	Фев	Мар	Апр	Май	Июн	Июл	Авг	Сен	Окт	Ноя	Дек	Итого
Пшеница	2020	924	681	1310	1200	1191	257	1239	3701	3710	2156	1191	495	18055
	2021	508	709	697	713	858	662	961	3613	4363	3415	2375	1174	20048
Ячмень	2020	152	141	309	339	152	190	839	1315	750	491	296	71	5045
	2021	120	61	131	25	23	64	1097	1658	1016	737	435	244	5611
Кукуруза	2020	4543	3457	3529	3091	2379	1547	425	179	29	1842	3106	3824	27951
	2021	1996	2476	262	2628	2245	1698	962	302	165	895	3792	4897	24676
Соя	2020	333	176	122	103	53	35	9	1	57	344	301	255	1789
	2021	109	92	86	104	36	44	31	5	10	172	215	192	1096
Рапс	2020	2	2	2	5	1	4	183	880	546	316	276	164	2381
	2021	11	3	13	3	1	0	52	772	879	635	234	57	2660
Подсолнечник	2020	5	4	4	9	10	2	3	2	8	69	38	34	188
	2021	12	20	2	2	4	1	0	1	3	8	23	4	80
Подсолнечное масло	2020	581	627	608	717	639	588	593	329	304	525	756	594	6861
	2021	482	484	381	391	502	325	328	202	277	434	639	690	5135
Рапсовое масло	2020	0	33	2	0	0	0	5	35	35	19	6	2	137
	2021	0	0	0	0	0	0	4	47	61	35	15	2	164

На рис. 6–14 в «Приложении» представлены топ-10 экспортеров по видам товаров, по доле в мировом экспорте в 2021 г., на рис. 15 зависимость от импорта пшеницы в 2021 г., на рис. 16 в «Приложении» зависимость от импорта удобрений в 2021 г. В секторе пшеницы, где на семь крупнейших экспортеров приходилось 79% международной торговли в 2021 г., Россия выделяется как ведущий мировой экспортер пшеницы, отгрузив в общей сложности 32,9 млн тонн пшеницы и меслина (в весе продукта), что эквивалентно 18% мировых отгрузок (рис. 6). Украина была пятым по величине экспортером пшеницы в 2021 г., экспортируя 20 млн тонн пшеницы и занимая 10% мирового рынка. Выдающееся положение двух стран на мировой торговой арене также заслуживает внимания на мировых рынках кукурузы, ячменя и рапса и даже в большей степени в секторе подсолнечного масла, где их значительная производственная база обеспечила им совокупную долю мирового экспортного рынка, близкую к 64%. Россия и Украина являются ключевыми поставщиками во многие страны, которые сильно зависят от импорта продуктов питания и удобрений. Некоторые из этих стран относятся к группе наименее развитых стран (LDC), в то время как многие другие относятся к группе стран с низким доходом и дефицитом продовольствия (LIFDC). Как показано на рис. 15, весь импорт пшеницы в Эритрее в 2021 г. был получен из России (53%) и с Украины (47%). Высокая концентрация экспорта, характерная для рынков продовольственных товаров, отражается и в секторе удобрений, где Россия играет ведущую роль поставщика. В 2021 г. Россия занимала первое место в мире по экспорту азотных (N) удобрений и второе место среди поставщиков калийных (K) и фосфорных (P) удобрений, как показано на рис. 12–14 в «Приложении».

Последние тенденции мировых цен на основные продукты питания и сельскохозяйственные ресурсы

Согласно индексу цен на продовольствие ФАО (FAO Food Price Index), международные экспортные котировки основных продуктов питания практически непрерывно росли со второй половины 2020 г., а в номинальном выражении в феврале 2022 г. они достигли рекордно высокого уровня. Хотя со второй половины 2020 г. цены на все товарные группы, охватываемые FFPI, выросли, мировые рынки зерновых и растительных масел, на которых Украина и Россия играют важную роль, оказались в числе наиболее пострадавших. В течение 2021 г. мировые цены на пшеницу и ячмень выросли на 31% по сравнению с их соответствующими уровнями в 2020 г., чему способствовал высокий мировой спрос и нехватка экспортных товаров в результате сокращения производства, вызванного погодными условиями, в различных основных странах-экспортерах пшеницы и ячменя.

На рис. 17 представлены международные индексы цен на зерно (2014-16=100) в динамике 2011–2021 гг.

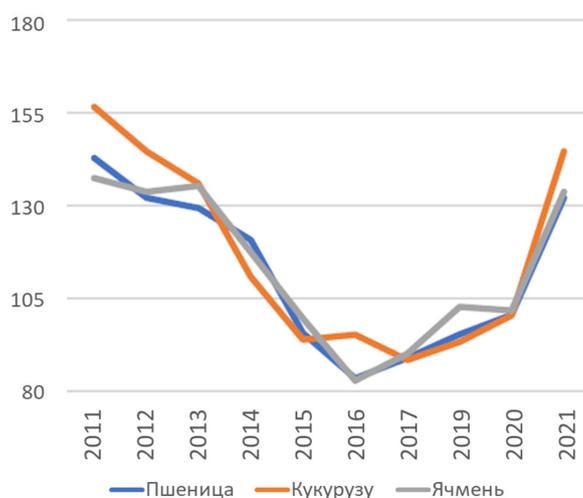

Рис. 17. Международные индексы цен на зерно (2014-16=100) [44, с. 12]

Fig. 17. International grain price indices (2014-16=100) [44, с. 12]

В случае с пшеницей дополнительная поддержка была вызвана неопределенностью в отношении экспортных мер, введенных отдельными поставщиками в попытке сдержать внутреннее инфляционное давление.

На рис. 18. даны мировые цены на растительные масла (подсолнечное и рапсовое) (долл. США/тонна).

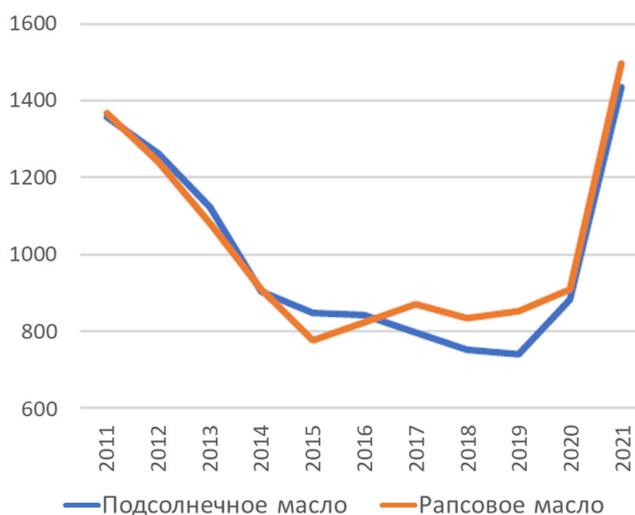

Рис. 18. Мировые цены на растительное масло (долл. США/тонна) [44, с. 12]

Fig. 18. International vegetable oil prices (USD/tons) [44, с. 12]

В течение первой недели марта 2022 г. после начала конфликта на Украине майские фьючерсы на пшеницу в США поднялись выше рекордных максимумов 2008 г., из-за нарушения экспорта из Черноморского региона из-за боевых действий. Майские 2022 г. котировки мягкой озимой пшеницы СВОТ в Чикаго выросли до \$407,85 за тонну. Сила, преобладающая на рынках пшеницы, которая также влияет на котировки кукурузы, которые выросли на 44% по сравнению с уровнем прошлого года в 2021 г., получила резкое снижение. Дальнейший рост из-за неопределенности производства в Южной Америке, более высоких производственных и транспортных затрат, а также сбоя в работе портов. В секторах рапсового масла и подсолнечного масла годовой рост цен, зарегистрированный в 2021 г., составил 65% и 63% соответственно, что было вызвано затянувшейся нехваткой глобального предложения и устойчивым спросом, а в случае рапсового масла также со стороны сектора биодизеля. В настоящее время подсолнечное масло торгуется вблизи рекордных максимумов. В то время как подсолнечное масло легко заменяется другими растительными маслами, пшеничное — нет. Резко выросли майские фьючерсы пшеницы в США 21 марта 2022 г., поскольку экспорт из Черноморского региона по-прежнему нарушен. Майские котировки 2022 г. фьючерсов твердой озимой пшеницы КСВТ в Канзас-Сити взлетели до \$409,04 за тонну, майские фьючерсы твердой яровой пшеницы MGEX в Миннеаполисе — до \$400,04 [44, с. 13]. Пшеница является основным продуктом питания для более чем 35% населения мира, и отсутствие диетического разнообразия и взаимозаменяемости усугубит еще сильнее давление на цены пшеницы. Мировые цены на удобрения также росли в течение 2021 г., многие котировки достигли рекордных максимумов. Самое заметное увеличение было зарегистрировано для азотных удобрений. Несмотря на некоторое смягчение, цены на мочевины, ключевое азотное удобрение, выросли более чем в три раза за последние 12 месяцев, при этом цены на фосфорные удобрения выросли одновременно за тот же период, в то время как цены на калий (калийные удобрения) остались менее затронутыми. Как и в случае с ценами на другие сырьевые товары, динамика цен на удобрения определялась взаимодействием спроса и предложения.

На рис. 19 представлены мировые цены на карбамид (carbamide) (2014–2016 гг. = 100) с января 1992 по январь 2022 гг.

Наиболее высокие цены на урожай (продукцию сельского хозяйства), зарегистрированные в 2021 г., повысили доступность удобрений, тем самым повлияв на рост цен на удобрения. Со стороны предложения также сыграли роль высокие и неустойчивые цены на энергоносители, особенно на природный газ, который играет ключевую роль в производстве азотных удобрений и цены на который резко выросли в 2021 г. по ряду причин, включая погодные условия и индуцированные перебои с возобновляемыми источниками энергии и добычей угля. Дополнительное повышательное давление на цены на удобрения было вызвано сбоями и высокими транспортными расходами после введения экспортных ограничений, а также резким повышением ставок навалочных и контейнерных перевозок, вызванным пандемией COVID-19. На рис 20 представлена

динамика цен на природный газ по сравнению с ценой на сырую нефть, с января 1992 по январь 2022 г. Видим, что в период после января 2022 г. имеется скачок цены на природный газ, аналогичная картина — скачок цены на карбамид (carbamide), рис. 19.

Рис. 19. Мировые цены на карбамид (carbamide) (2014–2016 гг. = 100) [44, с. 14]

Fig. 19. International urea prices (2014–2016 = 100) [44, с. 14]

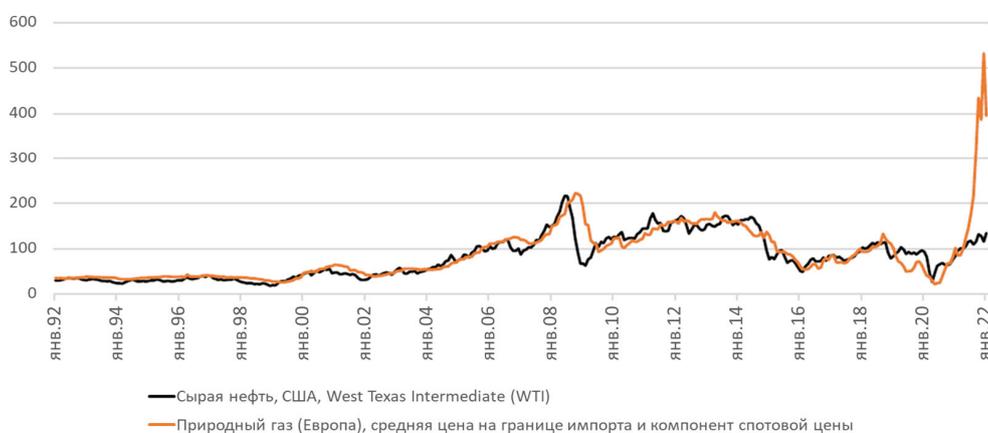

Рис. 20. Цена на природный газ по сравнению с ценой на сырую нефть, 2014–2016 гг. = 100 [44, с. 14]

Fig. 20. Natural gas price vs crude oil price, 2014–2016 = 100 [44, с. 14]

Основываясь на прогнозах ФАО на текущий сезон 2021–2022 гг. (июль-июнь) до военного конфликта и темпах экспорта на сегодняшний день, в период с марта по июнь 2022 г. ожидалось, что Украина экспортирует около 6 млн тонн

пшеницы, в то время как Россия предполагала отгрузить 8 млн тонн. Однако закрытие портов на Украине и ожидаемые трудности со сбытом в России из-за экономических санкций ставят под сомнение факт реализации этого прогнозного экспорта. По данным ФАО, в то время как внезапное и резкое сокращение поставок двумя странами может увеличить экспорт из альтернативных источников, таких как Европейский союз (ЕС) и, возможно, Канада и США, потенциал для этих экспортеров в полной мере до более низких отгрузок Украиной и Россией, как ожидается, будет ограниченным. Запасы пшеницы уже сейчас особенно ограничены в Канаде и США после сокращения урожая в 2021–2022 гг. Среди других поставщиков экспорт Аргентины в 2021–2022 гг. также, вероятно, останется ограниченным из-за усилий правительства по сдерживанию внутренней инфляции, в то время как Австралия достигла своего максимального логистического потенциала отгрузки. В условиях значительного сокращения глобальных экспортных возможностей другие страны могли бы принять меры (официальные или неофициальные) для замедления или ограничения экспорта, чтобы защитить внутренние поставки и/или снизить рост внутренних цен. Образующийся в результате дефицит предложения для импортеров может быть особенно важен для покупателей на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Учитывая важность пшеницы как основного продукта питания, это может привести к тому, что другие страны сейчас нарастят импорт, чтобы обеспечить поставки, опасаясь, что рынки пшеницы станут жестче, и цены будут расти и дальше. Все это должно оказать дополнительное давление на мировые поставки на рынках пшеницы. Из ведущих мировых импортеров пшеницы Египет, Турция, Бангладеш и Иран в среднем (2016/2017–2020/2021 гг.) получали более 60% своего импорта пшеницы с Украины и России. Основываясь на прогнозах импорта на 2021–2022 гг., и фактическом импорте за первую половину маркетингового года, Египет, Турция, Бангладеш и Иран имеют примерно 6,6, 4,0, 3,7 и 1,7 млн тонн соответственно непогашенного импорта для второй половины маркетингового сезона 2021–2022 гг. Ливан, Тунис, Йемен, Ливия и Пакистан в значительной степени тоже зависят от импорта пшеницы с Украины и России, получая в среднем (2016/2017–2020/2021 гг.) примерно половину своих закупок пшеницы из этих двух стран [44, с. 15].

Что касается кукурузы, то, исходя из прогнозов ФАО до конфликта СВО и данных об экспорте, в оставшуюся часть сезона 2021–2022 гг. Украина и Россия должны были экспортировать примерно 14 млн. тонн и 2,5 млн. тонн кукурузы соответственно. Как и в случае с пшеницей, маловероятно, что этот экспорт, или, по крайней мере, большая его часть, будет реализован. Экспорт кукурузы с Украины в 2021–2022 гг. должен был составить 18% от мировой торговли зерном в 2021–2022 гг., что делало страну мировым лидером как третьей по величине экспортера кукурузы. Дефицит поставок кукурузы для импортеров может быть особенно актуален для Китая и стран ЕС (основное направление экспорта кукурузы с Украины), для Египта и Турции, которые в среднем (2016/2017–2020/2021 гг.) поставляют примерно треть своей кукурузы по

импорту с Украины. Основываясь на прогнозах импорта на 2021–2022 гг. и импорте за первую половину маркетингового года, Китай, ЕС, Египет и Турция имеют примерно 11,5, 3,7, 4,6 и 1,6 млн тонн соответственно импорта дефицита на вторую половину 2021 г. Уже очевидно, что эти страны должны будут удовлетворять свои потребности в импорте кукурузы за счет других поставщиков. Ожидается смещение спроса в сторону других крупных экспортеров кукурузы, включая Аргентину, Бразилию и США [44, с. 15–16]. Что касается подсолнечного масла, то до эскалации конфликта СВО улучшение ситуации с поставками позволило бы Украине и Российской Федерации увеличить экспорт этого продукта в 2021/2022 гг. (октябрь–сентябрь) до 6,6 и 3,7 млн тонн соответственно. По оценкам ФАО, около половины этих объемов уже было отправлено странами в период с октября 2021 г. по февраль 2022 г., оставшиеся 3,3 и 1,9 млн тонн должны быть экспортированы соответственно Украиной и Россией в оставшиеся семь месяцев 2021–2022 гг. маркетингового года.

Однако нынешние перспективы экспорта подсолнечного масла связаны с большой неопределенностью. На Украине отгрузки подсолнечного масла практически остановлены из-за вызванных конфликтом логистических узких мест в портах и приостановки операций по переработке по всей стране. Кроме того, с 5 марта 2022 г. экспорт подсолнечного масла с Украины подлежит лицензированию. Подробности о том, как будут выдаваться эти экспортные лицензии, еще не появились. В случае с Россией существуют очень существенные вопросы относительно потенциального воздействия финансовых санкций на экспорт подсолнечного масла.

На рис. 21 представлены прогнозы ФАО по экспорту подсолнечного масла на 2021–2022 гг., млн тонн.

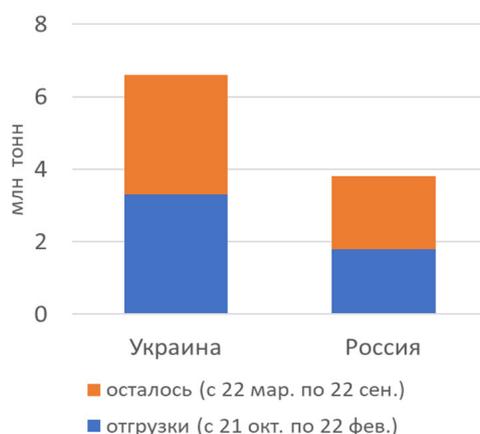

Рис. 21. Прогнозы ФАО по экспорту подсолнечного масла на 2021/2022 год, млн тонн [44, с. 15]

Fig. 21. FAO forecasts of sunflower oil exports for 2021/2022, million tons [44, с. 15]

Учитывая значительную экспортную долю Украины и России на мировом рынке подсолнечного масла, любые перебои с их поставками будут иметь заметные последствия для основных импортеров подсолнечного масла, а именно Индии, Европейского Союза, Китая, Ирана и Турции. По оценкам ФАО, в совокупности этим основным странам-импортерам подсолнечного масла все еще требуется приток в размере 5,4 млн тонн в период с марта по сентябрь 2022 г. Если эти потребности в импорте не будут удовлетворены за счет поставок с Украины и России, этим странам-импортерам придется переключиться на другие страны поставщиков подсолнечного масла или других растительных масел. Это подразумевает, что последствия конфликта могут выйти за рамки продовольственного сегмента подсолнечного масла и распространиться на другие растительные масла, такие как пальмовое, соевое и рапсовое масла. Недавняя динамика мировых цен на растительное масло говорит о том, что мировые рынки уже реагируют на конфликт подобным образом: котировки подсолнечного масла из Аргентины, третьего по величине экспортера в мире, резко выросли с конца февраля 2022 г. в tandem с заметным ростом мировых котировок пальмового масла. Что касается семян рапса и продуктов его переработки, хотя Украина и занимает третье место в мире по экспорту семян рапса, ее доля в мировой торговле продуктом рапса ограничена, что дает веские основания предположить, что у альтернативных поставщиков — Канады и Австралии, может быть больше возможностей для компенсации сокращения украинского экспорта рапса [44, с. 16].

На рис. 22 даны прогнозы ФАО по импорту подсолнечного масла на 2021–2022 гг. млн тонн.

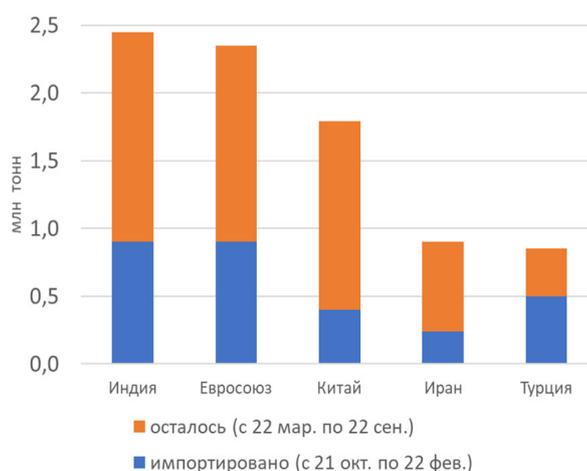

Рис. 22. Прогнозы ФАО по импорту подсолнечного масла на 2021/2022 гг., млн тонн [44, с. 17]

Fig. 22. FAO forecasts of sunflower oil imports for 2021/2022, million tons [44, с. 17]

Ценовые риски. Для оценки потенциального воздействия на мировые цены на продовольствие, вызванного конфликтом СВО, сокращения экспорта зерновых и растительного масла с Украины и России в ФАО проведено моделирование с использованием системы моделирования Aglink-Cosimo.

Впервые расчеты с использованием системы моделирования Aglink стали применяться при подготовке сельскохозяйственного прогноза ОЭСР в 1992 г. Эта модель и ее методика была утверждена в ОЭСР в апреле 1993 г. С тех пор Aglink-Cosimo стала инструментом для разработки среднесрочных прогнозов и для подготовки аналитических материалов ФАО.

Системы моделирования Aglink-Cosimo дали два сценария для учета ряда возможных изменений экспорта в 2022–2023 маркетинговых годах, а именно: *умеренный шок*: при котором экспорт пшеницы и кукурузы с Украины и Российской Федерации вместе взятый сократился на 10 млн тонн каждая, в то время как их экспорт прочих фуражных зерновых культур сократился на 2,5 млн тонн, других масличных — на 1,5 млн тонн; *серьезный шок*, повлекший за собой сокращение их совокупного экспорта пшеницы и кукурузы на 25 млн тонн в 2022–2023 гг., наряду с сокращением их поставок других фуражных зерен на 5 млн тонн и сокращением экспорта других масличных культур на 3 млн тонн. *Умеренный шок*: экспорт прочих фуражных зерновых культур сократится на 2,5 млн тонн. *Серьезный шок*: экспорт прочих фуражных зерновых культур сократился на 5,0 млн тонн. *Умеренный шок*: экспорт прочих фуражных масличных культур сократится на 1,5 млн тонн. *Серьезный шок*: экспорт прочих фуражных масличных культур сократится на 3,0 млн тонн [44, с. 17]. В этой статье не приводятся технология расчетов моделирования Aglink-Cosimo из-за увеличения и так ее большого объема. Приводятся только результаты анализа сценариев на 5 лет.

На рис. 23 представлены реакции мировых цен на различные сценарии по зерновым культурам.

Дальнейший рост цен на сырую нефть из-за СВО приведет к росту мировых цен на удобрения в течение пяти маркетинговых лет, вопреки ранее ожидаемым тенденциям в соответствии с базовым сценарием прогноза, который предполагал снижение цен на нефть и на удобрения в течение этого периода. В результате чего экспортная цена на нефть и удобрения на 2026–2027 гг. будет на 25% выше первоначально предусмотренного базового значения. Даже если альтернативные производители увеличат объемы производства в ответ на более высокие цены, вызванные сокращением участия Украины и России в экспорте продовольствия, на мировом рынке сохранится все равно весьма значительный дефицит предложения. Эта компенсационная ставка или доля мирового экспортного дефицита, покрываемая нероссийскими и украинскими производителями в *умеренном сценарии* в течение следующих пяти сезонов, будет варьироваться от 30% до 52% для кукурузы и от 19% до 48% для пшеницы. При *самом суровом сценарии* уровень компенсации будет варьироваться от 47% до 67% для кукурузы и от 30% до 57% для пшеницы. Мировые цены на четыре вида товаров

с важной долей украинского и российского экспорта останутся повышенными в связи с общим сокращением экспортных поставок. По сравнению с их базовыми значениями к 2026/2027 гг. цены на пшеницу вырастут на 10% при умеренном сценарии и на 19% при сильном шоке. Прогнозируемая цена на кукурузу в моделировании будет на 8,5% и на 14% выше базовой в 2026/2027 гг. В смежных продуктовых секторах цены на скот в 2026–2027 гг. превысят базовые уровни на 3-6% при умеренном сценарии и на 5–10% при сильном шоке [44, с. 18–19].

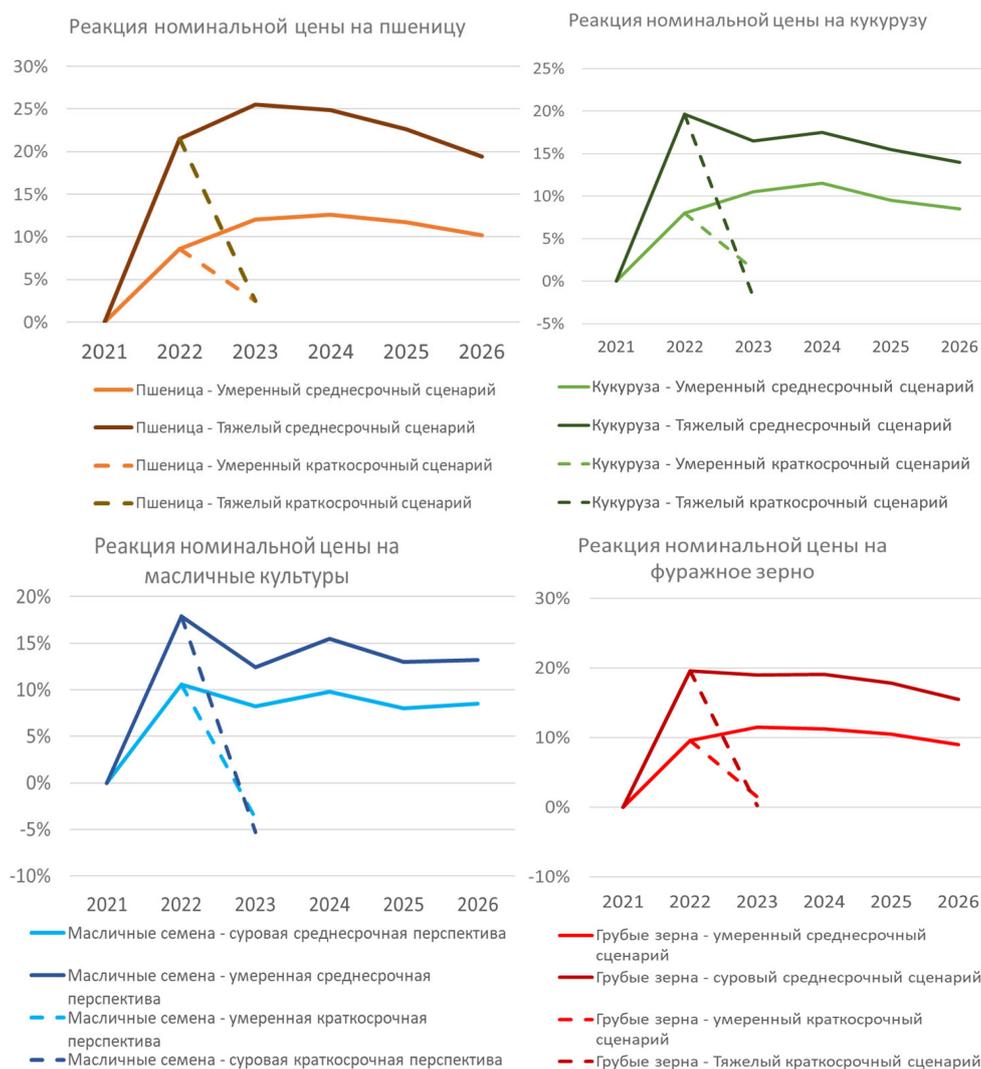

Рис. 23. Реакция мировых цен на различные сценарии: зерновые культуры [44, с. 19]

Fig. 23. World price responses to different scenarios: Crops [44, с. 19]

Логистические риски. Непосредственным источником беспокойства на логистическом фронте является воздействие продолжающегося конфликта на Украине на транспортную инфраструктуру, в основном железные дороги, обеспечивающие экспорт продовольствия в морские порты вдоль Черного моря — Новороссийск, Тамань и Туапсе, которые обслуживают поставки из России, в порты Одессы и Николаева, порты Украины для перевозки зерна. В то время как российские черноморские порты продолжают функционировать, на сегодняшний день (май 2022) Украина приостановила все коммерческие перевозки через свои порты, а частные зерновые операторы отложили деятельность по обеспечению своей безопасности. Потеря национальных морских перевозок Украиной не может быть компенсирована другими видами транспорта, даже если внутренняя гражданская железнодорожная и автомобильная инфраструктура останутся неза тронутой конфликтом.

Перевозки зерна по железной дороге будут сдерживаться нехваткой железнодорожных вагонов, и, даже если доступность вагонов улучшится, поставки из балтийских портов через западные границы Украины с Польшей по-прежнему будут требовать замены шасси вагонов на границе в связи с использованием несовместимых калибров колесных пар в обеих странах. В широком смысле, хотя гражданские морские суда (в том числе для перевозки продовольствия) по-прежнему могут проходить через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы, все-таки существуют опасения относительно увеличения страховых взносов для судов, направляющихся к причалам в Черноморском регионе. Это усугубит и без того повышенные расходы на морские перевозки, и еще больше усугубит конечную цену продовольствия из международных источников, оплачиваемую импортерами. Тем более, что Турецкие проливы являются важнейшим узлом международной торговли зерном. По оценкам, через них проходит около 20% мирового экспорта пшеницы и около 17% мировых поставок кукурузы, большая часть которых поступает из России, Украины и Казахстана. Влияние этих сбоев может наиболее непосредственно ощущаться импортерами на Ближнем Востоке и в регионах Северной Африки. Зависимость этих стран от зерна, происходящего из России и Украины, связана и с более низкими затратами на доставку, обусловленными их физической близостью к бассейну Черного моря.

Производственные риски. Посевы озимых зерновых в настоящее время (май 2022) в России и Украине находятся в состоянии покоя и будут готовы к уборке с июня 2022 г. Период покоя обычно заканчивается к началу апреля, в зависимости от средних температур. Несмотря на то, что более засушливые условия в некоторых регионах привели к задержке посевных работ в октябре 2021 г., в этих обеих странах озимой пшеницей была засеяна площадь выше среднего. Достаточные дожди способствовали укоренению этих озимых культур с момента их посева, а накопление равномерно распределенного снежного покрова, как ожидается, защитит растения от отрицательных температур и обеспечит запасы влаги в почве на весенний период. Хотя ранние перспективы производства озимых культур благоприятны и в России, и на Украине, эскалация конфликта СВО создает неопределенность и риски в отношении перспектив этих культур

и последующего посева яровых культур. Вызывает опасения, что конфликт на Украине может привести к перемещению населения, повреждению гражданской инфраструктуры и ограничениям на передвижение людей и товаров, что может помешать фермерам работать на своих полях, собирать урожай и продавать его. Это также приводит к сбоям в основных общественных услугах, таких как водоснабжение, транспорт, рынки, энергоснабжение и банковское дело. Широкая мобилизация военных резервов может также сократить количество сельскохозяйственных рабочих и рабочих в цепочках поставок, хотя были предприняты шаги для обеспечения достаточного укомплектования сельскохозяйственных операций персоналом.

В этих целях Правительство Украины ввело политику предоставления отсрочки от призыва на военную службу во время мобилизации на основании представления списка критически важных сотрудников, чтобы они могли своевременно проводить весенние и летние полевые работы с начала марта 2022 г. Предстоящие сельскохозяйственные работы по разведению озимых культур включают внесение удобрений, а также возможную обработку против грибковых заболеваний и применение регуляторов роста. Внесение удобрений обычно проводят в конце марта, как только земля становится достаточно сухой, чтобы выдержать вес техники, а опрыскивание проводят через несколько недель. К посевной, которая начинается в апреле, должна идти подготовка земли к весенним посевам. Однако отсутствие доступа к полям может помешать производителям вносить удобрения. Азотные удобрения (такие как мочевина и нитрат аммония) также могут быть использованы для других целей, таких как взрывчатые вещества. Точно так же фермеры могли запастись пестицидами, средствами защиты растений и другими средствами производства, хотя нельзя исключать, что сбои на рынке могли помешать производителям закупить достаточные запасы.

ФАО оценивает, что 20% площадей озимых посевов не будут убраны из-за прямого уничтожения, ограниченного доступа или отсутствия ресурсов. Кроме того, урожайность в других регионах, как ожидается, снизится на 10% из-за задержки или пропуска внесения удобрений, неспособности бороться с возможными вредителями и болезнями, задержки сбора урожая, больших послеуборочных потерь из-за нехватки рабочей силы или из-за отсутствия инфраструктуры хранения запасов на сельскохозяйственных территориях [44, с. 22]. Яровые зерновые, включая кукурузу, и подсолнечник должны сажать в обеих странах с апреля, в то время как посевной сезон рапса 2022–2023 гг. откроется только в сентябре 2022 г. По оценкам ФАО, как для кукурузы, так и для семян подсолнечника будет засеяно на 30% меньше площадей весной 2022 г., в то время как урожайность в других местах снизится на 20% по сравнению со средним уровнем [44, с. 23]. Как известно, урожай кукурузы требует больше удобрений, чем урожай пшеницы. Большая часть семян подсолнечника экспортируется в виде масла, и, учитывая риск ухудшения экспортной инфраструктуры и уничтожения заводов по переработке, фермеры, особенно те, которые возделывают небольшие участки, могут предпочесть выращивать культуры такие как картофель, которые к местной продовольственной безопасности будут иметь

реальное жизненное значение. Животноводство и птицеводство, производство ценных культур, таких как фрукты и овощи, также могут быть на Украине сильно ограничены. Учитывая сравнительно более широкое использование импортных ресурсов, некоторые более заметные воздействия могут относиться к животноводству и продукции с более высокой стоимостью. Международные санкции России, введенные в ответ на конфликт, могут прямо или косвенно привести к серьезным экономическим потерям для российского сельскохозяйственного сектора. Доходы фермеров рискуют снизиться из-за потери экспортных рынков из-за ограниченного доступа к финансовым услугам, необходимым для международных операций.

Если эти риски материализуются, а альтернативные механизмы не появятся или не будут расширены для обслуживания торговых потребностей в основных продуктах питания, такие сбои могут очень негативно повлиять на будущие производственные решения. Военный конфликт на Украине очень жестко прерывает обычную экономическую деятельность и деятельность, связанную с получением средств к существованию, и он ограничивает потоки доходов. Даже в случае достаточной местной доступности обычные цепочки поставок могут быть нарушены из-за отсутствия безопасности, повреждения инфраструктуры, нехватки энергии, нехватки персонала, и роста неучтенных рисков. Помимо финансового положения стран, высокие цены на продукты питания негативно сказываются на малообеспеченных слоях населения (включая пенсионеров) как в развитых, так и в развивающихся странах, поскольку эти группы тратят большую часть своих доходов на продукты питания. Чтобы справиться с высокими ценами на продукты питания, эти группы могут быть вынуждены сокращать другие основные расходы, такие как обучение, электроэнергия, отопление или лекарства, или прибегать к негативным стратегиям выживания, включая пропуск приема пищи, покупку менее питательных, но более дешевых заменителей. В глобальном масштабе, с точки зрения воздействия на продовольственную безопасность, при сценарии *умеренного шока* число недоедающих людей увеличится на 7,6 млн человек, а в условиях *более сильного шока* этот уровень возрастет до 13,1 млн человек (рис. 24 а, б) [44, с. 25].

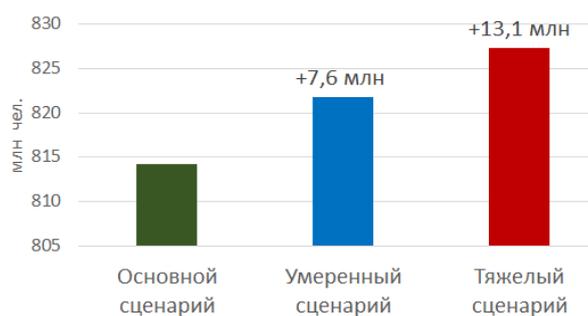

Рис. 24 а. Рост числа людей в мире, страдающих от недоедания [44, с. 25]

Fig. 24 a. Rising number of people in the world suffering from malnutrition [44, с. 25]

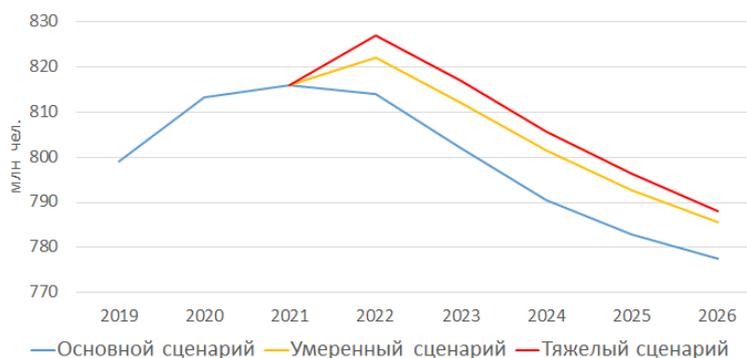

Рис. 24 б. Рост числа людей в мире, страдающих от недоедания [44, с. 25]

Fig. 24 b. Rising number of people in the world suffering from malnutrition [44, с. 25]

С региональной точки зрения и по отношению к прогнозируемым базовым уровням в 2022 г. наиболее заметное увеличение числа людей, страдающих от недоедания, произойдет в Азиатско-Тихоокеанском регионе (с 4,2 до 6,4 млн человек), потом страны Африки к югу от Сахары (свыше с 2,6 до 5,1 млн), Ближнего Востока и Северной Африка (с 0,4 до 0,96 млн). Если факторы, связанные с конфликтом, продлят сокращение экспорта стран до 2026–2027 маркетингового года и сохранят повышенные базовые цены на сырую нефть, мировые цены на продовольствие останутся выше их базового уровня. По сравнению с базовой оценкой, это увеличило бы число недоедающих на 8,1 млн человек в условиях умеренного шока и на 11,2 млн человек в условиях тяжелого сценария (рис. 25, 26 а, б, в, г).

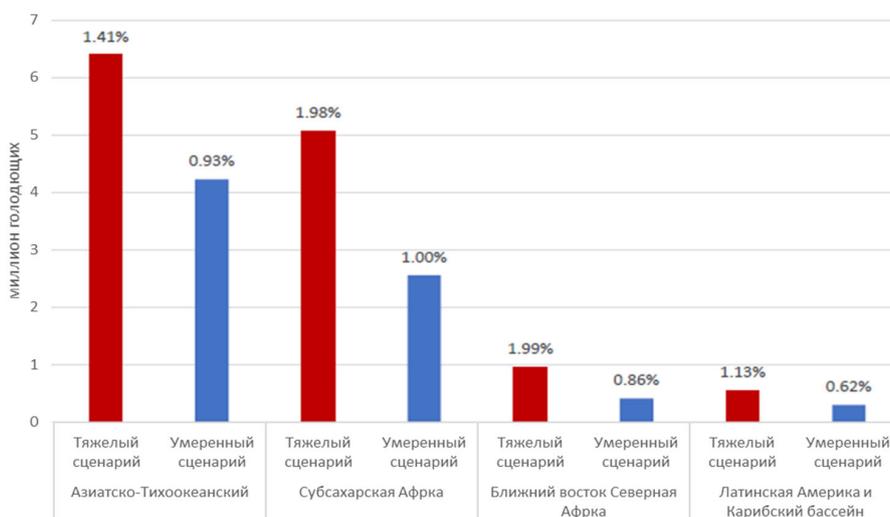

Рис. 25 а, б, в, г. Региональный рост числа недоедающих в 2022–2023 гг. [44, с. 26]

Fig. 25 a, b, c, d. Regional increase in the number of U=undernourished in 2022–2023 [44, с. 26]

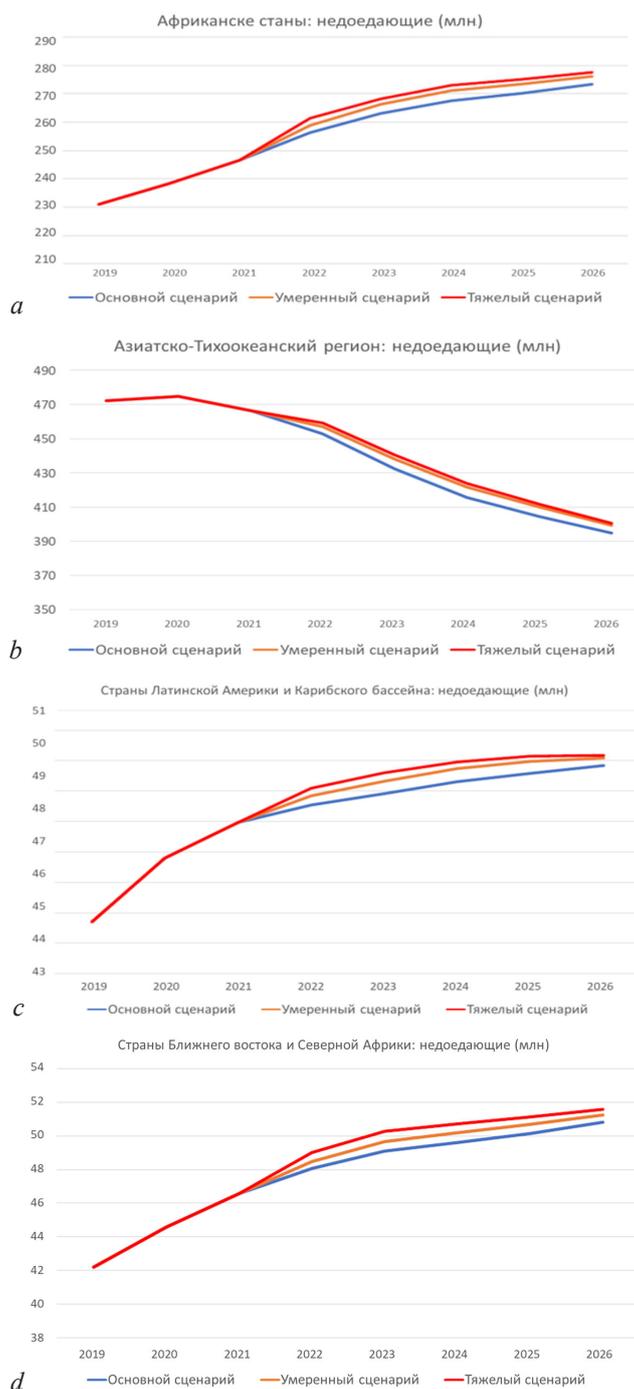

Рис. 26 а, б, с, д. Региональное увеличение числа недоедающих в 2022–2023 [44, с. 27–28]

Fig. 26 a, b, c, d. Regional increase in the number of undernourished in 2022–2023 [44, с. 27–28]

Энергетические риски. Россия — ключевой игрок на энергетическом мировом рынке. Его поставки угля, нефти и газа составляют, соответственно, 18%, 11% и 10% мирового экспорта. Экспорт российских энергоресурсов особенно важен для всех стран ЕС, которые импортируют соответственно 46%, 25% и 31% своего импорта угля, нефти и газа из России [44, с. 31]. Сельское хозяйство как высокоэнергоемкая отрасль, особенно в развитых регионах, пострадает от резкого роста цен на энергоносители, которым сопровождается конфликт на Украине. Поскольку сельское хозяйство поглощает большое количество энергии либо непосредственно за счет использования топлива, газа и электричества, либо косвенно за счет использования агрохимикатов, таких как удобрения, пестициды и смазочные материалы, то все они имеют очень большую долю воплощаемой энергии. N-удобрение, например, является продуктом энергоемкого процесса, известного как синтез Габера-Боша, в котором азот и водород синтезируются в аммиак.

В свою очередь, аммиак перерабатывается в различные продукты, особенно в удобрения, такие как мочевина и нитрат аммония, которые затем смешиваются с другими питательными веществами для растений в комплексные удобрения — диаммоний фосфат (ДАФ), моноаммоний фосфат (МАФ) различные NPK удобрений. Основным энергетическим сырьем для N-синтеза является природный газ, особенно в Европе и Северной Америке. Существует широкий спектр сырья, используемого для процесса Габера-Боша, от угля до возобновляемых источников энергии, производящих «зеленый аммиак». Аммиак используется во многих промышленных процессах, конкурирующих с производством удобрений, например, в качестве жидкости для снижения уровня загрязнения воздуха, создаваемого дизельным двигателем. На рис. 27 а, б с представлен импорт энергии ЕС по странам происхождения:

Энергия также требуется для производства кормовых ингредиентов, таких как измельчение семян масличных культур для производства масляной муки и измельчение зерна для производства кормов (гранулы, мука и комбикорма). Когда дело доходит до пищевой промышленности, цена энергии занимает важное место в структуре затрат. В глобальном масштабе оценки прямого и косвенного энергопотребления различаются по странам. В высокоразвитых сельскохозяйственных странах они могут превышать 30% для прямого использования и 15% для косвенного потребления. Эти высокие доли означают, что более высокие цены на эти ресурсы неизбежно приведут к более высоким издержкам производства и, в конечном итоге, к более высоким ценам на продукты питания.

Зависимость цен на удобрения от цен на энергоносители. Цены на энергоносители, особенно цены на природный газ и сырую нефть, быстро и существенно выросли, в основном из-за конфликта. Поскольку цены на сырую нефть превысили 126 долларов США за баррель 8 марта 2022 г., все большее количество сырья для энергетического сектора может стать все более конкурентоспособным в качестве ресурсов, и во все растущих объемах. Описанные процессы будут ускорять рост цен на сырье, и особенно на такие дефицитные продукты, как кукурузу, сахар и растительные масла.

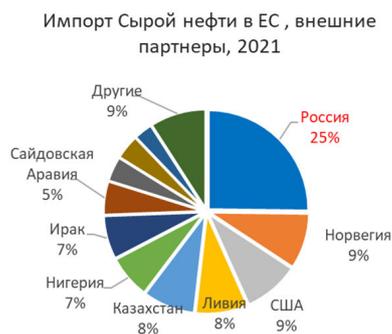
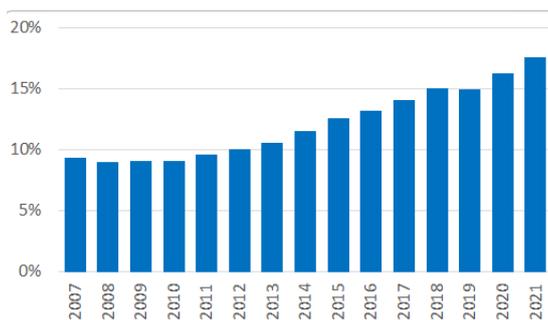

Рис. 27 а, б, с. Импорт энергии ЕС по странам происхождения [30, с. 27–28]

Fig. 27 a, b, c. EU Imports of energy by country of origin [30, с. 27–28]

Цены на кукурузу изменяются синхронно с ценами на сырую нефть. Что касается ценовой взаимосвязи между ценами на газ и карбамид, то тесное совмещение этих двух рядов резко прервалось в четвертом квартале 2021 г. (Q4-2021), когда цены на природный газ подверглись резкому скачку цен. Это повышение цен было настолько значительным, что повышение разницы между ценами на газ и аммиак, а также на газ и карбамид стало отрицательным, и заводы по производству карбамида были вынуждены закрыться или значительно сократить объемы производства. С четвертого квартала 2021 г. цены на природный газ оставались очень волатильными, а повышения маржи постоянно менялась с положительной на отрицательную территорию. Что касается последствий конфликта СВО, то последнее повышение цен на газ еще не учтено рынком карбамида, что предполагает, что цены на карбамид должны будут снова вырасти, чтобы восстановить положительную маржу от модернизации. Проще говоря, цены на карбамид и, следовательно, на удобрения могут расти только при сохранении текущих цен на газ. Точно так же рост цен на сырую нефть превысил рост цен на некоторые основные виды сырья для производства биологического топлива, что предвещает повышение цен на кукурузу до их эквивалента цен на энергию, то есть цен на энергетический паритет. Все это должно привести к снижению урожайности и качества сельскохозяйственной продукции в сезоне 2022–2023 гг., что должно создать дополнительные риски для глобальной продовольственной безопасности в ближайшие годы.

На рис. 33 и 34 показана зависимость цен на удобрения от цен на энергоносители, а на рис. 35 и 36 — представлена связь между ценами на энергоносители и ценами на продукты питания.

Рис. 33. Недавний рост цен на энергоносители создает пространство для роста цен на сахар [44, с. 33]

Fig. 33. The recent rise in energy prices creates space for sugar prices to rise [44, с. 33]

Рис. 34. Цены на кукурузу изменяются синхронно с ценами на сырую нефть [44, с. 34]

Fig. 34. Maize prices move in sync with crude oil prices [44, с. 34]

Однако, в отличие от рынка удобрений, отраслевые ограничения, такие как максимальные уровни смешивания, границы смешивания и свободные мощности нефтеперерабатывающего завода, могут задержать этот процесс и временно удерживать цены на сырье, такое как кукуруза или сахар, ниже их цен на энергию.

Рис. 35. Маржа модернизации стала отрицательной даже для заводов по производству карбамида, работающих на угле [44, с. 33]

Fig. 35. Upgrading margins have become negative even for coal-fired urea plants [44, с. 33]

Рис. 36. Повышение цен на газ, вызванное конфликтом, привело к отрицательной марже при модернизации карбамида [44, с. 33]

Fig. 36. Conflict-induced gas price rises have resulted in negative upgrading margins for urea [44, с. 33]

Финансовые риски. Экономические санкции, введенные в отношении России в отношении банковского сектора страны, привели к значительному обесцениванию российского рубля. Как показывают данные МВФ, рубль в начале марта 2022 г. достиг рекордно низкого уровня по отношению к доллару США. Несмотря на реакцию Центрального банка России, который, среди прочего, более чем удвоил базовую процентную ставку до 20%, рубль оставался почти на 20% слабее, чем в первой половине февраля 2022 г.

По данным Всемирного банка, усилия по смягчению последствий пандемии COVID-19 привели к увеличению долгового бремени стран мира с низким уровнем дохода на 12 процентов в 2020 г. до нового рекорда, в то время как совокупное — в 2020 г. объем внешнего долга стран с высоким уровнем дохода увеличился на 5,3%. Размещение средств многосторонними кредиторами, такими как Всемирный банк и МВФ, может сыграть важную роль в компенсации воздействия повышения курса доллара США на сельскохозяйственный сектор развивающиеся страны.

Очень сильное обесценивание российского рубля и спад российской экономики, а также сбой в экономике Украины будут иметь серьезные последствия для спроса на продовольствие и сельскохозяйственную продукцию в странах конфликта, поскольку покупательная способность домохозяйств снизится, а отечественная и агропродовольственные цены, скорее всего, вырастут.

В то время как обесценивание российского рубля может удешевить экспорт сельскохозяйственной продукции из России, продолжительное обесценивание отрицательно скажется на инвестиционных перспективах в этом секторе и, следовательно, на росте производительности, как из-за повышения процентных ставок, которые делают кредит дорогим, так и из-за повышенной стоимости

кредита на импортные машины и другой капитал, необходимый для сельскохозяйственного производства. Украинская гривна также достигла рекордно низкого уровня в начале марта 2022 г. Последствия для украинского сельского хозяйства, в том числе влияние на его экспортную конкурентоспособность и способность к импорту, на данном этапе оценить невозможно, поскольку степень ущерба для производственных мощностей страны и инфраструктура до сих пор неясна. Ожидается, что стоимость восстановления и реконструкции будет очень высокой. Предполагается, что ослабление экономической активности в России и снижение курса рубля по отношению к доллару США окажут сильное влияние на страны Центральной Азии за счет сокращения потоков денежных переводов, которые для многих из этих стран составляют значительную часть их ВВП. Так, по оценкам Партнерства знаний в области миграции и развития (KNOMAD), потоки денежных переводов в Кыргызской Республике в 2020 г. составили 31,2% от ВВП страны, почти 83% потоков поступили из России [30, с. 35].

Соответствующие цифры для Таджикистана оцениваются в 26,7% и 58% процентов. По оценкам KNOMAD, сокращение денежных переводов в 2022 г. составит 33% для Кыргызской Республики и 22% для Таджикистана [30, с. 36]. Учитывая, что мировая миграция стала неотъемлемой тенденцией в сельских обществах региона, требуется дополнительный анализ потоков денежных переводов в сельские районы стран региона. Сельское хозяйство является основой экономики во многих развивающихся странах по всему миру, в то время как большинство из них полагаются на доллар США для своих потребностей в займах. Таким образом, длительное повышение курса по отношению ко многим валютам может иметь серьезные последствия для этих стран, в том числе для агропродовольственного сектора.

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Эскалация конфликта с участием таких важных участников мирового рынка сельскохозяйственных товаров в период и без того высоких и неустойчивых мировых цен на продовольствие и факторы производства вызывает серьезные опасения по поводу его потенциального негативного воздействия на продовольственную безопасность как внутри страны, так и на международном уровне.

2. Внутри стран РФ и Украины эскалация может напрямую ограничить сельскохозяйственное производство в конкурирующих странах, что в сочетании с ограниченной экономической активностью и ростом цен может подорвать покупательную способность населения подавляющих стран мира. Моделирование ФАО, предпринятое для оценки возможных последствий такого сокращения, подтверждает эти опасения.

3. Моделирование ФАО предполагает, что «плохие сценарии» могут привести к дальнейшему росту мировых цен на продукты питания, продаваемые

странами в наибольшей степени, включая побочные эффекты в других продовольственных секторах, а также к увеличению глобального числа недоедающих людей.

4. Для жесткой блокады «плохих сценариев» развития событий важно сохранять открытость торговли продуктами питания и удобрениями, не допуская негативного влияния конфликта СВО на производственную и маркетинговую деятельность на Украине и в России с тем, чтобы они могли удовлетворять потребности внутреннего производства и потребления, а также удовлетворять глобальные потребности. Для обеспечения того, чтобы цепочки поставок продолжали функционировать должным образом или были в состоянии быстро возобновить работу, такие усилия должны включать меры по защите производственных активов, включая урожай, домашний скот, ресурсы и технику, от повреждений или любых иных сбоев, вызванных конфликтом СВО, но также должны распространяться на инфраструктуру пищевой промышленности, такую как зерновые мельницы и предприятия по переработке масличных культур, и на вспомогательные системы хранения, транспортировки и распределения.

5. Диверсификация поставок продовольствия для стран мира, которые напрямую зависят от импорта продовольствия с Украины и России, будет иметь ключевое значение, чтобы помочь им справиться с потрясениями и сохранить устойчивость в условиях конфликта в обоих странах. Одна из возможностей заключается в диверсификации за счет других источников международной торговли, поскольку страны, которые импортируют продукты питания от многих различных торговых партнеров, менее уязвимы к конкретным потрясениям в одном месте. Другая возможность заключается в том, чтобы полагаться на существующие запасы продовольствия и расширять разнообразие отечественного производства, чтобы обеспечить поставки продуктов питания, необходимых для здорового питания.

6. Поддерживать уязвимые группы населения, в том числе беженцев как внутренне, так и внешне перемещенных лиц. Программа единства для беженцев в Европе (Cohesion's Action for Refugees in Europe — CARE), позволит обеспечить нужную гибкость, чтобы осуществить быстрое перераспределение доступного европейского финансирования на такую экстренную помощь, в частности, на продовольственную и основную материальную помощь, а также на помощь в поиске работы, начале или продолжении образования и доступе к уходу за детьми.

7. Необходимо укреплять прозрачность рынка и диалог. Когда рынки сельскохозяйственных товаров находятся в состоянии неопределенности и нуждаются в адаптации к потрясениям, влияющим на спрос и предложение, прозрачность глобального рынка играет ключевую роль. Такие инициативы, как Информационная система сельскохозяйственного рынка (Agricultural Market Information System, AMIS) стремятся повысить такую прозрачность за счет предоставления объективных, своевременных и актуальных оценок рынка,

которые позволяют принимать обоснованные политические решения. Через свой Форум быстрого реагирования (Rapid Response Forum RRF) AMIS также обеспечивает уникальную платформу для политического диалога и координации между членами (включая Российскую Федерацию и Украину), что необходимо для сведения к минимуму сбоев и обеспечения непрерывности международных рынков должны функционировать должным образом, торговля должна осуществляться эффективно, чтобы удовлетворять глобальный спрос и обеспечивать продовольственную безопасность.

8. С теоретической точки зрения, на взгляд авторов, следует углублять и расширять научные исследования современных проблем неопределенности и риска, с изучением актуальных тем доверия — недоверия. Помимо теорий «рефлексивности риска», отражающего процессы появления и усиление риска, следует сосредоточить внимание на непреднамеренных побочных эффектах, бумерангах человеческих действий (военные события на Украине, экологические опасности как результаты индустриализации; преступность и правонарушения как результаты плохой социализации; новые болезни цивилизации, порожденные моделями работы и образом жизни, типичными для текучей современности).

9. Важно подчеркнуть, что достаточно широкое распространение суждения о том, что понятие *риска* (*risk*) может определяться как противопоставление концепции *безопасности* (*security*), имеет место быть и в науке. Однако, и в обыденном языке риск может широко использоваться для обозначения всех типов угроз, бедствий или опасностей. Используемый Н. Луманном термин «Sicherheit» является широким по своему содержанию термином, который может быть переведен как «безопасность», «защищенность», «сохранность», «надежность», даже «определенность в зависимости от случая». В современных дискуссиях это имеет значение того, что, если мы высказываемся против слишком рискованных предприятий (и которые таковыми могут считаться), то мы можем продемонстрировать то, в чем именно дорога безопасность по признаку ценности охраны/надежности (*safety/security*). А это порождает мысль о том, что человек действительно желает безопасности, но, учитывая то неустойчивое состояние, в котором находится мир, ему всегда приходится принимать на себя те или иные риски. Таким образом, формат риска становится вариацией на различие желаемых/нежелательных рисков.

Приложения

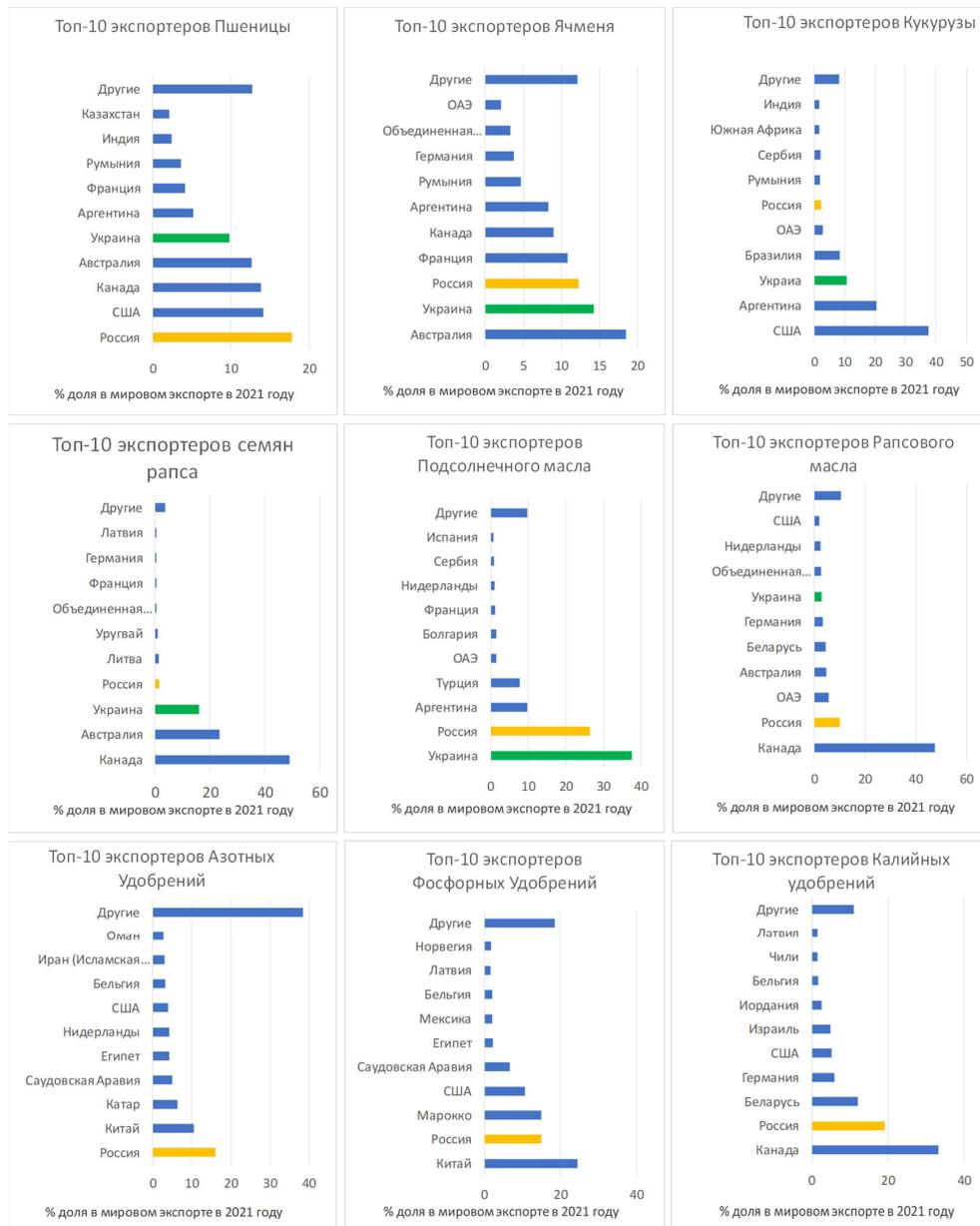

Рис. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14. Топ-10 экспортеров по видам товаров, доля в мировом экспорте в 2021 г.

Fig. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14. Top 10 exporters by type of goods, share in world exports in 2021

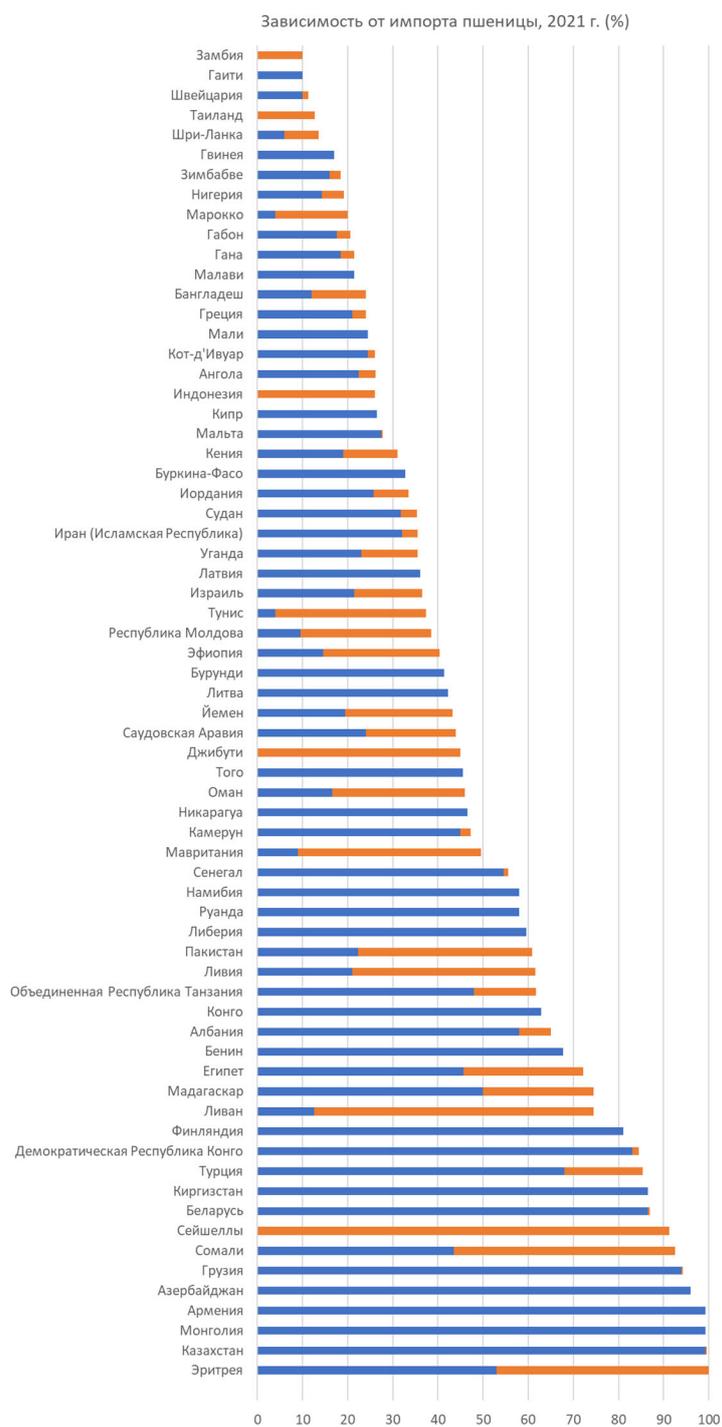

Рис. 15. Зависимость от импорта пшеницы, 2021 г. (%) [44, с. 10]

Fig. 15. Wheat Import Dependency, 2021 (%) [44, с. 10]

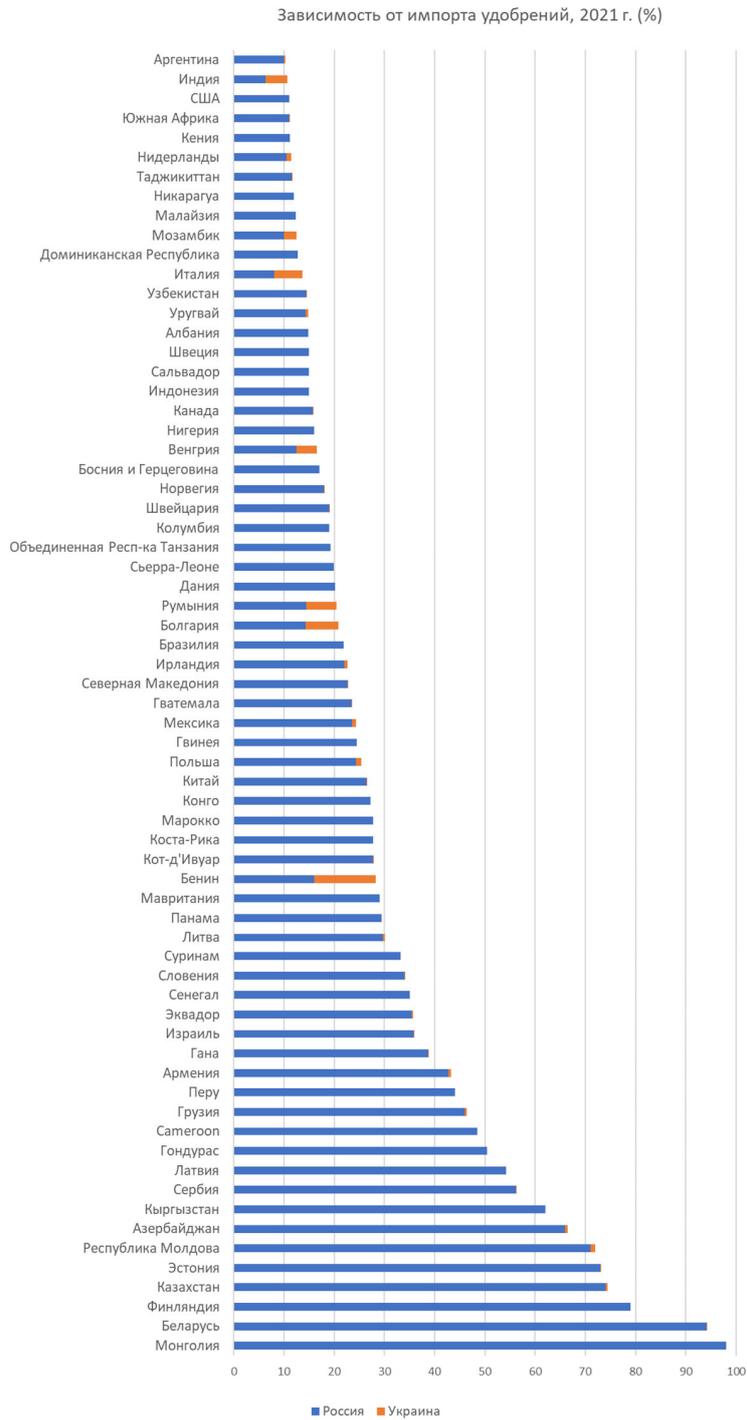

Рис. 16. Зависимость от импорта удобрений, 2021 г. (%) [44, с. 12]

Fig. 16. Fertilizer Import Dependency, 2021 (%) [44, с. 12]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алчиан А. Неопределенность, эволюция и экономическая теория / А. Алчиан // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. 2-е изд. / Редколлегия: Я. И. Кузьминов, В. С. Автономов и др. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007. 533 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; послесловие А. Филиппова. Москва: Прогресс-Традиция. 2000. 384 с.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 107–134.
4. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. Москва: Академический проект, 2005. 528 с.
5. Гришаев В. В. Риск и общество (Дискуссия о понятии риска и библиография) / В. В. Гришаев. Москва: Социологический форум, 2002. 37 с. URL: <http://hpsy.ru/authors/x2578.htm>.
6. Данные Федеральной таможенной службы РФ. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/import-rt-itogi-2021-goda/>
7. Дэвидсон П. Уместна ли теория вероятностей для неопределенности? Посткейнсианская перспектива / П. Дэвидсон // Journal of Economic Perspectives. 1991. Том 5. № 1. С. 129–143.
8. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. Избранное. Москва: Эксмо, 2007. 960 с.
9. Луман Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
10. Митрофанов А. Сценарии ядерной войны. Какой она может быть? / А. Митрофанов // Военное обозрение от 27 июля 2020 года. URL: <https://topwar.ru/173404-kakoj-onamozhnet-byt-scenarii-jadernoj-vojnny.html>
11. Млечин Л. Мир вернулся в прежние времена, когда считалось, что ядерная война вполне возможна / Л. Млечин // Новая газета № 1 (2578). 11 января 2017. URL: https://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_29721/
12. Найт Ф. Понятия риска и неопределенности / Ф. Найт // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 12–28.
13. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / Ф. Х. Найт. Пер. с англ. Москва: Дело, 2003. 360 с.
14. Радаев В. В. Основные направления развития современной экономической социологии / В. В. Радаев // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 3–18.
15. Риск. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера / Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд. 2006. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%80/%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%BA>
16. COVID-19 в мегаполисах мира. Исследование практик борьбы с последствиями пандемии // ООО «Эрнст энд Янг» — оценка и консультационные услуги. 2021. 49 с.
17. Уайт Х. Рынки и фирмы: размышления о перспективах экономической социологии / Х. Уайт // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу / Сост. и ред. В. В. Радаев. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. 280 с.

18. Фаличев О. В. Нейросети на поле боя. Спецоперация подчеркнула роль высокоточного оружия / О. В. Фаличев // Независимая газета. Вооружения. 14 апреля 2022 года. URL: https://nvo.ng.ru/armament/2022-04-14/1_1185_armament1.html
19. Штомпка П. Доверие — основа общества / П. Штомпка. Пер. с пол. Н. В. Морозовой. Москва: Логос, 2012. 440 с.
20. Arrow K. J. Statistics and economic policy / K. J. Arrow. *Econometrica*. 1957. № 25 (4). 523 p. DOI:10.2307/1905381.
21. Beck U. Risk society: towards a new modernity / U. Beck. Translated by M. Ritter. London: Sage Publications, 1992. 260 p.
22. Beck U. The reinvention of politics: Towards a theory of reflexive modernization / U. Beck // *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order* / Edited by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Stanford (CA): Stanford university press, 1994. Pp. 1–55.
23. Berger G. *Phénoménologies du temps et prospectives* / G. Berger. Presse Universitaires de France, 1964. 288 p.
24. Bradfield R. The origins and evolution of scenario techniques in long range business planning / R. Bradfield, G. Wright, G. Burt, G. Cairns, K. V. D. Heijden // *Futures*. 2005. № 37 (8). Pp. 795–812. DOI:10.1016/j.futures.2005.01.003/
25. Coleman J. S. *Foundations of social theory* / J. S. Coleman. Belnap Press, xvi +, 1990. 993 p.
26. COVID-19 Coronavirus pandemic. Report coronavirus cases by Johns Hopkins University. URL: <https://www.worldometers.info/coronavirus/>
27. Giddens A. *Consequences of modernity* / A. Giddens. Stanford University Press, 1990. 188 p.
28. Giddens A. *Runaway world: How globalization is reshaping our lives*. 2nd ed. / A. Giddens. London: Profile Books, 2002. 142 p.
29. Global economic prospects. A world bank group flagship report. Finance for an equitable recovery. World development report. 2022. 259 p.
30. Global economic prospects. Washington: World Bank, 2022. 46 p.
31. Kahn H. The next thirty-three years: A framework for speculation / H. Kahn, J. W. Anthony // *Daedalus*. 1967. № 96 (3). Pp. 705–732.
32. Kahn H. *Thinking About the Unthinkable* / H. Kahn. New York: Horizon Press, 1965, 254 p.
33. Keynes J. M. *A treatise on probability* / J. M. Keynes. New York: MacMillan, 1921. 489 p.
34. Lehr T. Scenario-based strategizing: Advancing the applicability in strategists' teams / T. Lehr, U. Lorenz, M. Willert, R. Rohrbeck // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. № 124. Pp. 214–224. DOI:10.1016/j.techfore.2017.06.026.
35. Luhmann N. *Risk: A sociological theory* / N. Luhmann. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1993/2002. 236 p.
36. Luhmann N. *Trust and power* / N. Luhmann. Chichester: John Wiley and Sons, xix +, 1979. 208 p.
37. Reinhart C. M. From health crisis to financial distress / C. M. Reinhart. Policy Research Working Paper 9616. World Bank, Washington, DC. 2021. 37 p.
38. Seligman A. *The problem of trust*, Princeton / A. Seligman. New Jersey: Princeton University Press, 1997. 231 p.
39. Shackle G. L. S. A student's pilgrimage. Recollections of eminent economists / G. L. S. Shackle. London: Palgrave Macmillan UK, 1988. Pp. 57–66.

40. Shackle G. L. S. Epistemics and economics: A critique of economic doctrines / G. L. S. Shackle. Cambridge University Press, 1972. 482 p.
41. Short J. Hazards, risks, and enterprise: Approaches to science, law, and social policy / J. Short // *Law and Society Review*. 1990. Vol. 24. № 1. Pp. 179–198.
42. Sztompka P. Kapital społeczny; teoria przestrzeni międzyludzkiej / P. Sztompka. Krakow: Znak Publishers, 2016. 350 p.
43. Sztompka P. Trust: A sociological theory / P. Sztompka. Cambridge: Cambridge University Press. xii +, 1999. 214 p.
44. The importance of Ukraine and the Russian Federation for global agricultural markets and the risks associated with the current conflict. Food and Agriculture. Organization of the United Nations. Rome, 2022. Information update as of 8 March 2022. 41 p.
45. Trust at risk: Implications for EU policies and institutions. Report of the expert group «Trust at risk? Foresight on the medium-term implications for European. Research and innovation policies (trust foresight)». Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2017. 196 p.
46. White H. C. Markets from networks: Socioeconomic models of production / H. C. White. Princeton: Princeton University Press, xvii, 2002. 389 p.

Elena V. ANDRIANOVA¹
Vladimir A. DAVYDENKO²
Yulia V. USHAKOVA³

UDC 336.2

FOOD SECURITY RISKS IN THE CONTEXT OF A NEW GLOBAL REALITY*

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Head of Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen;
Senior Researcher, West-Siberian Branch
of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences
e.v.andrianova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7769-9206

² Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Head of the Research Center,
University of Tyumen
v.a.davydenko@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-8389-4254

³ Assistant,
Department of Economic Security, System Analysis and Control,
University of Tyumen,
y.v.ushakova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-6671-6066

Abstract

The article is devoted to the study of modern challenges of global instability and socio-economic reality in the context of the determinants of the situation, taken from the point

---

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the project no. 20-011-00087 on the topic “Institutional factors and forms of development of rural areas”.

We thank the anonymous reviewer for the precisely posed question regarding the fact that Russia actually “fell out” after 24 February 2022 from the global monetary and financial market process, which further exacerbates its national risks.

Citation: Andrianova E. V., Davydenko V. A., Ushakova Yu. V. 2022. “Food security risks in the context of a new global reality”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 2 (30), pp. 6–66.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-6-66

---

of view of the security of rural areas of various countries of the world. The influence of such determinants as the COVID-19 pandemic and the conflict in Ukraine is considered. The COVID-19 pandemic has dealt a severe strike to the entire global economy due to the need for strict restrictive measures (quarantine, self-isolation, lockdown), which, as expected, is heading for the deepest recession in 2022-2023. The crisis caused by the military conflict between Russia and Ukraine, followed by total sanctions against Russia, should, it seems, lead to quite strong detrimental consequences both in the food and agricultural sectors of these and other countries of the world. The relevance of the topic is connected with the fact that the traditional problems of risk and uncertainty have now received a special, existential sound all over the world. The purpose of the article is to try to understand and explain the comprehensive outcomes and trends that are caused by various risks of the new global reality for national security, including food security, based on statistical data and author's forecast estimates. The tasks that are set and solved in the article: description of global risks of a very different nature — sanctions, trade, price, financial, energy, logistics, production, agricultural, food, humanitarian. The article is presented in the traditions of economic and sociological theories of the study of risks, trust and uncertainties, from the point of view of scientific approaches of structural functionalism, pragmatism and existentialism. The authors rely on statistics from the World Bank, the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) (Food and Agriculture Organization, FAO). The presented risk analysis contributes to understanding the problem of food security risks in the context of a new global reality.

Keywords

Modern global instability, risks of various nature, COVID-19, rural areas.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-6-66

REFERENCES

1. Alchian A. 2007. "Uncertainty, evolution and economic theory". Origins: from the experience of studying economics as a structure and process. 2nd ed. Edited by Ya. I. Kuzminov and V. S. Avtonomov etc. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. 533 p. [In Russian]
2. Beck U. 2000. "Risk society. On the way to another modern". Translated from German by V. Sedelnik and N. Fedorova; afterword by A. Filippov. Moscow: Progress-Tradition. 384 p. [In Russian]
3. Giddens A. 1994. "Fate, risk and security". THESIS, no. 5, pp. 107–134. [In Russian]
4. Giddens A. 2005. Organization of society: An essay on the theory of structuration. Moscow: Academic Project. 528 p. [In Russian]
5. Grishaev V. V. 2002. Risk and society (Discussion on the concept of risk and bibliography). Moscow: Sociological Forum. 37 p. Accessed on 18 April 2022. <http://hpsy.ru/authors/x2578.htm>. [In Russian]

6. Data of the Federal Customs Service of the Russian Federation. <https://journal.open-broker.ru/research/import-rf-itogi-2021-goda/> [In Russian]
7. Davidson P. 1991. "Is probability theory appropriate for uncertainty? Post-Keynesian Perspective". *Journal of Economic Perspectives*, vol. 5, no. 1, pp. 129–143. [In Russian]
8. Keynes J. M. 2007. *The general theory of employment, interest and money. Favorites.* Moscow: Eksmo. 960 p. [In Russian]
9. Luhmann N. 1994. "The concept of risk.". *THESIS*, no. 5, pp. 135–160. [In Russian]
10. Mitrofanov A. 2020. "Nuclear war scenarios. What can it be?". *Military Review* of 27 July 2020. Accessed on 18 April 2022. <https://topwar.ru/173404-kakoj-ona-mozhet-byt-scenarii-jadernoj-vojny.html> [In Russian]
11. Mlechin L. 2017. "The world has returned to the old days, when it was believed that a nuclear war was quite possible". *New Newspaper*, no. 1 (2578). Accessed on 18 April 2022. https://www.gorby.ru/presscenter/publication/show_29721/ [In Russian]
12. Knight F. 1994. "Concepts of risk and uncertainty". *THESIS*, no. 5, pp. 12–28. [In Russian]
13. Knight F. H. 2003. *Risk, uncertainty and profit.* Translated from English. Moscow: Delo. 360 p. [In Russian]
14. Radaev V. V. 2002. "Main directions of development of modern economic sociology". *Economic sociology: New approaches to institutional and network analysis.* Moscow: ROSSPEN. Pp. 3–18. [In Russian]
15. Risk. Etymological online dictionary of the Russian language by Max Fasmer. 4th ed. 2006. Accessed on 18 April 2022 <https://gufo.me/dict/vasmer/> [In Russian]
16. Ernst and Young LLC — assessment and consulting services. *COVID-19 in megacities of the world. Research of practices of combating the consequences of the pandemic.* 2021. 49 p. [In Russian]
17. White H. 2002. "Markets and firms: Reflections on the prospects of economic sociology". *Economic sociology: New approaches to institutional and network analysis.* Edited by V. V. Radaev. Moscow: ROSSPEN. 280 p. [In Russian]
18. Falichev O. V. 2022. "Neural networks on the battlefield. The special operation emphasized the role of precision weapons". *Independent Newspaper.* Accessed on 18 April 2022. https://nvo.ng.ru/armament/2022-04-14/1_1185_armament1.html [In Russian]
19. Shtompka P. 2012. *Trust is the basis of society.* Translated by N. V. Morozova. Moscow: Logos. 440 p. [In Russian]
20. Arrow K. J. 1957. "Statistics and economic policy". *Econometrica*, no. 25 (4). 523 p. DOI:10.2307/1905381.
21. Beck U. 1992. *Risk society: Towards a new modernity.* Translated by M. Ritter. London: Sage Publications. 260 p.
22. Beck U. 1994. "The reinvention of politics: Towards a theory of reflexive modernization". *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order.* Edited by U. Beck, A. Giddens, S. Lash. Stanford (CA): Stanford university press. Pp. 1–55.
23. Berger G. 1964. *Phenomenologies of time and prospective.* Presse Universities of France. 288 p.
24. Bradfield R., Wright G., Burt G., Cairns G., Heijden K. V. D. 2005. "The origins and evolution of scenario techniques in long range business planning". *Futures*, no. 37 (8), pp. 795–812. DOI:10.1016/j.futures.2005.01.003/
25. Coleman J. S. 1990. *Foundations of social theory.* Belnap Press, xvi +. 993 p.

26. COVID-19 Coronavirus pandemic. Report coronavirus cases by Johns Hopkins University. Accessed on 18 April 2022. <https://www.worldometers.info/coronavirus/>
27. Giddens A. 1990. *Consequences of modernity*. Stanford University Press. 188 p.
28. Giddens A. 2002. *Runaway world: How globalization is reshaping our lives*. 2nd ed. London: Profile Books. 142 p.
29. *Global economic prospects. 2022. A world bank group flagship report. Finance for an equitable recovery. World development report*. 259 p.
30. *Global economic prospects. 2022*. Washington: World Bank. 46 p.
31. Kahn H., Wiener A. J. 1967. "The next thirty-three years: A framework for speculation". *Daedalus*, no. 96 (3), pp. 705–732.
32. Kahn H. 1965. *Thinking about the unthinkable*. New York: Horizon Press. 254 p.
33. Keynes J. M. 1921. *A treatise on probability*. New York: MacMillan. 489 p.
34. Lehr T., Lorenz U., Willert M., Rohrbeck R. 2017. "Scenario-based strategizing: Advancing the applicability in strategists' teams". *Technological Forecasting and Social Change*, no. 124, pp. 214–224.
35. Luhmann N. 1993/2002. *Risk: A sociological theory*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. 236 p.
36. Luhmann N. 1979. *Trust and power*. Chichester: John Wiley and Sons, xix +. 208 p.
37. Reinhart C. M. 2021. "From health crisis to financial distress". *Policy Research Working Paper 9616*. World Bank, Washington, DC. 37 p.
38. Seligman A. 1997. *The problem of trust*. New Jersey: Princeton University Press. 231 p.
39. Shackle G. L. S. 1988. *A student's pilgrimage. Recollections of eminent economists*. London: Palgrave Macmillan UK. Pp. 57–66.
40. Shackle G. L. S. 1972. *Epistemics and economics: A critique of economic doctrines*. Cambridge University Press. 482 p.
41. Short J. 1990. "Hazards, risks, and enterprise: Approaches to science, law, and social policy". *Law and Society Review*, vol. 24, no. 1, pp. 179–198.
42. Sztompka P. 2016. *Kapitał społeczny; teoria przestrzeni międzyludzkiej*. Krakow: Znak Publishers. 350 p.
43. Sztompka P. 1999. *A sociological theory*. Cambridge: Cambridge University Press, xii +. 214 p.
44. *The importance of Ukraine and the Russian Federation for global agricultural markets and the risks associated with the current conflict. 2022. Food and Agriculture. Organization of the United Nations. Rome. Information update as of 8 March 2022*. 41 p.
45. *Trust at risk: Implications for EU policies and institutions. 2017. Report of the expert group "Trust at risk? Foresight on the medium-term implications for European. Research and innovation policies (trust foresight)"*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. 196 p.
46. White H. C. 2002. *Markets from networks: Socioeconomic models of production*. Princeton: Princeton University Press, xvii. 389 p.

Анатолий Николаевич СИЛИН¹
Валентин Андреевич ЮДАШКИН²

УДК 316.33:331

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА МАЛЫХ ГОРОДОВ АРКТИКИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

¹ доктор социологических наук, профессор,
главный научный сотрудник, Тюменский индустриальный университет;
главный научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН (г. Тюмень)
sm-2004@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-3331-165X

² кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН (г. Тюмень)
wayu@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3484-8467

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования и функционирования человеческого капитала на материалах социологических исследований, проведенных авторами в малых городах Российской Арктики. Использовался традиционный социологический инструментарий: массовые опросы, фокус-группы, углубленный опрос экспертов по разработанным авторским методикам. В качестве оппозиции развитию арктических малых городов рассматриваются вахтовые поселки, функционирование которых в последние годы в связи с пандемией и санкциями осложнилось. В работе представлен сравнительный анализ ситуации, связанной с формированием человеческого капитала в совокупности трех его компонентов (капитал здоровья, образовательный и профессиональный капитал, культурный капитал) в трех регионах Арктической зоны РФ (АЗ РФ): ее европейского сектора (исследование проведено в Архангельской области), Западно-Сибирского (Ямало-Ненецкий автономный округ)

Цитирование: Силин А. Н. Формирование и развитие человеческого капитала малых городов Арктики в социологическом измерении / А. Н. Силин, В. А. Юдашкин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 67–80.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-67-80

и Восточно-Сибирского (Чукотский автономный округ). Судя по оценкам экспертов, наименее благополучная ситуация для сохранения и приумножения человеческого капитала складывается в территориях европейского сектора АЗ РФ, наиболее благоприятная — на Ямале.

Ключевые слова

Человеческий капитал, Арктика, малый город, вахтовый поселок, социологическое измерение.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-67-80

Введение

Территории АЗ РФ характеризуются жесткими, экстремальными природно-климатическими условиями, повышенной уязвимостью природы от антропогенных воздействий, удаленностью от крупных промышленных центров страны. Здесь низкая плотность населения, высока ресурсоемкость и зависимость экономики и социальной сферы от поставок из других регионов всех видов ресурсов (включая трудовые), хозяйственное освоение территории носит очаговый характер, требует учета интересов и условий традиционной жизнедеятельности коренных этносов и др. [4, 7].

Малые города АЗ РФ — в первую очередь в связи с монопрофильностью своей экономики и определяемой ею зависимостью от функционирования градообразующих ресурсов добывающих предприятий — занимают особое место в пространственном развитии региона [6, 14, 15].

Согласно классификации Минстроя РФ в АЗ РФ дислоцировано 32 малых города, в которых по данным на 01.01.2018 проживало 594,9 тыс. человек. В рамках нашего социологического исследования изучалось формирование и функционирование человеческого капитала в 12 из них, расположенных в 3-х регионах АЗ РФ: ЯНАО (201,7 тыс. человек, в т. ч. Салехард — административный центр округа — 49,2 тыс. человек, Надым — районный центр — 44,6 тыс. человек, Муравленко — 32,4 тыс. человек, Губкинский — 28,0 тыс. человек, Лабытнанги — 26,1 тыс. человек, Тарко-Сале — 21,4 тыс. человек), ЧАО (25,2 тыс. человек в т. ч. Анадырь — административный центр округа — 15,6 тыс. человек, Билибино — 5,3 тыс. человек, Певек — 4,3 тыс. человек), Архангельская область (60,7 тыс. человек в т. ч. Новодвинск — 38,4 тыс. человек, Онега — 19,0 тыс. человек, Мезень — 3,3 тыс. человек).

Учитывая отечественный и зарубежный опыт освоения Арктики, срок эксплуатации невозобновляемых природных ресурсов, возможности создания комфортной среды обитания в разного вида поселениях, именно малые города должны стать основным видом арктических поселений [9].

Современные малые города АЗ РФ чрезвычайно зависят от контекста регионального и глобального пространственного развития, представляют глубоко поляризованные локации, где поселения интенсивного освоения со-

седствуют с территориями упадка [5]. Если в советский период их развитие, в отличие от других заполярных регионов мира, велось практически без оглядки на затраты, то в последующие годы возникли значительные сложности в механизмах жизнеобеспечения северян, начался резкий отток населения [8, 17]. Арктические малые города являются по сути феноменами социальных институтов, значимо отличающихся от городов средней полосы и, тем более, юга России. Вокруг них — не ареалы пригородного сельского хозяйства или рекреационные зоны, а пространство тотальной необжитости, где можно встретить лишь кочевника-оленевода или вахтовый жилой комплекс сырьевой корпорации.

В оппозиции малым городам Российской Арктики находятся многочисленные вахтовые поселки (Ямбург, Ново-Заполярный, Бованенково, Сабетта и др.), предпочтение в пространственном развитии АЗ РФ отдавалось сырьевыми корпорациями до последнего времени именно им [13]. Между тем, сегодня ситуация коренным образом изменилась, на повестке дня снова — развитие малых городов. Основных причин две. Во-первых, в условиях пандемии вахтовые поселки со своей скученностью и отсутствием возможности для изоляции людей и оказания им медицинской помощи превращаются в основные очаги распространения коронавирусной инфекции. Во-вторых, в связи с санкционным давлением вс в большей степени возникают проблемы с обеспечением авиационной доставки вахтового персонала.

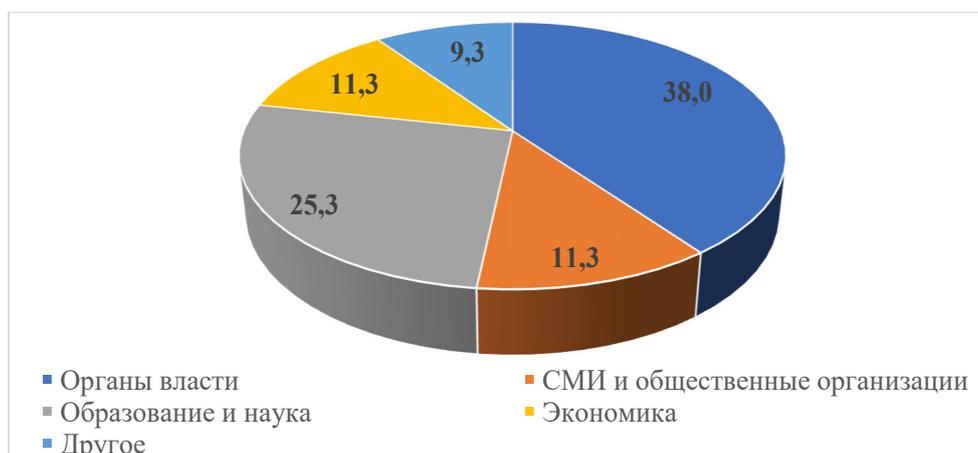
Методы

Исследования человеческого капитала экономической и иными социальными науками в последние полвека внесли значимый вклад в решение проблем хозяйственной жизни, повышения уровня и качества жизни людей. В структуре человеческого капитала как производительного и социального фактора развития общества различают в качестве ключевых его компонентов капитал здоровья, образовательный и профессиональный капитал, культурный капитал. Для количественной оценки каждого из них предложены различные наборы показателей, оцениваемые как статистическими методами, так и социологическими: путем массовых опросов населения, проведения фокус-групп, экспертных опросов и др. [1, 10, 11, 12]. Так, уровень капитала здоровья измеряется показателями заболеваемости и смертности населения, количественные и структурные данные о которых можно получить в банках медицинской статистики, самооценкой здоровья разных социальных групп населения, выявляемой разными социологическими методами и др.

Уровень образовательного и профессионального капитала определяется так же, как статистическими показателями, так и с использованием специальных тестовых методик, позволяющих выявить в выборочной совокупности имеющиеся профессиональные знания и навыки. В меньшей степени разработана методология измерения уровня культурного капитала, включающая обычно социологические технологии выявления мотивации к труду, саморазвитию,

ценностно-ориентационную направленность, отношение к социальным нормам, коммуникативные навыки и др.

Авторами изучался человеческий капитал в указанном дискурсе на материалах малых городов Российской Арктики. Для исследования были выбраны малые города трех регионов АЗ РФ: европейский сектор представлен Архангельской областью, Урало-Сибирский — Ямало-Ненецким автономным округом (ЯНАО), Восточно-Сибирский — Чукотским автономным округом (ЧАО). В 2019-2021 гг. был осуществлен массовый анкетный опрос северян (выборка репрезентативна по полу и возрасту, ее объем — 1124 респондента), углубленный опрос 336 экспертов (в 2019 г. опрошено 146 человек в ЯНАО, в 2020 г. — 104 человека. в Архангельской области, в 2021 г. — 86 человек в ЧАО) — представителей органов власти, сфер экономики, образования и науки, средств массовой информации, общественных организаций, иных сфер жизнедеятельности (рис. 1).

Рис. 1. Сведения о принадлежности опрошенных экспертов различным сферам общественной жизни регионов АЗ РФ (%)

Fig. 1. Information about the belonging of the interviewed experts to various spheres of public life in the regions of the RF AZ (%)

Большая часть вопросов анкеты предлагала экспертам оценить ситуацию в регионе АЗ РФ по 10-бальной шкале в порядке значимости (1 — наихудшая, 10 — высшая оценка). Инструментарий исследования опубликован в работе [16].

Результаты исследования и их обсуждение

Оценки экспертами социально-экономической ситуации в Арктических регионах, где они проживают, по всей выборке приведены в таблице 1.

Таблица 1

Экспертные оценки социально-экономической ситуации в малых городах в регионах АЗ РФ (%)

Интервал оценок	ЯНАО	Архангельская область	ЧАО
1-3	2,8	36,9	15,4
4-6	14,0	63,1	52,7
7-9	74,9	0,0	28,6
10	8,3	0,0	3,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Table 1

Expert assessments of the socio-economic situation in small towns in the regions of the RF AZ (%)

Информация в таблице 1 и на рис. 2 свидетельствует о различиях в социально-экономической ситуации в трех исследуемых регионах АЗ РФ: по оценкам экспертов менее благополучная социально-экономическая ситуация сложилась в малых городах Архангельской области, более благополучная — в ЯНАО. Обращает на себя внимание (рис. 2), что большинство экспертов (67,5%) из ЯНАО «оптимистично» оценили ситуацию в регионе в интервале 8–10 баллов, что может быть интерпретировано: «такая же или чуть хуже, чем в малых городах иных регионов». В то же время сравнительные экспертные оценки ситуации в Архангельской области преимущественно низки, оценки в интервале 8–10 баллов отсутствуют. Эксперты из ЧАО в своих сравнительных оценках ситуации в малых городах региона демонстрируют значительный разброс мнений.

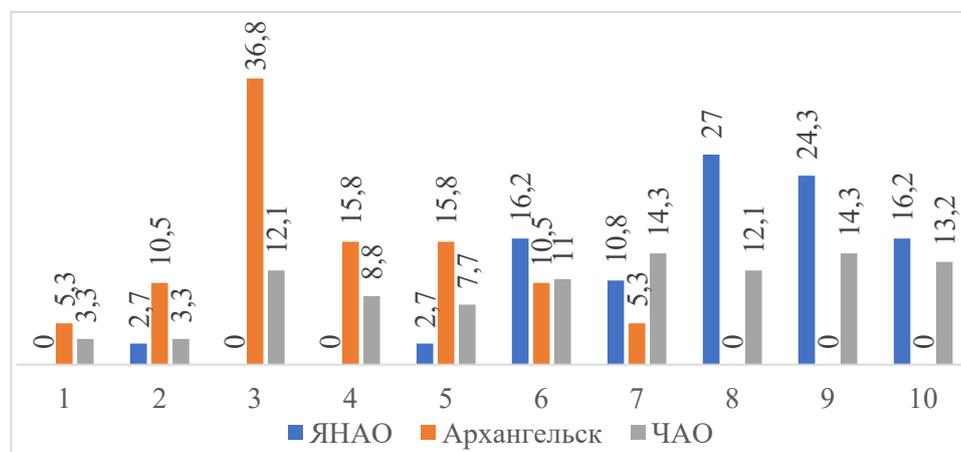

Рис. 2. Экспертные оценки социально-экономической ситуации в малых городах в регионах АЗ РФ по фактору «Благополучие жителей» по сравнению с другими регионами России (%)

Fig. 2. Expert assessments of the socio-economic situation in small towns in the regions of the RF AZ by the factor “Well-being of residents” in comparison with other regions of Russia (%)

Отметим, что при проведении интервью экспертам давалась возможность самостоятельно определить для себя основания своего «вердикта», не предлагались «точки отсчета» и критерии для сравнения ситуации в целом или ее отдельных аспектов. Однако интерпретация и объяснение полученной информации, очевидно, требуют учета этих оснований — на следующих этапах нашего социологического исследования их выяснение будет предусмотрено.

Капитал здоровья

По экспертным оценкам состояние здоровья жителей поселений в достаточно сильной степени влияет на социально-экономическую ситуацию в регионе (рис. 3). Особенно значимым, как видно на рисунке, его считают эксперты, проживающие в Архангельской области. При этом, судя по данным медицинской статистики, именно этот регион лидирует в АЗ РФ по злокачественным новообразованиям. Из изучаемых нами регионов ЧАО на первом месте по хроническому алкоголизму, а ЯНАО — по острым кишечным инфекциям и заболеваемости описторхозом [7].

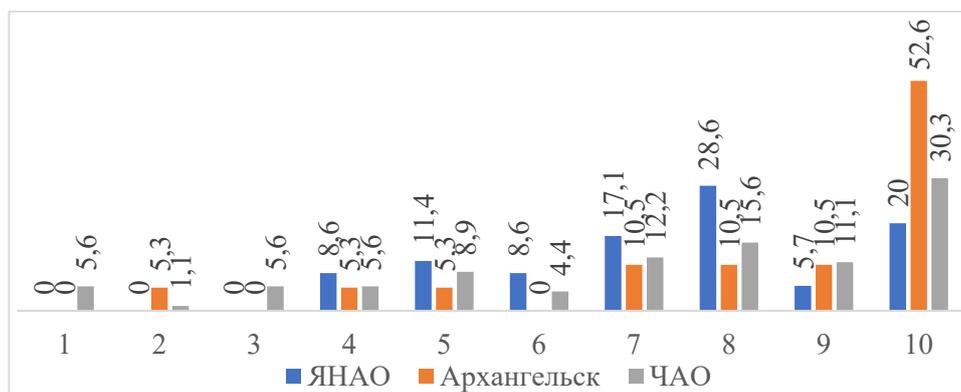

Рис. 3. Экспертные оценки влияния состояния здоровья населения региона на его устойчивое социально-экономическое развитие (%)

Fig. 3. Expert assessments of the impact of the health status of the population of the region on its sustainable socio-economic development (%)

Самооценка здоровья респондентов по трем рассматриваемым регионам в целом выглядит следующим образом: по мнению 12,5% респондентов они «совершенно здоровы»; 58,2% сочли свое здоровье удовлетворительным; 11,1% респондентов выбрали ответ «часто болею, но хронических заболеваний не имею», 15,5% — «здоровье плохое, есть хронические болезни»; считают себя инвалидами 2,7%; при этом с увеличением длительности проживания в арктических регионах самооценка здоровья респондентов ухудшается.

В опросе жителей малых городов ЯНАО выявлено, в частности, что качеством медицинского обслуживания удовлетворены лишь 16,9% респондентов,

неудовлетворены 72,3% опрошенных. В других арктических регионах ситуация еще хуже. Так, в ЧАО «полностью удовлетворены качеством медицинской помощи» всего 0,4% респондентов, «в основном удовлетворены» 5,2%, «в основном не удовлетворены» 56,4%, «совсем не удовлетворены» 32,9% и затруднились ответить 5,1% опрошенных. Наибольшие нарекания вызывает доступность медицинской помощи, т. е. невозможность беспрепятственно получить ее тогда, когда она нужна. Эксперты объясняют это прошедшей оптимизацией медицинских учреждений, которая особенно болезненной оказалась в арктических регионах (замена стационарных медицинских пунктов санавиацией не оправдана из-за частой нелетной погоды, финансовых и технических проблем и т. д.), больше половины (69,4%) экспертов из ЯНАО считают, что в поселениях региона недостаточно медицинских учреждений (рис. 4).

Рис. 4. Экспертные оценки достаточности медицинских учреждений в поселениях региона (%)

Fig. 4. Expert assessments of the sufficiency of medical institutions in the settlements of the region (%)

Образовательный и профессиональный капитал

Особенности освоения арктических регионов выдвигают серьезные требования к подготовке специалистов разноплановой специализации с одной стороны, ресурсное (особенно нефтегазовое) освоение приполярных территорий вызывает потребности в профессиональной подготовке соответствующих специалистов, с другой — процессы неоиндустриального освоения детерминируют развитие арктических поселений, урбанизацию северной территории, перманентное усложнение ее инфраструктуры, а следовательно потребность в специалистах более широкого круга профессиональной подготовки. Иными словами, для освоения Арктики требуются не только геологи, буровики и разработчики нефтяных и газовых месторождений, но и профессионалы в сфере IT-технологий, социального управления и др. [2, 3]. На рис. 5 видно, насколько значимым для устойчивого социального-экономического развития северного региона считают эксперты уровень профессиональной подготовки участвующих в этом людей (особенно в Архангельской области).

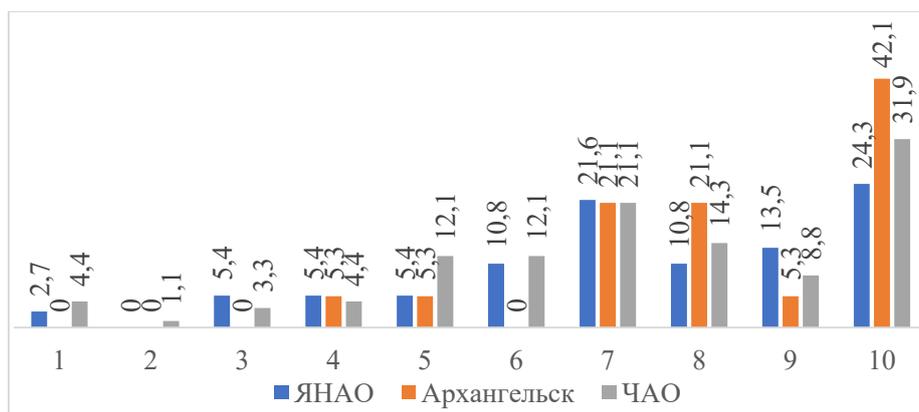

Рис. 5. Экспертные оценки влияния уровня профессиональной подготовки населения на устойчивое социально-экономическое развитие региона (%)

Fig. 5. Expert assessments of the impact of the level of professional training of the population on the sustainable socio-economic development of the region (%)

Следует обратить внимание, что проблемы получения качественного профессионального образования оцениваются экспертами из Архангельской области, на территории которой работают университеты, институты и сеть средних специальных (профессиональных) учебных заведений (техникумы и колледжи), в целом как менее значимые, чем экспертами из ЯНАО и ЧАО (рис. 6), на территории которых — только филиалы высших учебных заведений: Ноябрьский институт нефти и газа (филиал Тюменского индустриального университета) в ЯНАО и Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета в ЧАО.

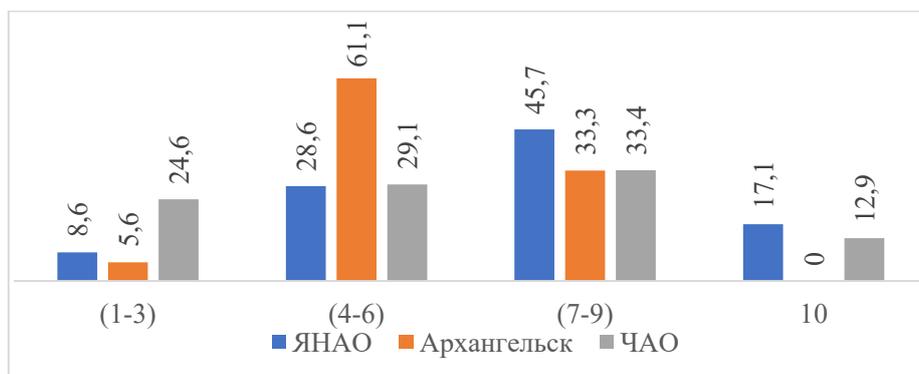

Рис. 6. Экспертные оценки значимости для населения региона проблемы получения качественного профессионального образования (%)

Fig. 6. Expert assessments of the importance for the population of the region of the problem of obtaining quality education (%)

Очевидно, что ликвидация филиальной сети вузов в регионах (например, в ЯНАО работали почти полтора десятка филиалов), происшедшая в минувшее десятилетие в борьбе за качество высшего образования, дала и отрицательный эффект (молодые люди из северных и арктических регионов уезжают для получения высшего образования в иные регионы и, нередко, — уезжают окончательно, находя там работу по специальности, создавая семью). При этом большинство экспертов во всех арктических регионах признают необходимость и важность развития на соответствующей территории всех ступеней профессионального образования: техникумов, колледжей, вузов (рис. 7).

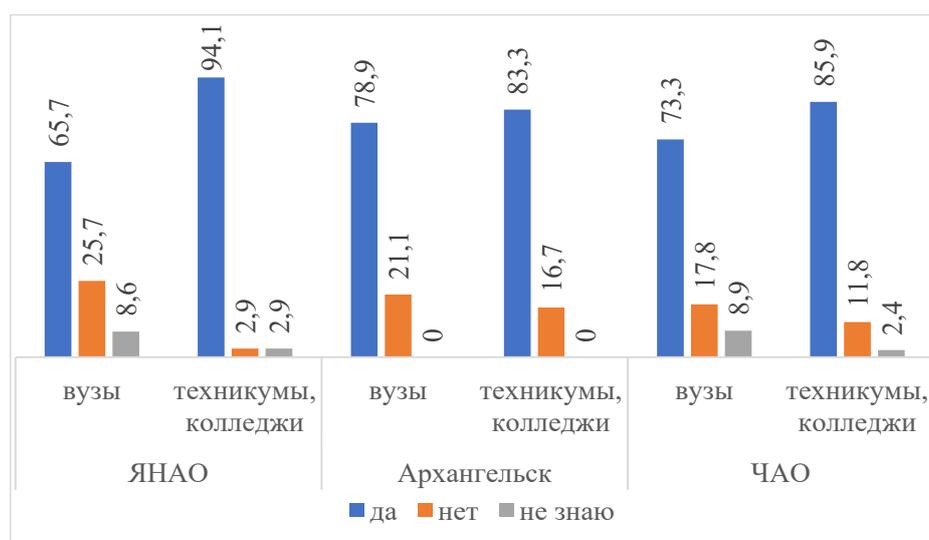

Рис. 7. Экспертные оценки необходимости дислокации в регионе вузов, техникумов и колледжей для социально-экономического развития региона (%)

Fig. 7. Expert assessments of the need for technical schools and colleges deployed in the region for the socio-economic development of the region (%)

Культурный капитал

Исследуя влияние различных факторов на формирование и функционирование человеческого капитала в АЗ РФ, мы проверили, в том числе, гипотезу о влиянии на эти процессы социокультурной ситуации в арктических поселениях, в частности ценностных ориентаций, свойственных проживающим здесь людям. В анкетном опросе были выявлены доминирование ценностей двух видов (ниже перечислены по алфавиту): терминальных, отражающих целевые установки респондентов (активная, деятельная жизнь; гармония с окружающим миром; жизненная мудрость; здоровье; личная безопасность и безопасность близких; любовь; материальная обеспеченность; мирная, спокойная жизнь; общественное призвание; семья, дети; творчество, хобби; удовольствие, развлечения), и инструментальных, через которые предполагается достигнуть эти

цели (аккуратность; амбициозность; желание добиться успеха; воспитанность, вежливость; жизнерадостность; исполнительность, добросовестное отношение к обязанностям; настойчивость, твердость характера; образование, обширные знания; ответственность; рассудительность, здравомыслие; самостоятельность, независимость; сдержанность, самоконтроль; смелость, решительность; терпимость к чужим взглядам, образу жизни; требовательность к себе и окружающим; трудолюбие, работоспособность; умение понимать и уважать чужую точку зрения; честность; чуткость и заботливость). При этом доминирующие наборы как терминальных, так и инструментальных ценностей во всех трех арктических регионах практически идентичны, различия статистически незначимы.

По мнению большинства экспертов, сформировавшиеся доминанты в ценностно-ориентационной сфере способствуют становлению моделей поведения большинства населения, которые влияют на развитие человеческого капитала на данной территории, повышают его уровень. Полагаем, ценностные ориентации, свойственные населению, могут рассматриваться как факторы воспроизводства, развития человеческого капитала территории, в частности стимулировать формы поведения, направленные на повышение образовательного уровня и поддержание здоровья. Однако такое влияние все же не является прямым и жестко определенным: социокультурные факторы в целом и ценностные ориентации в частности в отношении человеческого капитала носят амбивалентный характер. При этом наиболее выражено носит фундаментальный глубинный характер влияние социокультурной ситуации и ценностных ориентаций на такой значимый элемент человеческого капитала, каким являются образование, включая профессиональное. В условиях арктических регионов особое значение в этих процессах, как нами показано ранее [7, 16], имеют факторы, внешние по отношению к индивидам, их группам и той культурной среде, в которой они социализировались, создаваемые и поддерживаемые рыночной конъюнктурой, социальной инфраструктурой и институциональными форматами, особенностями пространственного мейнстрима, другими параметрами политико-экономической системы.

Заключение

Проведенные по репрезентативным выборкам массовые опросы населения малых городов АЗ РФ позволили выявить наиболее эффективные направления формирования и развития человеческого капитала в этого типа поселениях. Сформированный информационно-аналитический банк может быть использован для создания мониторинговых механизмов в реальной системе управления развитием регионов и муниципальных образований Российской Арктики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горшков М. К. Социология в регионах и социология для регионов / М. К. Горшков // Социологическое обеспечение стратегического управления развитием регионов и муниципальных образований России. Москва: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 5–8.

2. Задорожнюк И. Е. Человеческий капитал и роль образования в его наращивании (часть первая) / И. Е. Задорожнюк, В. А. Юдашкин // Социология образования. 2015. № 12. С. 15–35.
3. Задорожнюк И. Е. Человеческий капитал и роль образования в его наращивании (часть вторая) / И. Е. Задорожнюк, В. А. Юдашкин // Социология образования. 2016. № 1. С. 19–42.
4. Замятина Н. Ю. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов. Москва: Ленанд, 2018. 395 с.
5. Малые города в социальном пространстве России / Отв. ред. В. В. Маркин, М. Ф. Черныш. Москва: ФНИСЦ РАН, 2019. 545 с.
6. Маркин В. В. Малые города России: комплексный мониторинг развития / В. В. Маркин, М. Л. Малышев, Д. Ю. Землянский // Мониторинг правоприменения. Ч. 1. 2019. № 4 (33). С. 46–54; Ч. 2. 2020. № 1 (34). С. 61–74.
7. Маркин В. В. Человеческий капитал регионов Российской Арктики: социологические очерки / В. В. Маркин, А. Н. Силин. Вологда: Вологодский Научный Центр РАН, 2021. 340 с.
8. Пилясов А. Н. Оспаривая очевидное: арктические города / А. Н. Пилясов, Е. С. Путилова // Городские исследования и практики. 2020. Том 5. № 1. С. 9–32.
9. Программа развития малых городов и районов России // Институт демографии, миграции и регионального развития. URL: <http://www.idmtz.ru/00746.html> (дата обращения: 15.02.2020).
10. Ромашкина Г. Ф. Изучение человеческого капитала: опыт эмпирической проверки комплексного инструментария / Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, М. В. Худякова, И. Ф. Печеркина // Siberian Socium. 2020. Том 4. № 3 (13). С. 8–32. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-3-8-32
11. Ромашкина Г. Ф. Модификация методологии расчета индекса человеческого капитала Всемирного Банка для регионов России / Г. Ф. Ромашкина, К. В. Андрианов // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 1 (19). С. 18–32. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-18-32
12. Ромашкина Г. Ф. Взаимовлияние компонентов человеческого, социального и психологического капиталов (на примере Тюменской области) / Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 33–43. DOI: 10.31857/S013216250 017012-6
13. Силин А. Н. Вахтовый труд как социальный феномен: место в пространственном развитии регионов и проблемы нормативно-правового регулирования / А. Н. Силин, В. А. Юдашкин // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2020. Том 6. № 4 (24). С. 95–109.
14. Силин А. Н. Инновационные технологии социально-экономической интеграции Тюменской области как фактор повышения уровня и качества жизни населения / А. Н. Силин, В. А. Юдашкин // Регионоведение. 2011. № 3. С. 54–63.
15. Силин А. Н. Современное состояние и стратегии развития малых городов Российской Арктики / А. Н. Силин, В. А. Юдашкин // Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики. Москва: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 340–359.
16. Человеческий капитал арктических регионов: системные проблемы и технологии их решения / Под ред. А. Н. Силина, В. В. Маркина. Тюмень: ТИУ, 2020. 180 с.
17. Laruelle M. The three waves of Arctic urbanization: Drivers, evolutions, prospects / M. Laruelle // Polar Record. 2019. № 55. Pp. 1–12.

Anatoly N. SILIN¹

Valentin A. YUDASHKIN²

UDC 316.33:331

**FORMATION AND DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL OF SMALL TOWNS IN THE ARCTIC
IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION**

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Chief Researcher of the Tyumen Industrial University;
Chief Researcher, West Siberian Branch of the Federal Scientific Research Center
of the Russian Academy of Sciences (Tyumen)
sm-2004@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-3331-165X

² Cand. Sci. (Soc.),
Leading Researcher, West Siberian Branch of the Federal Scientific Research Center
of the Russian Academy of Sciences (Tyumen);
Associate Professor, Tyumen State University
wayu@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3484-8467

Abstract

The article discusses the features of the formation and functioning of human capital based on the materials of sociological studies conducted by the authors in small towns of the Russian Arctic. Traditional sociological tools were used: mass surveys, focus groups, an in-depth survey of experts according to the developed author's methods. As an opposition to the development of Arctic small towns, shift camps are considered, the functioning of which is currently complicated due to the pandemic and sanctions. The paper presents a comparative analysis of the situation associated with the formation of human capital in the aggregate of its three components (health capital, educational and professional capital, cultural capital) in three regions of the Arctic zone of the Russian Federation (RF AZ): its European sector (the study was conducted in the Arkhangelsk region), West Siberian (Yamal-

---

Citation: Silin A. N., Yudashkin V. A. 2022. "Formation and development of human capital of small towns in the Arctic in the sociological dimension". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 2 (30), pp. 67–80.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-67-80

Nenets Autonomous Okrug) and East Siberian (Chukotka Autonomous Okrug). Judging by experts' assessments, the least favorable situation for the preservation and enhancement of human capital is developing in the territories of the European sector of the RF AZ, the most favorable situation is in Yamal.

Keywords

Human capital, Arctic, small towns, shift camp, sociological dimension.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-67-80

REFERENCES

1. Gorshkov M. K. 2021. "Sociology in the regions and sociology for the regions". Sociological provision of strategic management of the development of regions and municipalities in Russia. Moscow: FNISC RAS. Pp. 5–8. [In Russian]
2. Zadorozhnyuk I. E., Yudashkin V. A. 2015. "Human capital and the role of education in its growth (part one)". *Sociology of Education*, no. 12, pp. 15–35. [In Russian]
3. Zadorozhnyuk I. E., Yudashkin V. A. 2016. "Human capital and the role of education in its growth (part two)". *Sociology of Education*, no. 1, pp. 19–42. [In Russian]
4. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. 2018. *Russian Arctic: towards a new understanding of development processes*. Moscow: Lenand. 395 p. [In Russian]
5. Markin V. V., Chernysh M. F. (ed.). 2019. *Small towns in the social space of Russia*. Moscow: FNISC RAS. 545 p. [In Russian]
6. Markin V. V., Malyshev M. L., Zemlyansky D. Yu. 2019–2020. "Small cities of Russia: integrated monitoring of development". *Law enforcement monitoring*. Part 1, no. 4 (33), pp. 46–54; part 2, no. 1 (34), pp. 61–74. [In Russian]
7. Markin V. V., Silin. A. N. 2021. *Human capital of the regions of the Russian Arctic: sociological essays*. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 340 p. [In Russian]
8. Pilyasov A. N., Putilova E. S. 2020. "Challenging the obvious: Arctic cities". *Urban Research and Practice*, vol. 5, no. 1, pp. 9–32. [In Russian]
9. Program for the development of small towns and regions of Russia // Institute of demography, migration and regional development. Accessed on 15 February 2020. <http://www.idmtz.ru/00746.html> [In Russian]
10. Romashkina G. F., Davydenko V. A., Andrianova E. V., Khudyakova M. V., Percherkina I. F. 2020. "Studying human capital: an experience of empirical testing of complex tools". *Siberian Socium*, vol. 4, no. 3 (13), pp. 8–32. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-3-8-32 [In Russian]
11. Romashkina G. F., Andrianov K. V. 2022. "Modification of the methodology for calculating the human capital index of the World Bank for Russian regions". *Siberian Socium*, vol. 6, no. 1 (19), pp. 18–32. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-1-18-32 [In Russian]
12. Romashkina G. F., Davydenko V. A., Andrianova E. V. 2022. "Mutual influence of the components of human, social and psychological capital (on the example of the Tyumen

- region)”. Sociological research, no. 4, pp. 33–43. DOI: 10.31857/S013216250 017012-6 [In Russian]
13. Silin A. N., Yudashkin V. A. 2020. “Shift work as a social phenomenon: place in the spatial development of regions and problems of legal regulation”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, no. 4 (24), vol. 6, pp. 95–109. [In Russian]
  14. Silin A. N., Yudashkin V. A. 2011. “Innovative technologies of socio-economic integration of the Tyumen region as a factor in improving the level and quality of life of the population”. Regionology, no. 3, pp. 54–63. [In Russian]
  15. Silin A. N., Yudashkin V. A. 2020. “Current state and development strategies of small towns in the Russian Arctic”. Spatial development of small towns: social strategies and practices. Moscow: FNISC RAS. Pp. 340–359. [In Russian]
  16. Silina A. N., Markina V. V. (ed.). 2020. Human capital of the Arctic regions: systemic problems and technologies for their solution. Tyumen: Tyumen Industrial University. 180 p. [In Russian]
  17. Laruelle M. 2019. “The three waves of Arctic urbanization: Drivers, evolutions, prospects”. Polar Record, no. 55, pp. 1–12.

Мария Владимировна БАТЫРЕВА¹
Дарья Юрьевна АГАФОНОВА²

УДК 316.4

ЭКОНОМИКА СОВМЕСТНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ*

¹ кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и экономической социологии, Тюменский государственный университет
m.v.batyreva@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6588-5469

² студентка магистратуры,
Тюменский государственный университет
dashaagafonova744@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена комплексному изучению новой социально-экономической модели — экономике совместного потребления, которая получила глобальное распространение за счет цифровой трансформации бизнеса и активной интеграции информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь человека. Интерес к проблематике совместного потребления обусловлен стремительным развитием цифровых сервисов для обмена благами, ростом количества участников и экономических секторов, задействованных в экономике совместного потребления. Методологический подход этого исследования включает в себя обзор зарубежной и отечественной литературы, посвященной совместному потреблению, с акцентом на эмпирические данные. Реализовано кейс-стади зарубежных практик совместного потребления в сельской местности.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 20-011-00087 «Институциональные факторы и формы развития сельских территорий»).

Цитирование: Батырева М. В. Экономика совместного потребления как социально-экономическая модель / М. В. Батырева, Д. Ю. Агафонова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 81–105.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-81-105

В исследуемой проблематике центральными становятся вопросы сущности и основания экономики совместного потребления, а также условий ее развития. Выявлены подходы российских и зарубежных авторов к определению экономики совместного потребления. Попытка систематизации понятийного аппарата модели совместного потребления позволяет выделить основные ее характеристики: одноранговое взаимодействие, временный доступ к недоиспользованным активам, посредничество экономических агентов через онлайн-платформы.

Обзор эмпирических данных позволил сделать вывод, что социально-экономическая модель совместного потребления развивается в России активными темпами. Экономика совместного потребления в общем объеме транзакций в течение двух лет показала положительные темпы роста. Лидирующими сегментами являются C2C-продажи, P2P-услуги и каршеринг.

На основании анализа зарубежных кейсов найдены эмпирические доказательства роли экономики совместного потребления в инновационном развитии сельских районов. Применение логики совместной экономики в уникальных условиях развития сельских районов может развивать сельский туризм и помочь в преодолении финансовых ограничений, с которыми сталкиваются фермеры при доступе к дорогостоящему сельскохозяйственному оборудованию.

Ключевые слова

Экономика совместного потребления, совместное потребление, цифровизация, онлайн-платформы.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-81-105

Введение

В рамках Индустрии 4.0 сегодня наблюдается процесс диджитализации, характеризующийся полным проникновением Интернета и внедрением информационно-коммуникационных технологий во все сферы человеческой жизни и промышленности. Диджитализация меняет не только бизнес-процессы компаний, но и поведение потребителей.

Наряду с этим в рамках концепции совместного потребления происходит переход от традиционной модели «фирма-потребитель» к совместному потреблению благ на основе цифровых сервисов, где главными участниками становятся непосредственно сами потребители. Посредством использования интернет-технологий потребители совершают экономическое действие. Цифровые площадки позволяют организовывать «consumer-to-consumer» (C2C) взаимодействие с целью бартера и аренды, совместного использования активов. В связи с данным обстоятельством изучение цифровой трансформации бизнеса, включая экономику совместного потребления, становится все более актуальным как для академических исследований, так и для практики.

Особое научно-теоретическое значение для анализа экономики совместного потребления имеет то, что цифровая трансформация бизнеса повлекла за собой снижение транзакционных издержек, повышение доступности сервисов для более широкого круга экономических агентов, вследствие чего появилась возможность обмениваться товарами и услугами без посредников, что значительно изменило структуру экономики. Можно говорить о том, что сформировалась новая культура потребления — люди предпочитают не владеть товарами, а получить их во временное пользование. Стремительное развитие цифровых сервисов для обмена благами, все большее количество участников и экономических секторов, задействованных в экономике совместного потребления, во многом подтверждают валидность данного вывода.

Тема экономики совместного потребления является актуальной, она породила множество важных социологических вопросов о доверии между незнакомцами, социальном неравенстве и его связи с традиционной капиталистической экономикой. Несмотря на имеющуюся научную литературу до сих пор нет согласия относительно того, как определять и измерять экономику совместного потребления, и нет консенсуса относительно того, является ли экономика совместного потребления частью или альтернативой традиционной капиталистической парадигме. Данное обстоятельство подтверждает наличие дискурса. Повторяющаяся тема в дискуссиях об экономике совместного потребления заключается в том, что она ускорила внедрение рыночных отношений в ранее немонетизированные сферы социальной жизни. Повседневные практики, такие как вождение личного автомобиля, содержание дома, преобразуются в меновые ценности или механизмы получения дохода. Эта линия критики утверждает, что платформы совместного потребления вписывают коммерческую логику в повседневную жизнь [22]. В этом смысле платформы совместного потребления вынуждают поставщиков участвовать в конкурентных маркетинговых практиках, использовать методы управления брендом, которыми ранее пользовались только корпорации, и технологии рейтингов, которые стирают грань между частной или нерыночной жизнью и публичным миром коммерческой деятельности. Показательным примером является коммерческая трансформация хакатонов (форум для разработчиков, во время которого специалисты из разных областей разработки программного обеспечения сообща решают какой-либо кейс), платформа теперь предоставляет корпорациям спонсорские возможности (реклама), которые приглашают пользователей соревноваться за внимание и денежные вознаграждения [32]. Имеются основания полагать, что платформы совместного потребления постепенно корректируют свою идентичность в соответствии с тенденцией маркетинга.

Описанному выше критическому взгляду противоречат научные изыскания ранних исследователей экономики совместного потребления, которые видели в этой концепции стремление превзойти традиционные рыночные принципы и создать эгалитарную, общинную и устойчивую альтернативу капитализму. Подтверждают тезис об экономике совместного потребления как альтернативы

капитализму исследования, в которых основное внимание уделяется взглядам самих участников потребления. Респонденты в исследовании С. Фитцмориса (С. Fitzmaurice) рассматривали свою деятельность как альтернативу корпоративному рынку, а не как его продолжение [17]. Участники совместного потребления исходят из социальных устремлений, а не коммерческих. Исследование хозяев недвижимости Airbnb и каучсерфинга показало, что даже если изначально они мотивированы стремлением к доходу, они все больше начинают ценить общность, стремление оказать помощь другому. Однако эти исследования могут быть результатом того, что П. Бурдьё (P. Bourdieu) назвал искренней фикцией бескорыстного обмена.

В риторике посткапитализма обсуждается угроза, которую представляет для традиционного капитализма цифровая революция. Диджитализация может изменить или уже изменила привычные представления о труде, производстве и потреблении, а также дезорганизовать экономику, основанную на рыночных принципах и частной собственности. Посткапитализм станет возможным благодаря трем показателям, вызванным информационными изменениями: снижению потребности в работе за счет автоматизации рабочих процессов, избытию доступной информации и росту совместного потребления и использования [24].

Описанный дискурс позволяет сделать вывод: признавая экономику совместного потребления в качестве прообраза альтернативной формы экономической практики неолиберальному капитализму, стоит учитывать, что рост гигантских «совместных» фирм поставил под сомнение статус его утопической риторики. Концепция совместного потребления, которая табулировала создание большей инклюзивности и идеала, основанного на взаимности, противоречит доказательствам, демонстрирующим его тенденцию к повторному описанию социального неравенства с помощью цифровых средств. Эти соображения бросают вызов стремлениям, которые с самого начала определяли экономику совместного потребления.

«Sharing economy» приводит к трансформации социальных процессов: сетевизации общественных отношений, все большему распространению информационных технологий. Социальные сети позволяют людям, которые ранее были незнакомы, обмениваться ресурсами и информацией между собой на сервисах совместного потребления. При этом, основой дискурса обмена информацией является то, что он создает прочные социальные связи между незнакомыми людьми в социальных сетях. П. Париги (P. Parigi) и Б. Стейт (B.State) для своего исследования использовали уникальную особенность данных платформы, подробную информацию о взаимодействиях внутри сети, в том числе о том, знали ли люди друг друга раньше, об их уровне доверия и силе их связей. Исследование показало, что каучсерферы, которые познакомились через платформу совместного потребления, стали друзьями. Следовательно, социальные сети расширяют не только количественный размер, но и качественный характер одноранговых обменов экономики совместного потребления [26].

В исследуемой проблематике центральными становятся вопросы сущности и основания экономики совместного потребления, а также условий ее развития. В этой связи в статье рассмотрен эмпирический опыт исследования «sharing economy» в России, которая достигла значительных успехов в реализации рассматриваемой экономической концепции. Прослеживается устойчивая тенденция роста развития шеринговой экономики — как в абсолютном, так и в относительном выражении. Цель статьи состоит в том, чтобы обобщить теоретический и эмпирический опыт изучения концепции совместного потребления зарубежными и отечественными исследователями, а также проанализировать распространенность этой социально-экономической модели на основе анализа статистических данных и с применением метода кейс-стади.

Методы

Настоящая статья реализована на основе принципов системного анализа, что позволило изучить различные методологические подходы к определению «экономика совместного потребления», используемые в мировой научной литературе, а также выявить природу и условия функционирования этой экономической модели. Методологический подход этого исследования включает в себя обзор зарубежной и отечественной литературы, посвященной совместному потреблению, с акцентом на эмпирические данные. Реализовано кейс-стади зарубежных практик совместного потребления в сельской местности. Базой данной статьи стал широкий перечень зарубежных и российских научных публикаций и эмпирические исследования по заявленной тематике (РАЭК), статистические данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и официальные сайты бизнес-моделей «Sumin Shared Farm Company», «Gold Farm», «EM3 Agri Services».

В научных публикациях предпринимаются попытки описания и научного осмысления дефиниции «sharing economy». Как в зарубежной, так и в отечественной литературе можно наблюдать терминологическую неясность. При описании экономической модели употребляется ряд терминов: совместное потребление (collaborative consumption), равноправная/одноранговая экономика (peer economy), экономика сотрудничества или калька коллаборативная экономика (collaborative economy). С точки зрения содержания дефиниций существует структурное единство их интерпретации, оно включает в себя обозначение одноранговых обменов, передачи временного доступа активов и совместного пользования. Термины часто используются взаимозаменяемо, искажаются в соответствии с различными целями, несмотря на общую смысловую базу, существуют явные различия в сущности определений. Данное обстоятельство подчеркивает необходимость уточнения определения, поскольку отсутствие синонимичности приведенных выше дефиниций не позволяет использовать их в равной степени.

Систематическое изложение обозначенной проблемы предпринято в работе Е. Авдокушина и Е. Кузнецовой. Авторы выдвигают тезис: «sharing economy» состоит из экономики совместного пользования и экономики совместного использования. Принципиальное различие этих двух моделей, как указывает Е. А. Авдокушин, состоит в следующем: экономика совместного пользования — это сегмент «consumer-to-consumer» и «consumer-to-business», действующий в рамках обмена, дарения, бартера и совместного пользования благами на возмездной и безвозмездной основе; экономика совместного использования — это сегмент «business-to-business» и «business-to-consumer», где происходит обмен товарами и услугами, с целью получения прибыли [1, с. 8]. Р. Ботсман (R. Botsman) видит основание пояснить термины, поскольку они часто используются для описания широкого круга стартапов и моделей, которые каким-то образом используют цифровые технологии для непосредственного сопоставления поставщиков услуг и товаров с клиентами, минуя традиционных посредников. Так, экономика совместного потребления — это экономическая модель, основанная на совместном потреблении, обмене или аренде продуктов и услуг, обеспечивающая доступ через собственность. Она имеет три различные системы: рынки перераспределения нежелательных или недостаточно используемых активов, совместный образ жизни: непроизводственные активы, такие как пространство, навыки и деньги, обмениваются и торгуются новыми способами, системы обслуживания продуктов: доступ к преимуществам продукта на необходимое время. Экономика совместного использования — это экономическая модель, основанная на совместном использовании недоиспользуемых активов от пространств до навыков, чтобы получить денежные или не денежные выгоды [13]. В данной статье изучается экономика совместного потребления. Выбор этого термина для обозначения модели обусловлен наибольшей частотой использования в научной и деловой литературе.

Привлекает внимание в аспекте проблематики нашего исследования работа Р. Ботсмана (R. Botsman) и Р. Роджерса (R. Rogers) «What's mine is yours: the rise of collaborative consumption». Авторы определяют экономику совместного пользования как «совместное использование, бартер, предоставление займы, обмен, аренду, дарение и переосмысление обмена через технологии и одноранговые сообщества» [14, с. 227]. Данная экономическая модель позволяет получить доступ к собственности, не обладая ей. Авторы для обоснования своей позиции о совместном потреблении используют в качестве примера дрель, которая является недоиспользуемым активом, так как для потребителя необходим не факт обладания этим активом, а результат его использования. В качестве подтверждения этого тезиса авторы пишут: «то, что необходимо — это отверстие, а не дрель» [14, с. 118]. Заслуживают быть отмеченным виды совместного потребления, выделенные авторами. Всего авторы выделяют три вида совместного потребления: передача товаров во временное пользование; рынки подержанной продукции; совместный образ

жизни. Первый — это сети распределения, где недоиспользованные активы предоставляют на определенное время в распоряжение потребителей, для которых такая услуга в виде аренды, обмена или бартера предпочтительней покупки актива. В дальнейшем эта мысль получила свое развитие в работе К. Лейсмана (K. Leismann) и соавторов «Collaborative consumption: towards a resource-saving consumption culture», где описывается ситуация использования актива вместо его приобретения как одной из характеристик экономики доступа [22]. Совместный образ жизни объясняется как совместное использование нематериальных ресурсов.

Развивая концепцию совместного потребления как сети распределения, К. Френкен (K. Frenken) и соавторы дают определение «sharing economy» как системы, в которой потребители предоставляют друг другу временный доступ к недоиспользуемым физическим активам, на возмездной или безвозмездной основе [18]. Исключительную ценность новой социально-экономической модели совместного потребления авторы теоретизируют как распределение полезности между собственником актива и потребителем, нуждающимся в этом активе, в определенное время и за счет разумных финансовых затрат.

Акт совместного использования не является чем-то новым, системы обмена и совместный образ жизни имеют долгую историю [10]. Однако только в последние несколько лет вокруг термина «экономика совместного потребления» развернулась интенсивная дискуссия о совместном использовании и экономическом сотрудничестве. Отчасти это связано с тем фактом, что, хотя совместное потребление существует уже очень давно, цифровые платформы и другие крупномасштабные посреднические технологии появились недавно. В некоторых научных обсуждениях цифровизация совместного потребления, которая изменила его принцип обмена, называется «алгоритмом», «платформой», «технологией». Переосмысление концепции «sharing economy» можно найти в новых работах Дж. Хамари (J. Hamari) и Р. Ботсман (R. Botsman) [13, 20]. При определении экономики совместного потребления главную роль играет ее цифровой характер: координация и взаимодействие происходит через общие онлайн-платформы, которые специализируются на совмещении спроса и предложения на специфических рынках, обеспечивая куплю-продажу и аренду между потребителями. Р. Боцман описывает формирующийся «space» (пространство) шеринговой экономики в цифровой среде [13]. Автор включает в это пространство совместное потребление, совместное использование и равноправную экономику. Совместную экономику (sharing economy) автор определяет как систему, построенную на распределенных сетях, которая преобразует то, как мы можем производить, потреблять, финансировать и учиться. Он состоит из четырех ключевых компонентов: проектирование, производство и распространение товаров через сети сотрудничества; потребление активов за счет эффективных моделей перераспределения и совместного

доступа; финансирование; открытое образование и модели индивидуального обучения, которые демократизируют образование. Равноправная экономика представлена индивидуальными торговыми площадками, которые облегчают обмен активами и прямую торговлю ими, основанную на доверии коллег (P2P-сегмент экономики). Существование пространства «sharing economy» обеспечивается за счет информационно-коммуникационных технологий. Аренда, обмен, бартер осуществляется в объемах, немыслимых до появления сети Интернет.

Три фактора составляют всеобъемлющее определение экономики совместного потребления: избыточный потенциал ресурсов, крупные децентрализованные цифровые сети и доверие между незнакомыми людьми.

Итак, на основе теоретического анализа, можно заключить, что экономика совместного потребления — это система экономических отношений по поводу временного использования активов за счет эффективных моделей перераспределения и совместного доступа, координируемая онлайн-сервисами и цифровыми коммуникативными технологиями. Предлагаемое определение объединяет различные характеристики экономики совместного потребления.

Для более полной характеристики рассматриваемого вопроса были изучены условия функционирования экономики совместного потребления. Цитируемые ранее авторы Р. Ботсман и Р. Роджерс определяют четыре условия, необходимых для устойчивой работы экономической модели: общность интересов, наличие неиспользуемых ресурсов, доверие и критическая масса пользователей [14].

Во-первых, система экономики совместного потребления основана на том, что участники со схожими потребностями и интересами объединяются для обмена, бартера, временного пользования материальными и нематериальными ресурсами. Мотивацией для участия в экономике совместного пользования является экономическая составляющая для всех участников экономического обмена. Сети распределения (онлайн-площадки) с одной стороны обеспечивают ценность для потребителей: значительная экономия от временного пользования благом, чем его приобретение в собственность, с другой стороны, создают новые возможности для получения дохода от передачи актива в пользование. Вторая составляющая мотивации заключается в снижении воздействия на окружающую среду. Совместное использование пространства, товара, услуги менее ресурсоемко. При изучении домохозяйств, которые использовали каршеринг, обнаружилось, что эта практика оказала значительное позитивное влияние на выбросы парниковых газов [23, с. 1077]. В качестве социальных и духовных мотиваторов могут выступать: интенсификация и развитие социальных контактов. Участники, задействованные в экономике совместного потребления, расширяют свои социальные связи. В исследовании Джульет Б. Шор (Juliet B. Schor) и Коннора Дж. Фитцморис (Connor J. Fitzmaurice), посвященном изучению сотрудничества и взаимосвязи как буферам для возникновения экономики совместного пользования, авторы при изучении онлайн-платформы для размещения и поиска

аренды недвижимости «Airbnb», пришли к заключению, что для хозяев недвижимости главным мотивом выступило социальное взаимодействие: знакомство, совместный досуг, установка долгосрочных дружеских отношений [17]. Исследования мотивов потребителей последовательно показывают, что для коммерческих услуг в экономике совместного потребления экономическая ценность составляет важный драйвер. Это относится ко всему спектру товаров и услуг, включая каршеринг и проживание. В исследовании [25] были опрошены пользователи сервиса совместного использования автомобилей «Car2go» и пользователи онлайн-рынка краткосрочной аренды жилья «Airbnb». Результаты показывают, что удовлетворенность и вероятность повторного выбора варианта совместного использования в основном объясняются детерминантами личной финансовой выгоды пользователей. Полезность, экономия средств и знакомство были признаны важными в обоих исследованиях [25, с.198].

Во-вторых, под наличием неиспользуемых ресурсов в данном контексте следует понимать недозагруженность активов, приобретенных для каких-либо целей. Экономическая целесообразность объясняется тем, что совместное пользование недоиспользованными активами связано с более низкими экономическими издержками, чем владение подобными активами. Так, «Uber», крупнейшая в мире компания такси, не владеет транспортными средствами, «Airbnb», крупнейший в мире поставщик жилья, не владеет недвижимостью. Появился новый тип организаций, они являются владельцами фасилитатора или веб-интерфейса, соединяя потребителей с владельцем ресурса, кто хочет им поделиться. К. Френкен (K. Frenken) при описании экономики совместного потребления фокусируется на «неиспользуемых активах», ядре первоначальной концепции совместного потребления, и ограничивает «совместное использование» случаями, когда «потребители предоставляют друг другу временный доступ к недостаточно используемым физическим активам, возможно, за деньги» [18]. Автор вводит понятие «idle capacity» (неиспользуемые мощности) физического актива, подразумевается способность товара к использованию между владельцем и другими потребителями, как только владелец товара предоставляет «равный» доступ к активу.

В-третьих, доверие и репутационный капитал являются принципиально важными факторами для функционирования экономики совместного потребления. Согласно Р. Ботсман (R. Botsman), фактор доверия на цифровых платформах станет валютой новой шеринг-экономики: «репутационный капитал создает огромные позитивные изменения в том, кто обладает властью, влиянием и доверием» [14, с. 153]. В данном обстоятельстве целесообразно упомянуть экономическую теорию «принципал-агент» для объяснения асимметричности информации на онлайн-платформах. Доверие к онлайн-сервису зависит от степени асимметрии информации между участниками. Для преодоления вышеупомянутой проблемы — снижения асимметрии информации и оппортунизма — предлагаются разные механизмы. Среди используемых механизмов на онлайн-площадках совместного потребления можно выделить: идентификация и фильтрация пользователей, обеспечение финансовых гарантий (страхование), институт

онлайн-репутации, система обратной связи. Скрининг и верификация пользователей предполагает онлайн-подтверждение личных документов и проверку других данных участников. Касательно страхования, платформы берут на себя ответственность за финансовые гарантии для всех сторон, например, система депонирования (эскроу), при которой оплата удерживается платформой до подтверждения о получении заказа пользователем.

Онлайн-репутация сервисов существует за счет скоринга и обмена информацией между пользователями (отзывы). Все названные механизмы объединяет одна идея — минимизации риска для всех сторон. Вопросы доверия и института репутации в экономике совместного потребления стали центральными в научной литературе по социологии и психологии. Работа К. Биккиери (С. Vicchieri) и соавторов «Trust among strangers» наиболее полно отражает специфику доверия среди незнакомцев. Авторы концептуализируют доверие среди незнакомых друг другу людей как «склонность участвовать в социальных обменах, которые наделены неопределенностью и уязвимостью, но потенциально полезны» [12, с. 290].

В-четвертых, для привлечения поставщиков должна быть критическая масса спроса, чтобы оправдать усилия по предоставлению ресурсов. Необходимый уровень критической массы становится возможным благодаря крупным децентрализованным цифровым сетям, примером которых являются социальные сети, позволяющие соотнести доступное предложение со спросом. Согласно Р. Ботцман и Р. Роджерс, критическая масса пользователей также необходима для «социального» доказательства [15].

Результаты исследования и их обсуждение

Социально-экономическая модель совместного потребления развивается в России активными темпами. Исследования показывают значимую динамику и рост секторов экономики совместного потребления. Однако можно наблюдать отставание экономики совместного потребления в России от других стран, поскольку в нашей стране данная социально-экономическая модель находится на начальной стадии развития. Согласно глобальному индексу экономики совместного потребления «Timbro Sharing Economy Index», по данным на 2018 г. Российская Федерация находилась в середине рейтинга, занимая 105-е место [11].

Среди базовых факторов развития сервисов экономики совместного потребления, согласно Ч. Дегриз (Ch. Degryse), можно выделить: уровень проникновения Интернета, развитость онлайн-платежей, мобильных устройств, приложений к ним и анализ больших данных (Big Data) [15]. Россия характеризуется относительно высоким уровнем интернет-пенетрации (проникновения сети Интернет). Учитывая обобщенные данные, РФ по нескольким индикаторам цифрового благополучия занимает передовые позиции: в десятке стран по степени вовлеченности населения в цифровую экономику, лидер по развитости банковской системы и по объему операций с использованием цифровых кошельков среди стран Европы. По данным Росстата на 2019 г., 76,9% домохозяйств

имели доступ к Интернету. Согласно опросу, 40% населения России готовы к использованию дистанционных финансовых сервисов, 79% населения обладают цифровыми навыками [2].

Опыт России в становлении экономики совместного потребления является уникальным, поскольку в основном обеспечивается за счет цифровой трансформации бизнеса. Высокий уровень проникновения Интернета, развитость технологий стали ключевыми факторами для развития экономики совместного потребления. Становление новой социально-экономической модели происходит, по оценкам исследователей, без влияния других благоприятных институциональных условий. В России отсутствует нормативно-правовая база регулирования секторов экономики совместного потребления, низкий уровень доверия и социального капитала. Вместе с тем следует подчеркнуть, что доверие является важным условием формирования экономики совместного потребления: чем шире диапазон доверия, тем ниже транзакционные издержки, которые в свою очередь являются ключевым фактором востребованности сервисов шеринг-экономики.

Всего в экономике совместного потребления в России выделяют шесть основных секторов: С2С-продажи, транспорт (каршеринг, карпулинг, райдшеринг), краткосрочная аренда помещений, краудфандинг, P2P-услуги, онлайн-биржи труда (фриланс). По данным исследования «Экономика совместного потребления в России 2020. Испытание на прочность», объем транзакций в совокупности по всем секторам экономики совместного потребления составил около 1,07 трлн руб. При этом годовой рост составил 39% [7].

Для анализа «sharing economy» в России необходимо выявить некоторые тенденции его развития. За анализируемые 4 года (2017–2020 гг.) объем «sharing economy» в России увеличился в 2,7 раза. Прослеживается устойчивая тенденция роста развития шеринговой экономики — как в абсолютном, так и в относительном выражении — в процентах от ВВП. Так, объем транзакции в 2017 г. составил 392 млрд руб., в 2018 г. рынок вырос на 30%, в 2019 г. по сравнению с предыдущим на 50%, в 2020 г. объем транзакций превысил 1 070 млрд руб. [7]. Основываясь на данных Федеральной государственной статистики РФ, можно рассчитать долю «sharing economy» в процентах от ВВП. Так, в 2017 г. процент шеринговой экономики от ВВП составил 0,43%, далее наблюдается устойчивая тенденция роста в относительном выражении, в 2020 г. процент составил 1,00.

Более подробно обратимся к данным исследования «Экономика совместного потребления в России 2020. Испытание на прочность», по объему транзакций в разрезе секторов экономики совместного потребления в России с 2019 по 2020 гг. можно наблюдать разную динамику. Сектор С2С занимает преобладающую долю в разрезе секторов экономики совместного потребления, около 73%. За год сектор С2С-продаж показал рост на 48%, по оценкам экспертов, объем транзакции составил 838 млрд руб. за 2020 г. [5]. Платформы С2С коммерции представлены в России в основном такими компаниями, как «Avito», «Юла»

и объявлениями в социальных сетях «ВКонтакте» и «Instagram». Портрет типичного покупателя на российских шеринг-платформах: женщина (53%), в возрасте от 18 до 39 лет, с доходом, превышающим средний, покупки C2C происходят нерегулярно [6, с.12].

Онлайн-биржа фриланса, действующая в сегменте P2P-услуг, занимает около 18% от объема транзакций [6]. В 2020 г. сектор показал положительную динамику (31%) по сравнению с предыдущим годом, общий объем транзакций составил 183 млрд руб. Ключевыми площадками для поиска и размещения заказов являются «Youdo», «Профи».

Следующий сектор экономики совместного потребления — транспорт. Под общим названием транспорт имеются в виду: каршеринг, карпулинг, средства индивидуальной мобильности. Сектор занимает 5% в отраслевой структуре шеринг-экономики. Объем транзакций онлайн-сервисов транспорта составил 34,4 млрд руб. При этом разительно отличается динамика: сервис каршеринга увеличился на 9%, средства индивидуальной мобильности — 35%, а карпулинг упал на значительные 36% [7]. Основой каршеринга — краткосрочной аренды автомобилей — являются «Яндекс Драйв», «Делимобиль» операторы. Поиск попутчиков для совместного использования частного автомобиля (карпулинг) происходит с помощью онлайн-сервиса «BlaBlaCar». Среди сервисов для поминутной аренды электросамокатов и велосипедов в России можно выделить «Whoosh» и «Urent». Важно отметить, что Россия среди стран Европы является крупнейшим лидером рынка карпулинга, с количеством пользователей сервиса, превышающим 16 млн человек.

Незначительные объемы роста показал рынок краудфандинга: в 2020 г. объем средств через совместное финансирование увеличился приблизительно на 5%. В России краудфандинговые платформы для привлечения финансирования в проекты, представлены в основном интернет-сервисами «Boomstarter» и «Planeta.ru». Среди сегментов шеринг-экономики отрицательную динамику показали краткосрочная аренда жилых помещений (48%) и офисшеринг (28%) [7].

Многочисленные исследования таких авторов, как А. Г. Андрей, А. Зайт, С. Дж. Барнес, Дж. Мэттсон (А. G. Andrei, A. Zait [8], S. J. Barnes, J. Mattsson [9]), показывают, что определяющее влияние на развитие экономики совместного потребления оказывают следующие обобщенные факторы: социально-технические, экономические, политические и личностные. Целесообразно проанализировать влияние данных факторов, которые могут стимулировать или сдерживать развитие экономики совместного потребления в России. Среди внешних факторов, благоприятно влияющих на социально-экономическую модель, можно выделить ориентированность на устойчивое развитие, развитие технологий, экономическая мотивация. Одна из целей устойчивого развития России — обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства, реализация данного перехода во многом обеспечивается за счет экономики совместного потребления. Экономическая мотивация заключается в экономии средств. По данным рейтинга уровня жизни, оцененного через валовой национальный доход на душу населения, по паритету покупательной

способности Россия занимает 51 место [30]. Соответственно, низкий уровень дохода вызывает потребность в экономии денежных средств и дополнительном доходе. За счет этого факта формируется спрос на рынке экономики совместного потребления.

Сдерживающим фактором является доступность сервисов: рынок экономики совместного потребления в основном развит в городах-миллионниках, например, рынок каршеринга на 84,6% реализуется в Москве, в периферийных регионах России наблюдается отставание [4]. Личностные факторы определяют условия, в которых функционируют потребители в модели экономики совместного потребления. Согласно данным факторного анализа в исследовании В. А. Ребязиной и соавторов, можно выделить ключевые барьеры участия в экономике совместного потребления среди населения России. Прежде всего, это воспринимаемый риск, боязнь мошенничества, стремление иметь собственность, беспокойство гигиеническими вопросами [4].

*Роль экономики совместного потребления
для инновационного развития сельских районов*

Совместное потребление стало распространенной тенденцией в городских районах во всем мире и в России, в частности. Как показал анализ, подавляющее большинство текущих операций по совместному потреблению происходит в городских районах из-за высокой плотности населения и проникновения сети Интернет. Однако некоторые исследования показывают, что сельские районы обладают потенциалом и являются прибыльными местами для операций совместного потребления. Шеринговая экономика в сельской местности может рассматриваться как способ поддержки экономического развития сельских районов и как способ доступа к ограниченным активам. Для подтверждения данного тезиса было реализовано кейс-стади зарубежных практик совместного потребления в сельской местности. Необходимость анализа зарубежных кейсов совместного потребления в сельской местности определяется возможностью адаптировать и масштабировать эти бизнес-модели в российских реалиях. Для анализа возможного внедрения зарубежных практик нами был выбран юг Тюменской области. Выбор обусловлен факторами, которые влияют на возможность совместного потребления в сельской местности: высокий уровень интернет-проникновения (80,4% домашних хозяйств имеют доступ к сети Интернет) [2], 292 сельских округа, крупные фермерские хозяйства, поддержка правительства региона [3, 5].

Кейс «Sumin Shared Farm Company» (Китай, Сумин). Концепция «Shared Farm» (совместная ферма) — применение логики совместной экономики в уникальных условиях развития сельских районов. Так, сельские жители делятся своими простаивающими домами, сельскохозяйственными угодьями, инструментами и, даже, свободным временем и навыками через стороннюю сетевую платформу. Сопоставим ключевые элементы экономики совместного потребления и элементы концепции совместных ферм. Во-первых, избыточный потенциал ресурсов: фермерские дома, сельскохозяйственные угодья, инструменты

и оборудование, сельскохозяйственное производство и жизненные навыки. Городские жители являются главными потребителями, не покупая ферму или участок сельхозугодий, городские потребители могут разделить с фермерами жилье, сельскохозяйственную деятельность и производство земли посредством временной передачи «права пользования». Фермеры и сельские коллективы являются поставщиками, они извлекают коммерческую ценность из этих бездействующих «недоиспользованных ресурсов». Спрос и предложение на сельские ресурсы совмещаются на платформе совместных ферм и, следовательно, обеспечивают взаимную выгоду. Во-вторых, доступ вместо владения собственностью: возможность снизить рыночный порог для совместного использования. В-третьих, сторонняя онлайн-платформа: совместная ферма координируется сторонней операционной платформой; интегрирует децентрализованные ресурсы; снижает затраты на поиск и транзакции через Интернет. В этом процессе ключевую роль играет сторонняя операционная платформа. Помимо создания сетевой платформы для удаленного подключения между городским спросом и сельскими ресурсами, другая сторона играет более важную роль, которая объединяет разрозненные сельские ресурсы посредством общего планирования платформы и берет на себя ответственность за модернизацию вспомогательных средств и услуг общих ферм. В-четвертых, равное участие: дает возможность фермерам участвовать в возрождении сельских районов. Совместная ферма дает фермерам возможность в полной мере участвовать в процессе возрождения сельских районов, который усиливает эндогенные факторы роста для развития в сельской местности. Согласно данным, годовой доход фермеров в деревне Сумин на душу населения увеличился в 3 раза (8000 юаней до 25500 юаней) в год на душу населения в 2017 г. [31].

В Тюменской области усиленное внимание уделяется развитию сельского туризма. Правительство региона заинтересовано в его развитии: было принято 22 ноября 2021 г. постановление о предоставлении субсидий на поддержку проектов развития сферы внутреннего и въездного туризма Тюменской области. В сфере развития сельского туризма — «проекты в сфере развития внутреннего и въездного туризма, реализуемые в сельской среде, ориентированные на использование природных, культурно-исторических и других ресурсов, традиционных для местности, знакомство с местными обычаями и традициями, ознакомление с фермерскими и крестьянскими хозяйствами» [5]. Тюменская область обладает перспективами и возможностями развития сельского туризма. В Тюменской области имеются фермерские хозяйства, где есть возможность активно продвигать туристскую деятельность: крупные фермерские хозяйства п. Емуртлинский, Гольшмановский район, с. Нижняя Тавда. Информационно-коммуникационные технологии, основной компонент совместного потребления, могут предоставить сельским районам возможность диверсифицировать свою экономику.

Кейс «Gold Farm» (Индия). Приложение для бронирования сельскохозяйственного оборудования «Gold Farm» — цифровая онлайн-платформа, на кото-

рой владельцы оборудования (также могут быть фермерами) регистрируют свое оборудование, а фермеры получают доступ к нему. Цель платформы: помочь в преодолении финансовых ограничений, с которыми сталкиваются фермеры при доступе к дорогостоящему сельскохозяйственному оборудованию. Оплата за использование, снижение рисков владения, устранение ограничений на первоначальные финансовые вложения, непрерывный мониторинг и отслеживание транспортных средств являются ключевыми преимуществами «Gold Farm». Платформа была запущена в марте 2016 г. с учетом растущей потребности в решении механизации фермерских хозяйств. К концу апреля 2016 г. более пятидесяти тысяч участников присоединились к онлайн-сообществу в поддержку инициативы. Согласно данным «Gold Farm», бронирование сельскохозяйственной техники превысило 10000 ч [16]. Бизнес — модель «Gold Farm» предполагает партнерство с местными предпринимателями, который могут инвестировать в сельскохозяйственное оборудование, крупными землевладельцами, у которых уже есть оборудование. Владельцы регистрируют свое оборудование в мобильном приложении, «Gold Farm» помогает владельцу оборудования формировать спрос в зависимости от его местоположения с помощью приложения, колл-центра и агентов по бронированию в разных деревнях. Фермеры, используя приложение или позвонив в колл-центр, могут забронировать необходимое им оборудование. «Gold Farm» использует интернет вещей и мобильные технологии для формирования спроса, отслеживания местоположения работающего оборудования, расчета расхода топлива, оценки состояния транспортного средства. На данный момент приложение «Gold Farm» развилось в экосистему, путем объединения различных заинтересованных сторон. Начали работать консультанты фермеров, которые выступают в качестве представителя фермеров, чтобы помочь им в использовании приложения для бронирования, а также сельскохозяйственного оборудования. Консультанты фермеров необходимы в этой цепочке поставок, чтобы преодолеть сопротивление фермеров внедрению этих новых цифровых платформ, а также для преодоления проблем с плохим подключением к Интернету в сельских районах, где расположено большинство фермеров. Присутствие консультантов по фермерству гарантировало, что фермеры получали информацию независимо от проблем с подключением к Интернету. Цифровая платформа «Gold Farm» позволила фермерам установить связь с владельцами оборудования, что принесло пользу всем вовлеченным сторонам в цепочке поставок. Благодаря улучшенному использованию оборудования для владельца, доступу к оборудованию по доступной цене для фермеров и финансовому стимулу для консультанта фермера, все заинтересованные стороны оказываются в беспроигрышной ситуации и, тем самым, мотивированы оставаться частью сети и минимизировать неэффективность в цепочке создания добавленной стоимости в сельском хозяйстве. Бизнес-модель, основанная на доступе, обеспечила предоставление широкого спектра оборудования фермерам по доступным ценам. Это привело к снижению затрат фермеров на продукцию на 15% [16]. Консультанты фермеров начали получать

дополнительный источник ежемесячного дохода. Создание ценности по всей цепочке поставок для различных заинтересованных сторон повысило жизнеспособность бизнес-модели.

Кейс «EM3 Agri Services» (Индия). «EM3 Agri Services» — индийская компания, предоставляющая услугу аренды тракторов на платной основе. Компания основана в 2014 г., она является первым в Индии поставщиком сельскохозяйственного оборудования, основанным на логике «уберизации» (замена посредников цифровыми платформами), называется «Uber для сельского хозяйства». Бизнес-модель компании основана на цифровой платформе «Samadhan», направлена на улучшение доступа мелких фермеров к услугам механизации. С помощью мобильного приложения фермеры могут размещать заказы на аренду сельскохозяйственной техники и услуг на весь необходимый период. По состоянию на сентябрь 2017 г. EM3 заявила, что обеспечила более 50 000 ч работы примерно 12 000 фермеров в своей сети в Индии [29]. Компания была создана для продвижения альтернативных традиционному способам предоставления услуг тракторов в Индии. «EM3 Agri Services» основалась с целью сделать аренду тракторов и оборудования более доступной для фермеров с помощью сервиса [21]. Цикл аренды тракторов и сельскохозяйственного оборудования реализуется в несколько этапов. Запрос на услуги механизации начинается, когда фермер оставляет заявку в мобильном приложении или обратившись в колл-центр. Платформа позволяет управлять следующей информацией: статус запроса, тип оборудования (сельскохозяйственная техника, необходимая фермеру для конкретной деятельности), цена (отображается цена, взимаемая оператором, которая основана на местном рынке данного оборудования). Второй этап предоставления услуги происходит, когда оператор доставляет фермеру оборудование. Третий этап — оплата услуги, у фермера есть возможность заплатить в течение 15 дней. Комиссия за использование платформы составляет 5% от общей стоимости дохода. Последний шаг — поток отзывов или жалоб на сервис платформы. По сравнению с другими договорными соглашениями EM3 позволяет сократить время, затрачиваемое на поиск поставщика и ожидание обслуживания, особенно для зерноуборочного комбайна, сеялки и трактора. Кроме того, франшизы демонстрируют общий уровень доступности 80% по запросу, по сравнению с 50% у подрядчиков и 40% у фермерских групп [29]. Так, вдохновленная моделью «Uber», «EM3» превратилась в компанию, которая внедряет ряд инноваций в сфере предоставления услуг механизации в Индии. Модель, основанная на франчайзинге и оплате за использование, позволила наладить более формальное предоставление услуг по оборудованию.

«Уберизация» услуг механизации привлекла внимание на сельскохозяйственной арене благодаря своему потенциалу улучшения и расширения доступа к сельскохозяйственной технике для мелких фермеров за счет внедрения новых мобильных технологий. Два наиболее важных нововведения, обычно приписываемых этому подходу, касаются предоставления доступа к услугам механизации

фермерам, которые не в состоянии купить сельскохозяйственную технику, и оказания помощи владельцам техники в увеличении их дохода за счет сдачи в аренду их оборудования этим фермерам. В этом смысле «уберизация» способствует более доступному и эффективному предоставлению услуг машинного оборудования, основанному на использовании мобильных инструментов. Цифровая платформа «EM3 Agri Services» является примером использования технологий, позволяющим фермерам арендовать тракторы без необходимости крупных инвестиций. Дилеры техники извлекают выгоду из улучшения процессов обслуживания и ремонта техники, послепродажного обслуживания, планирования поставок запчастей.

Известно, что цифровизация в российском сельскохозяйственном секторе привела к повышению производительности бизнеса, снижению потерь из-за автоматизации производственных процессов и лучшему использованию ресурсов в сельскохозяйственном секторе. В своей деятельности фермеры, занимающиеся сельскохозяйственным производством, сталкиваются с проблемой: сельскохозяйственное оборудование является капиталоемким и, следовательно, сопряжено с высоким риском владения. В результате это оказывается недоступной инвестицией для фермеров с ограниченными финансовыми возможностями. Решение обозначенной проблемы является приоритетным, поскольку фермеры не могут быть конкурентоспособными и, в большинстве своем, вынуждены прекращать свою деятельность либо вести ее на уровне личных подсобных хозяйств без необходимого сельскохозяйственного оборудования. Правительство Тюменского региона заинтересовано в создании системы поддержки фермеров и развитии сельской кооперации [3]. Описанный выше зарубежный опыт показывает, что, применяя логику совместного потребления, фермеры с ограниченными финансовыми возможностями могут преодолеть проблему доступа к сельскохозяйственному оборудованию. В случае владения собственник несет ответственность за обеспечение надлежащего функционирования оборудования, все расходы, связанные с ремонтом и обслуживанием, также несет владелец. В службах, основанных на совместном доступе, поставщик услуг несет ответственность за проблемы с производительностью, а потребители оплачивают только за использование. В результате внедрения инновационных решений возможно сделать оборудование для механизации сельского хозяйства доступным для фермеров.

Заключение

На основании содержательного анализа концепции экономики совместного потребления можно выделить ее ключевые характеристики. Темпоральность как характеристика экономики совместного потребления предполагает предоставление временного доступа к недоиспользованным активам. Пользование товарами или услугами на рынке совместного потребления допускает долгосрочные взаимодействия, но всегда носит временный характер. Следующая характеристика — одноранговое взаимодействие, подразумевающее под собой отношения

«потребитель-потребитель» (C2C) или равный к равному (P2P). Одноранговая система в экономике совместного потребления организуется через горизонтальные сети взаимодействия, предполагающие свободную кооперацию между участниками по поводу дарения, бартера, обмена, аренды активов. Наряду с этим необходимо отметить следующее: рыночное взаимодействие в рамках совместного потребления может быть коммерческим и некоммерческим. Цифровой характер экономики совместного потребления конкретизируется через посредничество информационно-коммуникационных технологий, при этом между экономическими субъектами, взаимодействующими в рамках онлайн-сообществ, происходит социальная коммерция и обмен информацией (отзывы). Немаловажным признаком является тот факт, что при взаимодействии не происходит передачи права собственности недоиспользованного актива.

Проанализированные данные об объеме и динамике рынка отраслей «sharing economy» позволяют нам сделать соответствующие выводы о состоянии экономики совместного потребления в России. По итогам 2020 г. экономика совместного потребления в общем объеме транзакций показала положительные темпы роста — около 39%. Лидирующими сегментами по темпам роста, по объему транзакции и количеству сделок являются C2C-продажи, P2P-услуги и каршеринг транспорта. В совокупности по валовому объему транзакций вышеупомянутые отрасли составляют 97,5% от «sharing economy» в России. В целом, новая социально-экономическая модель утвердилась на российском рынке.

По прогнозам экспертов, рынок совместного потребления в России будет показывать экспоненциальный рост и расширяться. На данном этапе появляются новые секторы «sharing economy», которые только набирают обороты. Среди перспективных отраслей выделяется фудшеринг — практика, позволяющая распределять продукты питания с помощью онлайн-сервисов совместного потребления. Экономика совместного потребления выходит за границы взаимодействия физических лиц, сектор «бизнес для бизнеса» (business-to-business, B2B) получил широкое распространение за рубежом, а в России приобретает востребованность. Компании, посредством информационного взаимодействия с целью сокращения издержек, начинают совместно использовать материальные активы.

Была проанализирована роль экономики совместного потребления для инновационного развития сельских районов. В результате, на основании анализа зарубежных кейсов, найдены эмпирические доказательства того, что применение логики совместной экономики в уникальных условиях развития сельских районов может развивать сельский туризм и способствовать механизации фермерских хозяйств, особенно для мелких фермеров, с использованием цифровой инновационной модели. Решение на основе оцифрованного доступа может помочь в преодолении финансовых ограничений, с которыми сталкиваются фермеры при доступе к дорогостоящему сельскохозяйственному оборудованию. Доступ мелких фермеров к механизации во многих развивающихся странах остается ограниченным, несмотря на ее ключевую роль в развитии сельского

хозяйства. Для мелких фермеров невозможно и нецелесообразно владеть сельскохозяйственной техникой и оборудованием для его использования. Поэтому то, что им нужно — доступ к нему, а не владение. Это привело к появлению нового явления — услуг по аренде сельскохозяйственной техники и оборудования на заказ. Отсутствие доступа в Интернет в сельских районах и цифровых навыков могут быть препятствиями в продвижении бизнес-идей. Данное обстоятельство преодолено в анализируемых кейсах с помощью работы колл-центров и консультантов фермеров в системе совместного потребления.

Возможность адаптировать и масштабировать бизнес-модели в российских реалиях проанализирована на примере Тюменской области. Однако для триангуляции данных необходимо изучить влияние специфических для региона культурных и институциональных факторов. Будущие исследования могли бы также включить понимание того как и почему основанные на инновациях бизнес-модели преуспевают или терпят неудачу. Это дало бы дополнительную информацию к совокупности знаний с точки зрения совместного потребления на таких рынках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдокушин Е. Ф. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития / Е. Ф. Авдокушин, Е. Г. Кузнецова // Экономический журнал. 2019. № 2 (54). С. 6–19.
2. Информационное общество в Российской Федерации. 2020: статистический сборник // Федеральная служба государственной статистики; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ, 2020. 267 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).
3. Постановления Правительство Тюменской области от 14 декабря 2018 г. N 489-п «Об утверждении государственной программы Тюменской области «Развитие внутреннего и въездного туризма» и признании утратившими силу некоторых нормативных правовых актов» // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: <https://admtumen.ru/> (дата обращения: 22.02.2022).
4. Ребязина В. А. Отношение потребителей к экономике совместного потребления в России / В. А. Ребязина, С. М. Березка, Н. Г. Антонова // Российский журнал менеджмента. 2020. Том 18. № 2. С. 255–278.
5. Региональный проект «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области. URL: <https://admtumen.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).
6. Экономика совместного потребления в России 2020. Испытание на прочность // Российская Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). 2021. URL: <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-2020.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).
7. Экономика совместного потребления в России 2018 // Российская Ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). 2018. URL: <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-nov2018.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).

8. Andrei A. G. The sharing economy in post-communist societies: insights from Romania / A. G. Andrei, A. Zait // *Knowledge Management and Organizational Learning* / E.-M. Vătămănescu, F. M. Pînzaru. London: Springer, 2018. Vol. 6. Pp. 39-57. DOI: 10.1007/978-3-319-66890-1_3
9. Barnes S. J. Understanding current and future issues in collaborative consumption: A four-stage Delphi study / S. J. Barnes, J. Mattsson // *Technological Forecasting and Social Change*. 2016. Vol. 104. Pp. 200–211. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.01.006
10. Belk R. You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online / R. Belk // *Journal of Business Research*. 2014. Vol. 67. Iss. 8. Pp. 1595–1600. DOI: 10.1016/j.jbusres.2013.10.001
11. Bergh A. Timbro sharing economy index / A. Bergh, A. Funcke, J. Wernberg // *Timbro*. 25 July 2018. URL: <https://timbro.se/ekonomi/timbro-sharing-economy-index/> (дата обращения: 09.02.2022).
12. Bicchieri C. Trust among strangers / C. Bicchieri, J. Duffy, G. Tolle // *Philosophy of Science*. 2004. Vol. 71. № 3. Pp. 286–319. DOI:10.1086/381411
13. Botsman R. Defining the sharing economy: what is collaborative consumption — and what isn't? / Botsman R // *Fast Company*. 27 May 2015. URL: <https://www.fastcompany.com/3046119/defining-the-sharing-economy-what-is-collaborative-consumption-and-what-isnt> (дата обращения: 09.02.2022)
14. Botsman R. What's mine is yours: the rise of collaborative consumption / R. Botsman, R. Rogers. New-York: Harper Business, 2010. 304 p.
15. Degryse Ch. Digitalization of the economy and its impact on labor markets / Ch. Degryse. European Trade Union Institute (ETUI) Working Paper 2016.02. Brussels: ETUI, 2016. 80 p. URL: <https://www.etui.org/sites/default/files/ver%202%20web%20version%20Working%20Paper%202016%2002-EN%20digitalisation.pdf> (дата обращения: 09.02.2022).
16. Ferroni M. Achievements and challenges in agricultural extension in India / M. Ferroni, Y. Zhou // *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2012. № 4 (3). Pp. 319–346.
17. Fitzmaurice C. J. Collaborating and Connecting: The Emergence of the Sharing Economy / C. J. Fitzmaurice, J. B. Schor // *Handbook of research on sustainable consumption*. Cheltenham: Edgar Elgar. 2015. Pp. 410–425.
18. Frenken K. Smarter regulation for the sharing economy / K. Frenken, T. Meelen, M. Arets, P. van de Glind // *The Guardian*. 20 May 2015. URL: www.theguardian.com/science/political-science/2015/may/20/smarter-regulation-for-the-sharing-economy (дата обращения: 09.02.2022)
19. Guttentag D. Why tourists choose airbnb: a motivation-based segmentation study / D. Guttentag, S. Smith, L. Potwarka, M. Havitz // *Journal of Travel Research*. 2018. Vol. 57. Iss. 3. Pp. 342–359. DOI: 10.1177/0047287517696980
20. Hamari J. The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption / J. Hamari, M. Sjöklint, A. Ukkonen // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2015. Vol. 67. Iss. 9. Pp. 2047–2059. DOI: 10.1002/asi.23552
21. Lampinen A. Hosting via airbnb: Motivations and financial assurances in monetized network hospitality / A. Lampinen, C. Cheshire. New-York: ACM, 2016. Pp. 1669–1680.
22. Leismann K. Collaborative consumption: towards a resource-saving consumption culture / K. Leismann, M. Schmitt, H. Rohn, C. Baedeker // *Resources*. 2013. Vol. 2. Iss. 3. Pp. 184–203. DOI: 10.3390/resources2030184

23. Martin E. W. Greenhouse gas emission impacts of carsharing in North America / E. W. Martin, S. A. Shaheen // *IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems*. 2011. Vol. 12. № 4. Pp. 1074–1086. DOI: 10.1109/TITS.2011.2158539
24. Mason P. *Postcapitalism: A guide to our future* / P. Mason // London: Allen Lane, 2015. 340 p.
25. Möhlmann M. Collaborative consumption: Determinants of satisfaction and the likelihood of using a sharing economy option again / M. Möhlmann // *Journal of Consumer Behaviour*. 2015. No. 14 (3). Pp. 193–207. DOI:10.1002/cb.1512
26. Parigi P. Disenchanted the world: The impact of technology on relationships / P. Parigi, B. State // *Social informatics*. 2014. Pp. 166-182. DOI:10.1007/978-3-319-13734-6_1
27. Schor J. B. Collaborating and connecting: the emergence of the sharing economy / J. B. Schor, C. J. Fitzmaurice // *Handbook of research on sustainable consumption* / L. A. Reisch, J. Thøgersen. Cheltenham: Edward Elgar, 2015. Pp. 410–425.
28. Sengupta T. Sharing app for farm mechanization: Gold Farm’s digitized access based solution for financially constrained farmers / T. Sengupta, G. Narayanamurthy, R. Moser, P. K. Hota // *Computers in Industry*. 2019. № 109. Pp. 195–203. DOI:10.17700/jai.2017.8.1.287
29. Villalba R. The «uberization» of agricultural mechanization services: a case study of EM3 Agri Services in Rajasthan / R. Villalba // *Institute of Agricultural Economics and Social Sciences in the Tropics and Subtropics University of Hohenheim, India*. 2019. 120 p.
30. *World Economic Outlook* // International Monetary Fund. October 2021. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021> (дата обращения: 09.02.2022).
31. Zhou J. Shared Farm: an approach to achieve urban-rural reciprocity based on sharing economy / J. Zhou, X. Lian // *China Center for Urban Development, China*. 2018. Pp. 1–11.
32. Zukin Sh. Hackathons as co-optation ritual: socializing workers and institutionalizing innovation in the ‘new’ economy / Sh. Zukin, M. Papadantonakis // *Research in the Sociology of Work*. 2017. Vol. 31, pp. 157–181. DOI:10.1108/S0277-283320170000031005

Maria V. BATYREVA¹

Daria Yu. AGAFONOVA²

UDC 316.4

COLLABORATIVE CONSUMPTION AS A SOCIO-ECONOMIC MODEL*

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of General and Economic Sociology,
University of Tyumen
m.v.batyreva@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6588-5469

² Master Student,
University of Tyumen
dashaagafonova744@gmail.com

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of a new socio-economic model — the economy of collaborative consumption, which has become globally widespread due to the digital transformation of business and the active integration of information and communication technologies into daily life of a person. The interest in the issues of collaborative consumption is due to the rapid development of digital services for the exchange of goods, the growth in the number of participants and economic sectors involved in the economy of collaborative consumption. The methodological approach of this study includes a systematic review of foreign and Russian literature on collaborative consumption with an emphasis on empirical data. A case study of foreign practices of joint consumption in rural areas has been implemented.

Such issues as the essence and basis of the economy of collaborative consumption, as well as the conditions for its development, become central in the present research. The

---

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00087.

Citation: Batyreva M. V., Agafonova D. Yu. 2022. “Collaborative consumption as a socio-economic model”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 2 (30), pp. 81–105.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-81-105

approaches of Russian and foreign authors to the definition of the economy of collaborative consumption are revealed. An attempt to systematize the conceptual apparatus of the collaborative consumption model allows us to identify its main characteristics: peer-to-peer interaction, temporary access to underutilized assets, mediation of economic agents through online platforms.

The article analyzes the influence of socio-technical, economic and personal factors that stimulate or hinder the development of the economy of collaborative consumption in Russia. The high rate of Internet penetration and the development of technology have become key factors for the development of the economy of collaborative consumption. Personal factors reflect the specifics of the country and indicate the main reasons that prevent the inclusion of Russians as participants in collaborative consumption.

A review of empirical data allowed us to conclude that the socio-economic model of collaborative consumption is developing at an active pace in Russia. The sharing economy has shown positive growth rates in the total volume of transactions in two years. The leading segments are C2C sales, P2P services and carsharing.

As a result, empirical evidence has been found, based on the analysis of foreign cases, on the role of the sharing economy for innovative rural development. The application of the logic of a joint economy in the unique conditions of rural development can develop rural tourism and help overcome the financial constraints faced by farmers when accessing expensive agricultural equipment.

Keywords

Sharing economy, collaborative consumption, digitalization, online platforms.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-81-105

REFERENCES

1. Avdokushin E. F., Kuznetsova E. G. 2019. "Economics of joint consumption: essence and some development trends". *Economic Journal*, no. 2 (54), pp. 6–19. [In Russian]
2. Federal State Statistics Service, National Research University — Higher School of Economics. 2020. *Information society in the Russian Federation. 2020: statistical collection*. Moscow: HSE. 267 p. Accessed 9 February 2022. <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/lqv3T0Rk/info-ob2020.pdf> [In Russian]
3. The official portal of the state authorities of the Tyumen region. Decree of the Government of the Tyumen Region dated 14 December 2018 N 489-p "On the approval of the state program of the Tyumen region 'Development of domestic and inbound tourism' and the invalidation of certain regulatory legal acts". Accessed on 22 February 2022. [In Russian]
4. Rebiyazina V. A., Antonova N. G., Berezka S. M. 2020. "Consumer's attitude to the sharing economy in Russia". *Russian Management Journal*, vol. 18, no. 2, pp. 255–278. [In Russian]
5. Official portal of the state authorities of the Tyumen region. 2018. Regional project "Creation of a system of support for farmers and the development of rural cooperation". Accessed on 9 February 2022. <https://admtymen.ru/> [In Russian]

6. The Russian Association for Electronic Communications (RAEC). 2021. The sharing economy in Russia 2020. Endurance test. Accessed 9 February 2022. <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-2020.pdf> [In Russian]
7. The Russian Association for Electronic Communications (RAEC). 2018. The sharing economy in Russia 2018. Accessed 9 February 2022. <https://raec.ru/upload/files/raec-sharing-economy-nov2018.pdf> [In Russian]
8. Andrei A. G., Zait A. 2018. “The sharing economy in post-communist societies: Insights from Romania”. *Knowledge Management and Organizational Learning*. Edited by E.-M. Vătămănescu, F. M. Pinzaru. Vol. 6, pp. 39–57. London: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-66890-1_3
9. Barnes S. J., Mattsson J. 2016. “Understanding current and future issues in collaborative consumption: A four-stage Delphi study”. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 104, pp. 200–211. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.01.006
10. Belk R. 2014. “You are what you can access: Sharing and collaborative consumption online”. *Journal of Business Research*, vol. 67, iss. 8, pp. 1595–1600. DOI: 10.1016/j.jbusres.2013.10.001
11. Bergh A., Funcke A., Wernberg J. 2018. “Timbro sharing economy index”. Timbro. Accessed 9 February 2022. <https://timbro.se/ekonomi/timbro-sharing-economy-index/>
12. Bicchieri C., Duffy J., Tolle G. 2004. “Trust among strangers”. *Philosophy of Science*, vol. 71, no. 3, pp. 286–319. DOI: 10.1086/381411
13. Botsman R. 2015. “Defining the sharing economy: what is collaborative consumption — and what isn’t?”. *Fast company*. Accessed 9 February 2022. <https://www.fastcompany.com/3046119/defining-the-sharing-economy-what-is-collaborative-consumption-and-what-isnt>
14. Botsman R., Rogers R. 2010. *What’s mine is yours: The rise of collaborative consumption*. New York: Harper Business. 304 p.
15. Degryse Ch. 2016. “Digitalization of the economy and its impact on labor markets”. *European Trade Union Institute (ETUI) Working Paper 2016.02*. Brussels: ETUI. 80 p. <https://www.etui.org/sites/default/files/ver%202%20web%20version%20Working%20Paper%202016%2002-EN%20digitalisation.pdf>
16. Ferroni M., Zhou Y. 2012. “Achievements and challenges in agricultural extension in India”. *Global Journal of Emerging Market Economies*, no. 4, pp. 319–346.
17. Fitzmaurice C., Schor, J. 2015. “Collaborating and connecting: The emergence of the sharing economy”. *Handbook of research on sustainable consumption*. Cheltenham: Edgar Elgar. Pp. 410–425.
18. Frenken K., Meelen T., Arets M., van de Glind P. 2015. “Smarter regulation for the sharing economy”. *The Guardian*. Accessed 9 February 2022. www.theguardian.com/science/political-science/2015/may/20/smarter-regulation-for-the-sharing-economy
19. Guttentag D., Smith S., Potwarka L., Havitz M. 2018. “Why tourists choose airbnb: a motivation-based segmentation study”. *Journal of Travel Research*, vol. 57, iss. 3, pp. 342–359. DOI: 10.1177/0047287517696980
20. Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. 2015. “The sharing economy: Why people participate in collaborative consumption”. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, vol. 67, iss. 9, pp. 2047–2059. DOI: 10.1002/asi.23552

21. Lampinen A., Cheshire C. 2016. *Hosting via airbnb: Motivations and financial assurances in monetized network hospitality*. New-York: ACM. Pp. 1669–1680. DOI:10.1145/2858036.2858092
22. Leismann K., Schmitt M., Rohn H., Baedeker C. 2013. “Collaborative consumption: towards a resource-saving consumption culture”. *Resources*, vol. 2, iss. 3, pp. 184–203. DOI:10.3390/resources2030184
23. Martin E. W., Shaheen S. A. 2011. “Greenhouse gas emission impacts of carsharing in North America”. *IEEE Transactions on Intelligent Transportation Systems*, vol. 12, iss. 4, pp. 1074–1086. DOI: 10.1109/TITS.2011.2158539
24. Mason P. 2015. *Postcapitalism: A guide to our future*. London: Allen Lane Allen Lane. 340 p.
25. Möhlmann M. 2015. “Collaborative consumption: determinants of satisfaction and the likelihood of using a sharing economy option again”. *Journal of Consumer Behaviour*, no. 14 (3), pp. 193-207. DOI:10.1002/cb.1512
26. Parigi P., State B. 2014. “Disenchanted the world: the impact of technology on relationships”. *Social Informatics*, pp. 166–182. DOI:10.1007/978-3-319-13734-6_12
27. Schor J. B., Fitzmaurice C. J. 2015. “Collaborating and connecting: the emergence of the sharing economy”. *Handbook of research on sustainable consumption*. Edited by L. A. Reisch, J. Thøgersen. Cheltenham: Edward Elgar. Pp. 410–425.
28. Sengupta T., Narayanamurthy G., Moser R., Hota P. K. 2019. “Sharing app for farm mechanization: Gold Farm’s digitized access based solution for financially constrained farmers”. *Computers in Industry*, no. 109, pp. 195–203. DOI:10.17700/jai.2017.8.1.287
29. Villalba R. 2019. “The ‘uberization’ of agricultural mechanization services: a case study of EM3 Agri Services in Rajasthan, India”. *Institute of Agricultural Economics and Social Sciences in the Tropics and Subtropics University of Hohenheim*. 120 p.
30. International Monetary Fund. 2021. *World Economic Outlook*. Accessed 9 February 2022. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021>
31. Zhou J., Lian X. 2018. “Shared Farm: an approach to achieve urban-rural reciprocity based on sharing economy”. *China Center for Urban Development, China*. Pp. 1–11.
32. Zukin Sh., Papadantonakis M. 2017. “Hackathons as co-optation ritual: socializing workers and institutionalizing innovation in the ‘new’ economy”. *Research in the Sociology of Work*, vol. 31, pp. 157–181. DOI:10.1108/S0277-283320170000031005

ПРАВО

Александр Владимирович САЛЕНКО¹

УДК 342.7, 342.729, 342.4

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА ПУБЛИЧНЫХ СОБРАНИЙ В РОССИИ

¹ кандидат юридических наук, магистр права (Гёттинген);
доцент кафедры международного и европейского права,
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (Калининград)
asalenko@kantiana.ru

Аннотация

В России, начиная с конца XIX в., и по сегодняшний день просходит процесс формирования права публичных собраний, которое регулирует порядок осуществления конституционного права на свободу мирных собраний. Автор проводит историко-правовой анализ отечественного законодательства, а также конституционно-правовых идей в сфере права публичных собраний. В ходе анализа автор устанавливает, что первые конституционно-правовые идеи по закреплению субъективного права граждан на свободу мирных собраний были высказаны декабристами в их програмных документах. Вместе с тем, именно в период российских революций 1905–1917 гг. происходит реальное формирование права публичных собраний в виде основополагающих актов российского государства, которые имели конституционный характер. Статья содержит периодизацию права публичных собраний России. Отмечается, что конституционно-правовая традиция дореволюционных правоведов, согласно которой в отечественном публичном праве выделялось право публичных собраний, была затем прервана в советское время, в ходе которого свобода мирных собраний имела исключительно декларативный характер. Общий вывод автора сводится к тому, что в настоящее время в российской правовой системе происходит постепенное формирование права публичных собраний, которое объединяет в себе нормы Конституции

Цитирование: Саленко А. В. Эволюция права публичных собраний в России / А. В. Саленко // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 106–128.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-106-128

России, федеральных законов, а также практику Конституционного Суда России и судов общей юрисдикции. По мнению автора, в настоящий момент Российская Федерация совершает медленное и сопряженное со значительным количеством проблем восхождение к праву публичных собраний.

Ключевые слова

Свобода мирных собраний, история свободы мирных собраний, публичные мероприятия, право публичных собраний, Россия, Российская империя, СССР, демонстрации, митинги, шествия, пикетирования.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-106-128

Введение: восхождение к праву публичных собраний

Чтобы лучше осмыслить проблемы свободы мирных собраний в современной России, необходимо изучить историю этой конституционной свободы в российской правовой системе. С одной стороны, практическая реализация свободы мирных собраний предопределяется формально-юридическими рамками (законодательными и подзаконными нормативно-правовыми актами); с другой стороны, свобода мирных собраний существует и эволюционирует в условиях реальной ежедневной жизни. В разные исторические периоды практика реализации свободы собраний характеризуются разной степенью консерватизма или либерализма. Поэтому ради объективности нужно изучить свободу собраний не только с формально-юридических позиций, но и проанализировать исторические факторы формирования общественных отношений в сфере правового регулирования публичных мероприятий.

В этой статье предпринята попытка осмыслить вопрос о том, насколько глубоки корни свободы собраний в истории российского государства, какие причины повлияли на конституционное и нормативно-правовое оформление права на свободу мирных собраний в российском государстве, в т. ч. какие исторические последствия имели правовые реформы в сфере нормативного регулирования права публичных собраний. В данной статье внимание автора главным образом уделено историческому периоду, который охватывает собой время, начиная с 6 (18) декабря 1876 года, когда на Казанской площади в Санкт-Петербурге состоялась первая демонстрация в России, и до современного момента (по состоянию на май 2022 г.). Возможно, мы сможем преодолеть предубеждение историка О. В. Ключевского о том, что «разница между историками и юристами только в точках зрения: историки видят причины, не замечая следствия; юристы замечают только следствия, не видя причин» [13, с. 402].

Методы

В ходе исследования были использованы традиционные методы научного познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, исторический, логический и сравнительно-правовой методы. Автор анализирует исторический процесс зарождения

и развития в отечественной правовой системе конституционно-правовых идей о праве публичных собраний. На основе историко-правового анализа законодательного регулирования публичных мероприятий в Российской империи, Советской России (РСФСР) и СССР, а также в современной Российской Федерации автор делает вывод о появлении нового публично-правового института «право публичных собраний».

Результаты исследования и их обсуждение

Свобода мирных собраний России: этапы эволюции

Начало раздела хотелось бы сопроводить словами известного правоведа Н. М. Коркунова, который точно подметил, что «каждое научное исследование и научное изложение требует прежде всего обобщения, и обобщение предполагает группировку изучаемых явлений по их сходству и различию. Когда изучаемые явления развиваются во времени, группировка их выражается в установлении последовательных периодов» [21, с. 4]. Исследуя развитие законодательного регулирования свободы мирных собраний в России, целесообразно выделить четыре основных этапа исторического развития этого правового института: 1) донормативный (дореволюционный) период XIX в.; 2) квазиконституционный (революционный) период 1905–1917 гг.; 3) советский период 1917–1991 гг.; 4) современный период 1991–2022 гг. При этом отметим, что данная периодизация является условной и служит единственной прикладной цели: ясным и понятным образом структурировать исторический материал по предмету исследования. Указанные выше этапы представляют собой отправные точки для более глубокого исследования законодательства и правоприменительной практики на каждом отдельном историческом отрезке времени. В этом отношении мы согласны с мнением Д. В. Гаглоева, который говорит «о недопустимости обобщения всей истории отечественного конституционализма в ходе XX в. собирательное понятие „советский“ период» [3, с. 79]. Конечно, каждая советская конституция обладает историческими особенностями и отражает эволюцию государственно-правовой мысли конкретной исторической эпохи, но в канве изучения конституционно-правового развития свободы собраний подобный обобщенный советский период представляется нам допустимым. Равным образом, как и использование обобщенной исторической периодизации в отношении всего донормативного периода до середины XIX века.

Выскажем предположение, что наверняка будет высказана критика, что проводимый историко-правовой анализ генезиса правового регулирования свободы мирных собраний фактически ограничивается временными рамками существования Российской империи. Заранее соглашаясь критическими замечаниями подобного рода, отметим, что так называемый доимперский период государственно-правового развития лишен формально-юридических источников, которые можно было бы обозначить в качестве нормативной основы свободы мирных собраний. Отметим также, что доимперское время содержит большой неизученный исторический материал: правовые обычаи, которые были напрямую связа-

ны с реализацией в повседневной жизни русского народа права на свободу мирных собраний в нашем современном понимании [30, с. 5; 41, с. 146]. Пробразы свободы мирных собраний можно увидеть в славянском праве (копном праве), которое в сравнении с глубоким изучением античного, римского и германского права для отечественной правовой науки пока все еще остается малоизученной тематикой [32, с. 1–17; 57, с. 9]. Однако, в рамках этой статьи, содержащей конституционно-правовой анализ, уход на такую историческую глубину не представляется возможным и целесообразным, поскольку основательное исследование прообразов свободы мирных собраний в древнем русском праве является задачей в первую очередь отечественной историко-правовой науки.

Свобода мирных собраний в Российской империи: донормативный (дореволюционный) период XIX века

Производя общую оценку развития нормативного регулирования свободы мирных собраний в Российской империи до 1905 года, можно согласиться с мнением дореволюционного российского ученого-юриста В. Ф. Матвеева, который отмечал, что «до 1905 г. наше законодательство не признавало за гражданами, вообще, никакого права на устройство публичных собраний, тем более, с политическими целями» [31, с. 383]. Так, «нормативное регулирование конституционно-правовых отношений происходило посредством норм уголовного и административного права» [3, с. 89]. Исторический анализ показывает, что на протяжении практически всего имперского периода в России не было издано каких-либо значимых актов конституционно-правового (государственно-правового) характера, которые надлежащим образом регламентировали бы изучаемую сферу общественных отношений. Поэтому нельзя согласиться с достаточно смелым и вместе с тем безосновательным утверждением С. Ю. Колмакова о том, что «свобода собраний была гарантирована и реализовывалась в XVII веке» в Соборном уложении 1649 г. [16, с. 168]. В этом отношении более взвешенной нам представляется оценка Д. В. Гаглоева, который исходит из тезиса «об отсутствии государственного признания и нормативного регулирования права подданных на участие в мероприятиях публично-правового характера» и обозначает этот этап как «донормативный период института публичных мероприятий» [2, с. 25].

Вместе с тем, важно отметить, что в донормативный период в начале XIX в. в России впервые появляются идеи о праве на свободу собраний; программные документы декабристов стали прообразами конституционных документов в России, в которых была предпринята попытка закрепить свободу мирных собраний. В частности, основной программный документ Южного общества декабристов 1823–1824 гг. — «Русская правда» П. И. Пестеля («Конституция — Государственный завет») — впервые прямо формально закреплял свободу мирных собраний в положениях 13, 14 главы IV «О народе в политическом отношении». При сравнении «Конституции» Н. М. Муравьева 1822–1825 гг., отражавшей идеи большинства членов Северного Тайного Общества декабристов, можно лишь косвенно вывести наличие свободы собраний у граждан

Российской империи, а именно из положений о свободе и независимости русского народа, а также о Народном Вече [39, с. 44].

Все остальные проекты реформаторских преобразований XIX в., которые были подготовлены М. М. Сперанским, М. Т. Лорис-Меликовым, хотя и содержали некоторые положения о предоставлении подданным политических прав, но прямо не фиксировали права на мирные собрания. Поэтому отцом-основателем идеи свободы мирных собраний в России можно по праву считать П. И. Пестеля, который вместе с декабристами Южного Тайного Общества предпринял первую реальную попытку закрепить праобраз конституционной свободы мирных собраний на бумаге, облекая ее в некое подобие нормативной формы.

Однако, в силу ряда исторических причин проведение конституционных реформ «сверху» по инициативе верховной власти было затруднительно, что было обусловлено в т. ч. нарастанием революционной активности в Российской империи на протяжении XIX века, началом которой стало Восстание Декабристов 14 (25) декабря 1825 г., а кульминацией этого были террористические акты в отношении двух царей: убийство Александра II, совершенное 1 (13) марта 1881 г., и покушение на жизнь Александра III 17 (29) октября 1888 г., которое обусловило его скоростижную кончину 20 октября (1 ноября) 1894 г. Эта цепь трагических исторических событий провоцировала контрреформы и обуславливала нежелание верховной власти осуществить назревшее нормативное (конституционно-правовое) закрепление политических прав подданных, включая свободу на мирные собрания. Драматические события XIX в. формировали недоверчивое отношение государства к публичным собраниям, в которых, по сути, всегда подозревали бунт против верховной власти императора. Однако, отсутствие нормативного закрепления свободы мирных собраний не гарантировало общественного порядка и безопасности. Так, исторический опыт убедительно показал, что отсутствие правового регулирования публичных мероприятий (даже на уровне административного и полицейского права) является одной из причин того, что крупномасштабные собрания могли закончиться насилием или трагедией, которой стала Ходынская катастрофа 18 (30) мая 1896 года, которая унесла жизни 1379 человек (свыше 900 человек были покалечены).

По нашему мнению, днем рождения свободы мирных собраний можно считать 6 (18) декабря 1876 г., когда состоялось самое первое публичное мероприятие — по сути митинг с политическими требованиями — около Казанского собора в Санкт-Петербурге в котором по разным оценкам приняло участие от 150 до 400 человек [36, с. 14]. «Казанскую демонстрацию» организовали члены тайной организации «Земля и воля» Г. Плеханов, А. Михайлов и М. Натансон; манифестацию посвятили борьбе за права политзаключенных в России. Первый политический митинг в России продлился лишь несколько минут: со ступеней Казанского собора Г. Плеханов выступил с краткой и весьма эмоциональной речью, которая была завершена словами: «Да здравствует свобода!». Затем Г. Плеханов достал красное знамя и передал его в руки 16-летнего рабочего Я. Потапова [18; 56, с. 213]. Митингующие подняли подростка с флагом на плечи. После этого полиция начала разгонять собравшихся. В итоге было аре-

ствовано 36 человек, из которых 5 осуждены на 10-15 лет каторжных работ, 10 приговорены к ссылке в Сибирь и трое рабочих, в т. ч. Я. Потапов, — к заточению на 5 лет в монастырь. Мирное коллективное выражение мнения было квалифицировано властями как бунт против властей: демонстрантов признали виновными «в дерзостном порицании установленного законами образа правления» (ст. 252 Уложения о наказаниях) и «преступном противодействии властям законным» (ст. 90 Уложения о наказаниях) [25, с. 5; 47]. Мирный протест и публичное выражение мнения стоили первым российским демонстрантам долгих лет заключения. Вместе с тем история убедительно доказала, что этот чрезмерно жестокий приговор имел обратное воздействие, а именно он обусловил переход революционеров к террору. Здесь уместно вспомнить знаменитые слова революционера Александра Михайлова — участника первой демонстрации в России: «когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки»¹.

**Свобода мирных собраний в России:
квазиконституционный (революционный) период 1905–1917 гг.**

Данная эпоха является временем расцвета отечественной конституционно-правовой мысли. Незавершенные либеральные реформы XIX в. и вызванные этим революционные движения в российском обществе способствовали тому, что в этот период начинают кристаллизоваться теоретико-правовые основы российского конституционализма, в т. ч. осуществляется теоретическая проработка прав и свобод граждан, а также права на свободу мирных собраний. Конец XIX в. и начало XX в. были ознаменованы плодотворной научной работой плеяды выдающихся государствоведов, которые заложили фундамент отечественной конституционно-правовой науки: М. М. Ковалевского [14, 15], Н. М. Коркунова [22, 23, 24], С. А. Котляревского [26; 49, с. 364–413], Н. И. Лазаревского [28, 29], С. А. Муромцева², П. И. Новгородцева [34, 35], Б. Н. Чичерина

¹ Полная цитата А. Д. Михайлова наглядно отображает весь спектр политических ошибок, которые были допущены со стороны властей в тот исторический период: «Какими же средствами могла располагать партия, хотя и не признанная правительством, но фактически существующая, для достижения того, в чем она видела свое призвание? Были ли у нее другие пути, кроме того, которым она пошла? Представляла ли родная жизнь возможность иного направления ее высоких стремлений? Нет!... Прежде чем начать кровавую борьбу, социалисты испробовали все средства, какими пользуются на Западе политические партии. Но за проповедь их карали каторгой, за книги — тюрьмой и ссылкой. Всякого сближающегося с народом преследовали, как неблагонамеренного; закрыли народную школу для образованных учителей и т. д. Преградили все пути, забывая, что, когда человеку, хотящему говорить, зажимают рот, то этим самым развязывают руки» — из показаний А. Д. Михайлова на следствии от 07.07.1881 г. [38, с. 157].

² Как писали «Русские ведомости», С. А. Муромцев «при жизни для всех русских, для всех европейцев стал исторической личностью, потому что с его именем начинается русская конституционная история» [49, с. 21].

[54, 55]. Возрастание гражданской и революционной активности в обществе обусловили то, что в трудах российских правоведов стала формироваться конституционно-правовая доктрина, которая создавала теоретическую базу для построения российского государства нового образца, а именно конституционного государства [26, 27], которое подразумевало и последующее законодательное оформление свободы собраний. В этом отношении можно согласиться с мнением А. В. Калининой о том, что «прогрессивные идеи отечественных дореволюционных юристов, которые во многом опирались на зарубежный опыт, заложили необходимую основу нормативно-правового обеспечения свободы собраний в России, способствовали внедрению данного института в отечественную правовую систему, создали благоприятную почву для дальнейших демократических преобразований» [12, с. 115].

Конституционалисты той эпохи тонко чувствовали и передавали в своих трудах царившие тогда общественные настроения. Так, например, А. К. Дживелегов точно подметил в своей работе 1906 г. то, что «свобода собраний есть требование политически зрелого народа... Главный смысл этого требования есть обеспечение беспрепятственной пропаганды, политической, общественной, религиозной и прочей; если народ его не предъявляет, значит, в руководящем обществе царит сознание, что большинство народа не созрело для пропаганды. Наоборот, когда за это требование начинают ожесточенную борьбу, то это является признаком наступления зрелости» [7, с. 45]. Именно ожесточенная борьба за политические права российских подданных стала разворачиваться во время Первой Русской Революции 1905 г., начало которой было положено трагическим публичным мероприятием (демонстрацией) — Кровавым воскресеньем 9 января 1905 г., когда только по официальным данным погибли 130 человек и 233 участника манифестации были ранены¹. Это трагическое событие являлось свидетельством того, что представители государства — начиная от рядового полицейского и до особ высшей императорской власти — не осознавали (или не желали осознавать) характер происходящих перемен, изменений мировоззрения и правовой культуры, наступления той самой политической зрелости народа, о которой писал А. К. Дживелегов. Поэтому мирное шествие к Зимнему дворцу с политическими требованиями в адрес царя, изложенными в петиции рабочих и жителей Санкт-Петербурга, было расценено властями в качестве неслыханной дерзости и бунта. Именно такая неадекватная оценка представителями власти в итоге повлекла за собой неоправданно жестокое подавление мирного шествия примерно ста сорока тысяч российских подданных, в ходе которого по отношению к безоружным участникам мирной манифестации применялось огнестрельное и холодное оружие [4]. После Кровавого воскресенья

¹ Точное число жертв и пострадавших так и осталось неизвестным. Однако, существуют достаточные основания предполагать, что в реальности жертв Кровавого воскресенья было больше: по подсчетам советских историков было убито до 200 человек, число раненных составило до 800 человек [33, с. 13].

стало очевидным, что необходимо законодательное и даже конституционное закрепление порядка проведения публичных собраний политического характера. Поэтому не случайной является такая хронологическая деталь — Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка (Октябрьский манифест) от 17 октября 1905 г. на несколько дней опередило издание новых временных правил о публичных собраниях по вопросам государственным, общественным и экономическим от 12 октября 1905 г. [11]. Де-факто оба документа провозглашали «незыблемые основы гражданской свободы» и декларировали свободу мирных собраний. Позднее в дополнение к ним будут изданы Временные правила проведения собраний от 4 марта 1906 г. [10]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что именно в этот исторический период в России появляется первое нормативно-правовое (по сути, конституционно-правовое) регулирование свободы мирных собраний в качестве субъективного права и одного из важнейших институтов непосредственной демократии [20, с. 1–9, с. 235–240]¹.

При анализе упомянутых конституционных документов можно сделать вывод о том, что первый императорский указ «Об установлении временных мер в дополнение действующих постановлений о собраниях» от 12.10.1905 г. являлся по своей сути актом временного характера. Главная задача этого политического документа сводилась к тому, чтобы продемонстрировать подданным, что правительственными учреждениями была начата работа над этим весьма актуальным вопросом и дело в правовом регулировании мирных собраний сдвинулось с мертвой точки. Такая оценка связана с тем, что царский указ от 12 октября 1905 г. не закреплял ни основных понятий, ни порядка согласования и проведения публичных мероприятий; однако в данном акте содержалась политическая декларация о праве подданных устраивать публичные собрания. В этом отношении изданный спустя полгода второй Именной Высочайший указ от 4 марта 1906 г. «О временных правилах о публичных собраниях» являлся полноценным нормативным правовым актом конституционного значения, который закреплял основные термины (понятие публичных и непубличных собраний), подробно регулировал порядок согласования и проведения мирных собраний, определяя полномочия властей по надзору за соблюдением установленного порядка в публичном собрании. Временные правила о собраниях сохранили свое действие вплоть до февраля 1917 г., хотя изначально предполагалось, что в последствии они будут заменены на специальный закон (*lex specialis*), который будет принят Государственной Думой; отсюда и указание в названии документа на его временный характер. Однако, в силу разных причин этому плану не было суждено сбыться и временные правила о публичных собраниях от 4 марта 1906 г. больше десятилетия (1906–1917 гг.) выполняли роль закона

¹ Важная историческая деталь была отмечена Д. В. Гяглоевым, а именно был установлен «немецкий след» в первых актах отечественного дореволюционного законодательства о свободе мирных собраний — «„Правила“ были сформулированы под сильным влиянием прусского закона „О собраниях“ от 11 марта 1850 года» (*Das Preußische Vereinsgesetz vom 11. März 1850*) [2, с. 34].

о собраниях в Российской империи. Кстати, именно «законами» отечественные парламентарии обозначали данные царские указы о свободе собраний¹.

В мае 1906 г. партией народной свободы (кадетами) в Государственную Думу I-го созыва был внесен проект закона о собраниях, который содержал отказ от системы предварительных разрешений при организации собраний под открытым небом и существенно сокращал свободу усмотрения властей при проведении мирных собраний. Однако, в силу объективных причин, а именно из-за досрочного роспуска Государственной Думы I-го созыва в июле 1906 г., депутаты успели обсудить лишь некоторые положения этого либерального законопроекта, который так и не получил силу закона².

Подводя промежуточный итог, можно признать, что Октябрьский манифест и, используя лексику парламентариев той эпохи, «Закон 12 октября 1905 г.» и «Закон 4 марта 1906 г.» фактически представляли собой конституционно-правовые акты, в которых впервые было закреплено право российских подданных на проведение мирных публичных собраний. Однако, при этом реальная правоприменительная практика носила рестриктивный характер, поскольку реализация права на свободу собраний в большей степени находилась в зависимости от субъективного усмотрения государственных властей. Так, положение дел было весьма точно охарактеризовано видным российским государствоведом Н. И. Лазаревским: «свобода собраний в том виде, в каком она установлена настоящим законом, есть свобода собираться, если полиция сообразовалась, и не расходиться, пока полиции то благоугодно» [28, с. 34].

В ходе короткого республиканского периода (февраль-ноябрь 1917 г.) на смену Октябрьского манифеста и временных правил о публичных собраниях 4 марта 1906 г. пришло постановление Временного правительства от 12 апреля 1917 г. «О собраниях и союзах» [37], которое представляло собой краткий документ, содержащий восемь пунктов, три из которых были посвящены вопросам реализации права на свободу мирных собраний российских граждан. В частности, пункт первый постановления закреплял, что «все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, устраивать собрания как в закрытом помещении, так и под открытым небом». Таким образом, Временное правительство России *de-jure* осуществило переход от безусловного требования предварительного разрешения (согласования) публич-

¹ «Манифест 17 октября 1905 г., провозгласивший принцип правового государства, должен был признать и начало свободы собраний. Но действующий ныне по сему вопросу Закон 4 марта 1906 г., как и предшествующий ему Закон 12 октября 1905 г., представляет собой не что иное, как неудачную попытку согласовать старые начала с новыми требованиями, как очевидное стремление прикрыть новыми формами старое содержание» [40, с. 309].

² Проект закона о собраниях. Внесен в Государственную Думу первого созыва кадетами 30 мая 1906 г. и был составлен по образцу французского закона о собраниях от 30 июня 1881 г. [19].

ных собраний к полной его отмене. В двух оставшихся пунктах постановление Временного правительства от 12.04.1917 г. «О собраниях и союзах» (п. 2 и 3) устанавливались ограничения свободы собраний, в частности закреплялось, что «собрания на рельсовых путях возбраняются, собрания же на прочих путях сообщения, улицах и площадях допускаются, поскольку они не препятствуют свободному движению». Также закреплялось, что «на собрания не вправе иметь доступ лица вооруженные, за исключением тех, коим ношение оружия присвоено законом».

Таким образом, акт Временного правительства *de-facto* представлял собой реформу права публичных собраний, суть которой сводилась к существенной либерализации порядка осуществления свободы собраний. Однако, с другой стороны, руководствуясь идеалистическими соображениями, Временное правительство приняло поспешное и весьма опрометчивое решение о полном отказе от всяческого правового регулирования процессуальных моментов порядка проведения публичных собраний и тем самым создало опасные предпосылки для возникновения правовой неопределенности и хаоса. Последовавшие исторические события — усиливавшаяся анархия в стране и антиправительственные выступления в июле 1917 г. — подтвердили важность сбалансированного подхода к правовому регулированию свободы собраний, которое не будет чрезмерно ограничивать гражданскую активность и вместе с тем будет гарантировать стабильность государственного строя и общественный порядок. Однако, Временному правительству не суждено было найти этот баланс...

Свобода мирных собраний в советский период (1917–1991 гг.)

В отношении советского периода нами применена упрощенная периодизация, которая не предполагает подразделение развития в советском государстве на какие-либо этапы (например, по времени принятия советских конституций). Выбор нами этого подхода обусловлен с тем, что на протяжении практически всей советской эпохи практиковался простой метод правового регулирования по отношению к свободе мирных собраний, которая лишь декларировалась в конституционных документах. Однако, свобода мирных собраний не детализировалась в советском законодательстве и подзаконных актах. При этом конституционные декларации свободы мирных собраний в СССР и РСФСР (а равно и других советских республиках) сопровождалась запретительной и репрессивной правоприменительной практикой, которая убедительно подтверждает этот прискорбный вывод.

На первом этапе строительства советского государства использовался сугубо классовый подход, согласно которому свободой собраний наделялись только трудящиеся. Так, согласно Конституции РСФСР 10 июля 1918 г. за трудящимися гражданами РСФСР признавалось право свободно устраивать собрания, митинги, шествия. Особенность конституционного регулирования свободы

собраний состояла в том, что советское государство закрепляло также ряд материальных гарантий свободы мирных собраний (также по отношению к собраниям, проводимым в помещениях). Так, первая советская конституция закрепляла то, что государством в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты предоставляются все пригодные для народных собраний помещения с обстановкой, освещением и отоплением (п. 15 главы 5 Конституции РСФСР 1918 г.)¹. По сути, этими декларациями ограничивалось правовое регулирование свободы собраний на первоначальном этапе развития советского государства и права. Первая Конституция СССР от 31 января 1924 года не содержала правового регулирования свободы мирных собраний, т. к. в ней не было отдельного раздела о правах и свободах советских граждан.

«Сталинская конституция» закрепила идеологический характер свободы мирных собраний: было прямо указано, что данная конституционная свобода реализуется в интересах трудящихся в целях укрепления социалистического строя (п. «в» и «г» ч. 1 ст. 125 главы X). Конституция СССР 1936 г. снова воспроизвела набор материальных гарантий для свободы собраний: согласно конституционным положениям государство обеспечивает трудящимся и их организациям для реализации свободы собраний предоставление типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления (ч. 2 ст. 125 Конституции СССР 1936 г.)².

В поздний советский период — в Брежневскую эпоху — конституционным законодателем применялась точно такая же техника правотворчества: положений Конституции СССР дублировались затем в тексте конституции отдельных советских республик. Конституции эпохи «развитого» социализма содержат идентичные положения: во-первых, закреплялся идеологический характер свободы мирных собраний, которая должна реализовываться лишь в соответствии с интересами советского народа и только в целях укрепления и развития социалистического строя (ч. 1 ст. 50 Конституции СССР 1977 г.; ч. 1 ст. 48 Конституции РСФСР 1978 г.); во-вторых закреплялись материальные гарантии свободы мирных собраний и иных политических прав и свобод: «осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распростране-

¹ Конституция РСФСР 1925 г. воспроизвела положения первой конституции РСФСР 1918 г.; однако из конституционного текста были исключены материальные гарантии свободы мирных собраний; так, конституционный законодатель исключил положения о том, что для реализации свободы мирных собраний государство предоставляет помещения с обстановкой, освещением и отоплением. Новеллой Конституции РСФСР 1925 г. было то, что в качестве субъекта права на свободу мирных собраний наряду с рабочим классом было указано крестьянство (при этом из конституционного текста исчезло упоминание «крестьянской бедноты»).

² Конституция РСФСР 1937 г. инкорпорировала все положения «Сталинской конституции».

нием информации, возможностью использования печати, телевидения и радио» (ч. 2 ст. 50 Конституции СССР 1977 г.; ч. 2 ст. 48 Конституции РСФСР 1978 г.).

Вместе с тем, несмотря на высокий уровень конституционных гарантий, советский период как для свободы мирных собраний, так и для остальных политических прав и свободы человека был временем неблагоприятным. Суть свободы собраний состоит в праве на свободную и публичную критику власти, что априори было невозможно в советском государстве, что следовало как из текста конституционных документов, так и обширной репрессивной практики. Фундаментальная идеологическая установка советской правовой системы фактически предопределяла общий запрет публичных протестов с критикой советского государства. Были допустимы только те публичные мероприятия, которые служили «укреплению и развитию социалистического строя», в круг которых попадали организованные государством военные парады и майские демонстрации. Общий вывод о том, что в Советском Союзе не было свободы собраний в ее исконном конституционном смысле, а именно в качестве права на открытый мирный протест против власти, могут убедительно подтвердить трагические примеры из нашей истории, когда советское государство жестоко подавляло свободу мирных собраний [42, с. 103]¹.

Только в последние годы существования СССР — в ходе перестройки — с активным ростом публичных протестов стало очевидно, что нужно дополнять конституционные декларации специальными нормативными актами, которые детально регулировали бы процессуальные аспекты реализации свободы мирных собраний в советском государстве [45, с. 64; 46, с. 36]. Первым и последним советским актом стал Указ Президиума ВС СССР от 28 июля 1988 г. «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» [52], который имел временный характер, поскольку в нем было

¹ 5–9 марта 1956 г. — митинги в Грузии — Тбилиси, Батуми, Кутаиси, Рустави, Сухуми с требованиями об отмене решений XX съезда КПСС и восстановлении доброго имени Сталина; 09.03.1956 г. войска подавили выступления в Тбилиси при помощи танков и огнестрельного оружия; число жертв засекречено (по разным оценкам было убито от 150 до 1500 человек); «Новочеркасский расстрел»: 2 июня 1962 г. — расстрел семитысячной мирной демонстрации в Новочеркасске с экономическими требованиями; убито — 26 человек; 87 — получили ранения; при разгоне рабочих использовали танки и огнестрельное оружие; 25.08.1968 г. — сидячая «демонстрация семерых» на Красной площади — пацифистский протест против ввода войск в Чехословакию; участники мирного протеста признаны виновными в совершении преступлений по ст. 190.1. УК РСФСР «распространение клеветнических измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй» и ст. 190.3 УК РСФСР «групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок»: К. Бабицкий, Л. Богораз, Д. Литвинов — от 3 до 5 лет ссылки; В. Делоне, В. Дремлюга — исправительно-трудовые лагеря на 2 года 10 месяцев и 3 года соответственно; Н. Горбаневская, В. Файнберг — принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа [8, с. 7–23].

прямо закреплено, что указ действует до принятия соответствующего законодательного акта, который так и не был принят.

Указ Президиума ВС СССР от 28 июля 1988 г. содержал всего 7 пунктов. Указом устанавливался порядок подачи письменного заявления о проведении мирного собрания, которое следовало подавать не позднее 10 дней до даты проведения мероприятия. Закреплялось, что правом на подачу уведомления обладают граждане, достигшие 18 лет. Также указом определялись сроки согласования: заявление о проведении публичного мероприятия должно быть рассмотрено исполнительным комитетом не позднее чем за 5 дней до даты проведения мероприятия. Согласно указу исполком был наделен правом по изменению места и времени мирного собрания, а именно правом предложить иные время и место проведения, а также правом запретить проведение публичного мероприятия, если его цель противоречит советской конституции, а также оно угрожает общественному порядку и безопасности граждан. Таким образом, советский законодатель оставил «идеологическую зацепку», при помощи которой можно было блокировать проведение некоторых публичных мероприятий. Другим указом была закреплена ответственность за нарушение правил организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций [51].

Важным этапом развития свободы собраний в России стал проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии», разработанный известным ученым, академиком, депутатом, лауреатом Нобелевской премии мира, диссидентом и правозащитником А. Д. Сахаровым. Проект предусматривал, что «Конституция Союза гарантирует гражданские права человека — свободу убеждений, свободу слова и информационного обмена, свободу религии, свободу ассоциаций, митингов и демонстраций, свободу эмиграции и возвращения в свою страну, свободу поездок за рубеж, свободу передвижения, выбора места проживания, работы и учебы в пределах страны, неприкосновенность жилища, свободу от произвольного ареста и необоснованной медицинской необходимостью психиатрической госпитализации. Никто не может быть подвергнут уголовному наказанию за действия, связанные с убеждениями, если в них нет насилия, призывов к насилию, иного ущемления прав других людей или государственной измены» (статья 6). 27 ноября 1989 г. А. Д. Сахаров передал проект конституции председателю Конституционной комиссии Съезда народных депутатов СССР М. С. Горбачеву; концепция конституционного проекта была публично представлена в рамках знаменитого выступления академика А. Д. Сахарова на I съезде народных депутатов СССР 9 июня 1989 г., которое вошло в историю как «речь свободы». 14 декабря 1989 года народный депутат СССР А. Д. Сахаров скоропостижно скончался.

Подводя итог под характеристикой развития свободы собраний в советском государстве, уместно будет вспомнить слова советского диссидента, поэта, математика и философа Есенина-Вольпина, вышедшего на митинг гласности 5 декабря 1965 г. с лозунгом «Уважайте свою Конституцию!»: «Если человека, стоящего в День Конституции с такой надписью, уволакивают с площади, то,

наверное, эти люди не очень уважают Конституцию» [5]. Таким образом, нам остается лишь вновь повторить основной вывод о том, что в рамках системы советского права и государства конституционное право на свободу мирных собраний было поставлено в жесткие идеологические рамки и эта свобода имела декларативный характер [3, с. 79; 8]. Применение цензуры, запретов, репрессий имело системный характер и лишь в последние годы существования СССР были предприняты первые шаги по разработке и принятию советского законодательства, регулирующего реализацию свободы мирных собраний.

Заключение: свобода собраний в современный период (1991–2022 гг.)

Современное конституционное законодательство о свободе мирных собраний начинает формироваться в России после принятия Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 г. [6] и после существенного обновления в 1992 г. Конституции (Основного Закона) РСФСР 1978 г. [9], а также после принятия на всенародном голосовании Конституции РФ 12 декабря 1993 г. На первоначальном этапе формирования права публичных собраний современной России регулирование отношений, складывающихся в ходе практической реализации конституционной свободы мирных собраний, осуществлялось при помощи подзаконных нормативных актов и при помощи советских нормативных правовых актов. Так, на протяжении 12 лет, а именно с 21 апреля 1992 по 3 ноября 2004 г., основным документом, который регулировал порядок реализации конституционной свободы мирных собраний в России, был президентский указ Б. Н. Ельцина [50].

На основе проведенного анализа можно констатировать, что после принятия Конституции РФ 1993 г. государство воздерживалось от разработки отдельного нормативного правового акта на федеральном уровне по вопросам свободы мирных собраний. На протяжении более 10 лет (1991–2004) правовое регулирование свободы мирных собраний осуществлялось на основе ст. 31 Конституции РФ, положений Указа Президента РФ 1992 г., а также при помощи значительного числа региональных и муниципальных нормативных правовых актов, которые «обеспечивали содержательное наполнение и развитие института публичных мероприятий за счет опережающего по отношению к положениям федерального законодательства характера» [44, с. 32]. Однако, важно также отметить феномен времени 1991–2004 гг.: в этот период свобода мирных собраний находила свою реализацию; граждане могли реально воспользоваться этой конституционной свободой, несмотря на отсутствие должной нормативно-правовой базы. Только в 2004 г. был принят отдельный специальный закон по вопросам свободы собраний [53] и с этого момента начинают формироваться правовые позиции Конституционного Суда России [43, с. 49], который принял первое постановление по ст. 31 Конституции РФ в 2012 году. Всего за период 2012–2022 гг. Конституционный Суд России принял двенадцать постановлений по вопросам реализации конституционного права на свободу мирных собраний в России, а также более тридцати «отказных определений» [48, с. 20]. Принимая

во внимание сформировавшееся конституционное и административное законодательство, а также обширную правоприменительную практику, можно сделать вывод о том, что после 1993 г. современная Россия совершает последовательное и весьма непростое восхождение к праву [1] публичных собраний, которое осложняется большим количеством дефектов как законодательства, так и правоприменительной практики [17, с. 24]. Вместе с тем эта вершина — право публичных собраний — очень важная цель на пути восхождения к праву нашей страны, поскольку именно благодаря ему будут созданы надежные гарантии и условия для практической реализации конституционной свободы на мирные собрания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. Москва: Издательство НОРМА, 2011. 752 с.
2. Гаглоев Д. В. Конституционно-правовое регулирование института публичных мероприятий в Российской Федерации и странах Европы на современном этапе: сравнительно-правовое исследование: дисс. ... канд. юрид. наук / Д. В. Гаглоев. Москва, 2015. 256 с.
3. Гаглоев Д. В. Эволюция института публичных мероприятий в России / Д. В. Гаглоев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 79-90.
4. Девятое января 1905 года. Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1969-1978.
5. Декабрьское восстание — Митинг гласности // Такие дела. 07.12.2015. URL: https://takiedela.ru/2015/12/miting_glasnosti/ (дата обращения: 29.04.2022).
6. Декларация прав и свобод человека и гражданина, утв. постановлением ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.
7. Дживелегов А. К. Права и обязанности граждан в правовом государстве / А. К. Дживелегов. Москва: Труд и Воля, 1906. 155 с.
8. Дмитриев Ю. А. Свобода манифестаций в СССР / Ю. А. Дмитриев. Москва: Манускрипт, 1991. 136 с.
9. Закон РФ от 21.04.1992 № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 20. Ст. 1084.
10. Именной Высочайший Указ Правительствующему Сенату о временных правилах о собраниях от 4 марта 1906 года // Собрание узаконений Российской империи. 7 марта 1906 года. Отд. I. Ст. 309 URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5206/> (дата обращения: 28.04.2022).
11. Императорский Высочайший Указ «Об установлении временных мер в дополнение действующих постановлений „О собраниях“» // Правительственный вестник. 1905. № 222.
12. Калинина А. В. Свобода собраний в юридической и общественно-политической мысли дореволюционной России / А. В. Калинина // Антология конституционных

- учений / Под общей ред. д-р. юрид. наук, профессора В. И. Червонюка. Москва: Миттель-Пресс, 2009. 492 с.
13. Ключевский В. О. Сочинения в 9 т. / В. О. Ключевский. Москва: Мысль, 1990. Том 9. 472 с.
  14. Ковалевский М. М. Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма / М. М. Ковалевский. Берлин: Штейниц, 1904. 117 с.
  15. Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений России / М. М. Ковалевский; пер. с разрешения автора А. Баумштейна, под ред. Е. Смирнова. Санкт-Петербург: Издательство Н. Глаголева, 1908. 242 с.
  16. Колмаков С. Ю. Свобода собраний в Соборном уложении 1649 г. / С. Ю. Колмаков // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики (к юбилею доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации Ю. И. Скуратова): материалы международной научно-практической конференции / Под ред. Э. Л. Раднаевой, Ю. Г. Хамнуева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2018. С. 168–173.
  17. Кондрашев А. А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика / А. А. Кондрашев // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 24–44.
  18. Константинова М. Протест у Казанского. Как в России прошла первая политическая демонстрация / М. Константинова // Аргументы и факты-Петербург. 18.12.2014. URL: <https://spb.aif.ru/politic/action/1409831> (дата обращения: 28.04.2022).
  19. Конституционно-демократическая партия. Законодательные проекты и предположения Партии народной свободы 1905–1907 гг. / Под ред. Н. И. Астрова. Санкт-Петербург: Типография товарищества «Общественная польза», 1907. XX, 386 с.
  20. Конституция Российской Империи. Высочайшие манифесты о народном представительстве. Основные законы: Положения о Государственной думе и Государственном совете. Законы о выборах, об усиленной и чрезвычайной охране, о личных и общественных правах граждан, о свободной печати, об обществах, союзах и публичных собраниях / Примеч. и вступ. ст. Л. Слонимского. Санкт-Петербург, 1908. 240 с.
  21. Коркунов Н. М. История философии права. Пособие к лекциям. 6-е изд. / Н. М. Коркунов. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1915. 502 с.
  22. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Том I. Введение и общая часть. 6-е изд. / Н. М. Коркунов. Под ред. М. Б. Горенберга. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. 623 с.
  23. Коркунов Н. М. Русское государственное право. Том II. Часть особенная. 6-е изд. / Н. М. Коркунов. Под ред. М. Б. Горенберг. Санкт-Петербург: Типография Стасюлевича, 1909. 749 с.
  24. Коркунов Н. М. Сборник статей профессора Петербургского университета Н. М. Коркунова, 1877–1897: общие вопросы права, история права, государственное право, международное право / Н. М. Коркунов. Санкт-Петербург: магазин Н. К. Мартынова, 1898. 567 с.
  25. Корольчук Э. А. Первая рабочая демонстрация в России. К пятидесятилетию демонстрации на Казанской площади в Петербурге 6/18 дек. 1876 г. / Э. А. Корольчук // Сборник воспоминаний и документов сост. Э. А. Корольчук. Отд. Ленинградского губ. комитета ВКП(б) по изучению истории Октябрьской революции и ВКП(б). Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1927. 95 с. URL: <http://www-lib.tufts.ac.jp/opac/en/recordID/catalog.bib/BA29384360?hit=-1&caller=xc-search>

26. Котляревский С. А. Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора / С. А. Котляревский. Санкт-Петербург, 1907. 255 с.
27. Кривенцова А. В. Концепция конституционного государства С. А. Котляревского: дисс. ... канд. юрид. наук / А. В. Кривенцова / Владимир, 2008. 218 с.
28. Лазаревский Н. И. Временные правила о собраниях / Н. И. Лазаревский // Право. 1905. № 5–6. С. 33–42.
29. Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Том I: Конституционное право / Н. И. Лазаревский. Санкт-Петербург, 1913. 682 с.
30. Лукин П. В. «Народные собрания» у восточных славян: возможности сравнительного анализа / П. В. Лукин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. Москва, 2004. № 3 (17). С. 5–11.
31. Матвеев В. Ф. Право публичных собраний: Очерк развития и современной постановки права публичных собраний во Франции, Германии и Англии / В. Ф. Матвеев. Санкт-Петербург: типография товарищества «Общественная польза», 1909. 387 с. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10080941> (дата обращения: 29.04.2022).
32. Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции. Опыт по истории римского права / С. А. Муромцев. Москва: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1875. 192 с.
33. Невский В. И. Январские дни в Петербурге 1905 года / В. И. Невский // Красная летопись. 1922. Том 1. 507 с.
34. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения в области философии права / П. И. Новгородцев. Москва: Университетская типография, 1901. 253 с.
35. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Приложение к журналу «Вопросы философии» / П. И. Новгородцев. Москва: Издательство «Пресса», 1991. 640 с.
36. Пелевин Ю. А. Первая протестная демонстрация в России / Ю. А. Пелевин // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 14–30.
37. Постановление Временного правительства «О собраниях и союзах» от 12 апреля (30 марта) 1917 года // Вестник Временного правительства. 1917. № 35/81.
38. Прибылева-Корба А. П. Народолец Александр Дмитриевич Михайлов / А. П. Прибылева-Корба, В. Н. Фигнер. Ленинград; Москва: Государственное издательство, 1925. 230 с.
39. Рубаник С. А. Гражданское состояние, свободы, права и обязанности жителей России в конституционных проектах П. И. Пестеля и Н. М. Муравьева / С. А. Рубаник // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 2 (13). С. 44–46.
40. Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: сборник документов / Авторы-составители А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. Москва: Гардарика, 2001. 489 с.
41. Саленко А. В. Праобразы свободы мирных собраний в древнем русском праве / А. В. Саленко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2017. Том 42. № 24 (273). С. 146–152.
42. Саленко А. В. Свобода мирных собраний в СССР: советский опыт и его значение для современной Российской Федерации / А. В. Саленко // Конституция и общественный прогресс. Вторые Прокопьевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции / Отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. 2019. 243 с.

43. Саликов М. С. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации: понятие и система / М. С. Саликов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 5 (250). С. 49–59.
44. Симонова С. В. Конституционно-правовое регулирование публичных мероприятий в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук / С. В. Симонова. Москва: Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, 2017. 240 с.
45. Скуратов Ю. И. Политические свободы граждан СССР: проблемы реализации / Ю. И. Скуратов // Конституционная реформа в СССР: актуальные проблемы. Москва: Издательство ИГиП АН СССР, 1990. 126 с.
46. Скуратов Ю. И. Свобода собраний, митингов и демонстраций: теория и практика / Ю. И. Скуратов // Современное государство и право. Москва: Наука, 1989. № 7. С. 36–42.
47. Смирнов С. Дело о массовых беспорядках в Империи / С. Смирнов // Медиазона. 06 мая 2015. URL: https://zona.media/article/2015/06/05/ih_6_maya (дата обращения: 28.04.2022).
48. Тарибо Е. В. Проблемы реализации свободы выражений мнений и свободы собраний в практике конституционного правосудия / Е. В. Тарибо // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 2. С. 20–31.
49. Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х т. Том 2 / В. А. Томсинов. Москва: Зерцало, 2007. 662 с.
50. Указ Президента РФ от 25.05.1992 № 524 «О порядке организации и проведения митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирований» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 22. Ст. 1216.
51. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 июля 1988 года № 9715-XI «Об ответственности за нарушение установленного порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций» // Ведомости ВС РСФСР. 1988. № 31. Ст. 1005.
52. Указ Президиума Верховного Суда СССР от 28 июля 1988 г. «О порядке организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1988. № 31. С. 504.
53. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 № 54-ФЗ // КонсультантПлюс.
54. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Том 1–3 / Б. Н. Чичерина. Москва: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892>
55. Чичеринъ Б. Н. Конституционный вопросъ въ Россіи / Б. Н. Чичеринъ. С.-Петербургъ: Товарищества печатного станка, 1906. 34 с.
56. Шустерман С. С. О судьбе рабочего-революционера Я. С. Потапова / С. С. Шустерман // Вопросы истории. 1960. № 11. С. 213–215.
57. Avenarius Martin. Rezeption des römischen Rechts in Rußland. Dmitrij Mejer, Nikolaj Djuvernua und Iosif Pokrovskij / Martin Avenarius // Wallstein Verlag Göttingen. 2004. 80 s.

Alexander V. SALENKO¹

UDC 342.7, 342.729, 342.4

EVOLUTION OF THE PUBLIC ASSEMBLY LAW IN RUSSIA

¹ Dr. Sci. (Jur.), Master of Law (Göttingen),
Associated Professor, Department of International and European Law,
Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)
asalenko@kantiana.ru

Abstract

In Russia, from the end of the 19th century to the present day, the public assembly law, which regulates the implementation of the constitutional right to freedom of peaceful assembly, is in the process of constant development. The author conducts a historical and legal analysis of domestic legislation, as well as constitutional and legal ideas in the field of the public assembly law. Based on the analyses, the author came to conclusion that the first constitutional ideas regarding formal fixation of the subjective right of citizens to freedom of peaceful assembly were expressed by the Decembrists in their program documents. The author comes to the conclusion that in the time of Russian revolutions of 1905-1917 the process of the real elaboration of constitutional norms regulating the right of public assembly has been started; exactly at that time based on the idea of the constitutional state the Russian legal scholars have prepared the domestic doctrine of the public assembly law, which was elaborated based on comparative research (for example, the Russian legal scholars have analyzed and applied the German legal doctrine of *Versammlungsrecht*). The article provides a periodization of the development of the public assembly law in Russia. It is also noted that the constitutional and legal tradition of pre-revolutionary lawyers, according to which the public assembly law has been defined in domestic public law, was then interrupted in the Soviet era, when the freedom of peaceful assembly has had merely a declarative character. The general conclusion is that at present moment in the Russian legal system there is a process of the gradual formation of the public assembly law, which combines the norms of the Constitution of Russia, federal laws, as well as the practice of

---

Citation: Salenko A. V. 2022. “Evolution of the public assembly law in Russia”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 2 (30), pp. 106–128.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-106-128

---

the Constitutional Court of Russia and courts of general jurisdiction. The author considers that today the Russian Federation is making a slow and associated with a significant number of problems ascent to the law — the arduous climb to the public assembly law.

Keywords

Freedom of peaceful assembly, public events, public protest law, public assembly law, Russia, Russian Empire, USSR, demonstrations, rallies, processions, pickets.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-106-128

REFERENCES

1. Alekseyev S. S. 2011. *Ascension to the Law. Searches and solutions*. Moscow: NORMA Publishing House. 752 p. [In Russian]
2. Gagloyev D. V. 2015. “Constitutional and legal regulation of the institution of public events in the Russian Federation and European countries at the present stage: comparative legal research”. Cand. Sci. (Jur.) diss. Moscow. 256 p. [In Russian]
3. Gagloev D. V. 2013. “Evolution of the public assembly institute in Russia”. *Peoples’ Friendship University of Russia Herald. Series: Legal sciences*, no. 4, pp. 79–90. [In Russian]
4. 9th January 1905. *Great Soviet Encyclopedia*. In 30 vol. Edited by A. M. Prokhorov. 3rd ed. Moscow: Soviet encyclopedia, 1969–1978. [In Russian]
5. Takiye dela. 7 December 2015. *December Uprising. Glasnost Rally*. Accessed on 29 April 2022. https://takiedela.ru/2015/12/miting_glasnosti/ [In Russian]
6. *Vedomosti of congress of people’s deputies of RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR*. 1991. No. 52. Art. 1865. Declaration of the rights and freedoms of man and citizen, approved by the Decree of the Supreme Council of the RSFSR dated 22 November 1991 no. 1920-1. [In Russian]
7. Dzhivelegov A. K. 1905. *Rights and obligations of citizens in a constitutional state*. Moscow: *Trud i Volya*. 155 p. [In Russian]
8. Dmitriyev Y. 1991. *Freedom of manifestation in the USSR*. Moscow: *Manuskript*. 136 p. [In Russian]
9. *Vedomosti of the congress of people’s deputies and the Supreme Court of the Russian Federation*. 1992. No. 20. Art. 1084. Law of the Russian Federation of 21 April 1992 no. 2708-1 “On amendments and additions to the constitution (Basic Law) of the RSFSR”. [In Russian]
10. *Collection of legalizations of the Russian Empire*. 7 March 1906. Dep. 1. Art. 309. Nominal Supreme Decree to the Governing Senate on temporary rules on meetings of 4 March 1906. Accessed on 28 April 2022. <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5206/> [In Russian]
11. *Government Gazette*. 1905. No. 222. Imperial Highest Decree “On the establishment of temporary measures in addition to the existing resolutions ‘On meetings’”. [In Russian]

12. Kalinina A. V. 2009. "Freedom of assembly in the legal and socio-political thought of pre-revolutionary Russia". Anthology of constitutional doctrines. Edited by V. I. Chervonyuk (Dr. Sci. (Jur.) and Professor). Moscow: Mittel-Press. 492 p. [In Russian]
13. Klyuchevsky V. O. 1990. Works in 9 vol. Moscow: Thought. Vol. 9. 472 p. [In Russian]
14. Kovalevsky M. M. 1904. The Constitution of Count Loris-Melikov and his private letters. Berlin: Steinitz. 117 p. [In Russian]
15. Kovalevsky M. M. 1908. Essays on the history of political institutions in Russia. Translated with the permission of the author by A. Baumstein, edited by E. Smirnova. Saint-Petersburg: N. Glagolev Publishing House. 242 p. [In Russian]
16. Kolmakov S. Yu. 2018. "Freedom of assembly in the Cathedral Code of 1649". Actual problems of modern legal science and practice (on the anniversary of Yu. I. Skuratov Dr. Sci. (Jur.), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation): materials of International Scientific and Practical Conference. Edited by E. L. Radnaeva, Yu. G. Khamnueva. Ulan-Ude: Buryat State University Press. Pp. 168–173. [In Russian]
17. Kondrashev A. A. 2017. "Freedom of assembly in Russia: systemic defects in legislation and political and legal practice". Comparative constitutional review, no. 6 (121), pp. 24–44. [In Russian]
18. Konstantinova M. 2014. "Protest at Kazansky. How did the first political demonstration take place in Russia? Arguments and facts-Petersburg. Accessed on 28 April 2022. <https://spb.aif.ru/politic/action/1409831> [In Russian]
19. Astrov N. I. 1907. Constitutional Democratic Party. Legislative drafts and assumptions of the People's Freedom Party 1905-1907. Saint-Petersburg: Printing House of the Association "Obschestvennaya polza". XX. 386 p.
20. Slonimsky L. (ed.). 1908. Constitution of the Russian Empire. The highest manifestos on popular representation. Basic laws: Regulations on the State Duma and the State Council. Laws on elections, on enhanced and emergency protection, on the personal and public rights of citizens, on the free press, on societies, unions and public meetings. Saint-Petersburg. 240 p. [In Russian]
21. Korkunov N. M. 1915. History of philosophy of law. A guide to lectures. 6th ed. Saint-Petersburg: Printing House of M. M. Stasyulevich. 502 p. [In Russian]
22. Korkunov N. M. 1909. Russian state law. Vol. 1. Introduction and general part. 6th ed. Edited by M. B. Gorenberg. Saint-Petersburg: Printing House of M. M. Stasyulevich. 623 p. [In Russian]
23. Korkunov N. M. 1909. Russian state law. Vol. 2. Special part. 6th ed. Edited by M. B. Gorenberg. Saint-Petersburg: Printing House of Stasyulevich. 749 p. [In Russian]
24. Korkunov N. M. 1898. Collection of articles made by N. M. Korkunov (Professor of Saint-Petersburg University), 1877–1897: general questions of law, history of law, state law, international law. Saint-Petersburg: shop of N. K. Martynov. 567 p. [In Russian]
25. Korolchuk E. A. 1927. "The first working demonstration in Russia. On the 15th anniversary of the demonstration on Kazanskaya Square in Saint-Petersburg 6/18 December 1876". Collection of memoirs and documents composed by E. A. Korolchuk. Department of the Leningrad Province Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks for the Study of the History of the October Revolution and the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Moscow; Leningrad: State Publishing House. 95 p. <http://www-lib.tufts.ac.jp/opac/en/recordID/catalog.bib/BA29384360?hit=-1&caller=xc-search> [In Russian]
26. Kotlyarevsky S. A. 1907. Constitutional state: experience of political and morphological review. Saint-Petersburg. 255 p. [In Russian]

27. Kriventsova A. V. 2008. "The concept of the constitutional state of S. A. Kotlyarevsky". Cand. Sci. (Jur.) diss. Vladimir. 218 p. [In Russian]
28. Lazarevsky N. I. 1905. "Provisional rules on meetings". Law, no. 5–6, pp. 33–42. [In Russian]
29. Lazarevsky N. I. 1913. Russian state law. Vol. 1: Constitutional law. Saint-Petersburg. 682 p. [In Russian]
30. Lukin P. V. 2004. "'People's meetings' among the Eastern Slavs: the possibility of a comparative analysis". Ancient Russia. Questions of medieval studies, no. 3 (17), pp. 5–11. [In Russian]
31. Matveev V. F. 1909. Law of public meetings: Essay on the development and modern formulation of the law of public meetings in France, Germany and England. Saint-Petersburg: Printing House of the Association "Obschestvennaya polza". 387 p. Accessed on 29 April 2022. <http://books.e-heritage.ru/book/10080941> [In Russian]
32. Muromtsev S. A. 1875. On the conservatism of Roman jurisprudence. Experience in the history of Roman law. Moscow: Printing house of A. I. Mamontov and Co. 192 p. [In Russian]
33. Nevsky V. I. 1922. "January days in St. Petersburg in 1905. Red Chronicle, vol. 1. 507 p. [In Russian]
34. Novgorodtsev P. I. 1901. Kant and Hegel in their teachings on law and the state: Two typical constructions in the field of philosophy of law. Moscow: University Printing House. 253 p. [In Russian]
35. Novgorodtsev P. I. 1991. On the social ideal. Supplement to the journal "Questions of Philosophy". Moscow: Press Publishing House. 640 p. [In Russian]
36. Pelevin Yu. A. 2012. "The first protest demonstration in Russia". Questions of history, no. 8, pp. 14–30. [In Russian]
37. Bulletin of the Provisional Government. 1917. No. 35/81. Decree of the Provisional Government "On meetings and unions" of 12 April 12 (30 March) 1917. [In Russian]
38. Pribyleva-Korba A. P., Figner V. N. 1925. Narodovolets Alexander Dmitrievich Mikhailov. Leningrad; Moscow: State Publishing House. 230 p. [In Russian]
39. Rubanik S. A. 2013. "Civil status, freedoms, rights and obligations of the inhabitants of Russia in the constitutional projects of P. I. Pestel and N. M. Muravyov". Vector of Science of Togliatti State University. Series: Legal Sciences, no. 2 (13), pp. 44–46. [In Russian]
40. Gogolevsky A. V., Kovalev B. N. (ed.). 2001. Russian constitutionalism: from autocracy to a constitutional-parliamentary monarchy: a collection of documents. Moscow: Gardariki. 489 p. [In Russian]
41. Salenko A. V. 2017. "The prototypes of freedom of peaceful assembly in ancient Russian law". Scientific Bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right, vol. 42, no. 24 (273), pp. 146–152. [In Russian]
42. Salenko A. V. 2019. "Freedom of peaceful assembly in the USSR: Soviet experience and its significance for the modern Russian Federation". Constitution and social progress. Second Prokopiev Readings. Materials of the international scientific-practical conference. Edited by M. S. Salikov, O. A. Zayachkovsky. 243 p. [In Russian]
43. Salikov M. S. 2003. "Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: concept and system". News of higher educational institutions. Jurisprudence, no. 5 (250), pp. 49–59. [In Russian]

-
44. Simonova S. V. 2017. "Constitutional and legal regulation of public events in the Russian Federation". Cand. Sci. (Jur.) diss. Moscow: Moscow State Law University named after O. E. Kutafina. 240 p. [In Russian]
  45. Skuratov Yu. I. 1990. "Political freedoms of citizens of the USSR: implementation problems". Constitutional reform in the USSR: actual problems. Moscow: Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences Publishing House. 126 p. [In Russian]
  46. Skuratov Yu. I. 1989. "Freedom of assembly, rallies and demonstrations: theory and practice". Modern state and law, no. 7, pp. 36–42. [In Russian]
  47. Smirnov S. 2015. "The case of mass riots in the Empire". Mediazona. Accessed on 28 April 2022. https://zona.media/article/2015/06/05/ih_6_maya [In Russian]
  48. Taribo E. V. 2018. "Problems of implementation of freedom of expression and freedom of assembly in the practice of constitutional justice". Constitutional and municipal law, no. 2, pp. 20–31. [In Russian]
  49. Tomsinov V. A. 2007. Russian jurists of the 18th-20th centuries: Essays on life and creativity. In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Zertsalo. 662 p.
  50. Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Court of the Russian Federation. 1992. No. 22. Art. 1216. Decree of the President of the RF of 25 May 1992 no. 524 "On the procedure for organizing and holding rallies, street processions, demonstrations and pickets". [In Russian]
  51. Bulletin of the Supreme Council of the Russian Soviet Federative Socialist Republic. 1988. No. 31. Art. 1005. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of 29 July 1988 no. 9715-XI "On liability for violation of the established procedure for organizing and holding meetings, rallies, street processions and demonstrations". [In Russian]
  52. Bulletin of the Armed Forces of the USSR. 1988. No. 31. P. 504. Decree of the Presidium of the Supreme Court of the USSR of 28 July 1988 "On the procedure for organizing and holding meetings, rallies, street processions and demonstrations in the USSR". [In Russian]
  53. Consultant Plus. 19 June 2004. Federal Law "On meetings, rallies, demonstrations, processions and picketing" no. 54-FZ. [In Russian]
  54. Chicherin B. N. 1894. The course of state science. Vol. 1–3. Moscow: Printing house of the partnership I. N. Kushnerev and Co. <http://constitution.garant.ru/science-work/pre-revolutionar/3948892> [In Russian]
  55. Chicherin B. N. 1906. Constitutional issue in Russia. Saint-Petersburg: Partnership of the Printing Press. 34 p. [In Russian]
  56. Shusterman S. S. 1960. "On the fate of the revolutionary worker Ya. S. Potapov". Questions of history, no. 11, pp. 213–215. [In Russian]
  57. Avenarius Martin. 2004. "Rezeption des römischen Rechts in Rußland. Dmitrij Mejer, Nikolaj Djuvernua und Iosif Pokrovskij". Wallstein Verlag Göttingen. 80 s.

Ярослав Андреевич КОНОВАЛЬЧИКОВ¹

УДК 342

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ГАРАНТИЙ ПРАВА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ

¹ старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск) jarush999@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1739-7126

Аннотация

Участие в выборах — это не только право российских политических партий, но их обязанность, на исполнение которой отводится семь лет. В период с 2019 по 2021 гг. за неучастие в выборах ликвидировано 28 политических партий. Соответственно, гарантированность этого права — вопрос актуальный. Развитая система гарантий способствует дальнейшей эволюции демократических институтов, более широкому представительству различных групп населения, качественному развитию многопартийности. В связи с этим целью настоящего исследования является разработка теоретических положений о гарантиях права политических партий на участие в выборах, а также выработка предложений по совершенствованию их системы.

Научная новизна исследования обусловлена следующим: введено авторское понятие «гарантии права политических партий на участие в выборах» с учетом содержания указанного права; предложена классификация гарантий права политических партий на участие в выборах по предмету гарантирования — гарантии приобретения, реализации и защиты изучаемого права; аргументирована позиция, согласно которой в России существуют особые гарантии, которые не представлены в избирательном законодательстве зарубежных стран; сформулированы предложения по совершенствованию системы гарантий. В настоящем исследовании представлены авторские

Цитирование: Коновальчиков Я. А. Понятие и виды гарантий права политических партий на участие в выборах / Я. А. Коновальчиков // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 129–151.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-129-151

научные положения, углубляющие знания о гарантировании права политических партий на участие в выборах, что позволит использовать их в качестве основы для дальнейших проработок в рассматриваемой области конституционно-правовых знаний. Для решения поставленных задач использован метод формальной логики, формально-юридический и сравнительно-правовой метод.

Следует отметить, что при изучении опыта зарубежных стран (Сербии, Дании, Исландии, Финляндии, Испании, Италии, Нидерландов, Новой Зеландии, Франции, Германии) выявлены классические гарантии права политических партий на участие в выборах, такие как гарантии партийной автономии, финансовые гарантии, гарантии проведения предвыборной агитации и гарантии гласности, гарантии осуществления контроля при проведении голосования, а также гарантии обжалования. Определено, что в России существуют особые гарантии, связанные с историко-политическими особенностями формирования отечественной многопартийности, а также необходимостью установления баланса при взаимодействии государства и политических партий. По результатам сформулированы предложения по совершенствованию системы гарантий права политических партий на участие в выборах.

Ключевые слова

Политические партии, гарантии права на участие в выборах, принцип равенства, преференциальный подход, список кандидатов, распределение депутатских мандатов, предвыборная агитация, избирательный спор, избирательный фонд.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-129-151

Введение

В результате реформы численности членов политических партий в период с 2012 по 2013 гг. была зарегистрирована 71 новая политическая партия. По истечении семи лет в 2019–2021 гг. за неучастие в выборах ликвидировано 28 политических партий. На начало 2022 г. остаются зарегистрированными 32 партии и 31 организационный комитет [21]. О чем может говорить такая статистика? О каких-либо препятствиях для участия в выборах, или «ненужности» правила семи лет, или, может даже, естественности процесса «жизни и смерти» политических партий в России? Проблема участия политических партий в выборах, без сомнения, имеет сложный, межотраслевой характер. В настоящем исследовании мы предпримем попытку изучить ее с позиции гарантий права политических партий на участие в выборах, в том числе, в сравнении с гарантированием в зарубежных странах.

Методы

Предмет исследования составляют конституционно-правовые нормы и нормы избирательного права, закрепляющие гарантии права политических партий на участие в выборах, а также теоретические и практические положения по во-

просам гарантирования. В работе использованы методы, обеспечивающие объективность, достоверность и системность исследования: методы формальной логики, формально-юридический, а также сравнительно-правовой метод. Проведен анализ не только отечественного законодательства и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, но также избирательного законодательства Сербии, Дании, Исландии, Финляндии, Испании, Италии, Нидерландов, Новой Зеландии, Франции, Германии.

Результаты исследования и их обсуждение

В конституционном праве под гарантиями принято понимать «условия и средства, обеспечивающие фактическую реализацию и охрану прав и свобод каждого» [2, с. 221–229]. Соответственно, гарантии избирательных прав понимаются как «совокупность законодательно установленных условий, правил и процедур, правовых средств, обеспечивающая реализацию избирательных прав» [6]. Гарантии обязательно должны иметь нормативное закрепление и правовой механизм реализации через разнообразные правовые средства гарантирования. Именно это обеспечивает их эффективность и результативность.

Прежде чем говорить о гарантиях права политических партий на участие в выборах, определим содержание данного права. Под правом политической партии на участие в выборах мы предлагаем понимать гарантируемую возможность политической партии при условии государственной регистрации ее региональных отделений не менее чем в половине субъектов Российской Федерации выдвигать кандидатов или списки кандидатов на выборах (в зависимости от применяемой избирательной системы), осуществлять контроль при проведении выборов, обжаловать действия (бездействие) органов публичной власти для устранения препятствий для участия в выборах. Основанием для построения системы гарантий является принцип равенства политических партий в избирательном процессе. Этот принцип предусматривает «установление одинаковых требований к принявшим решение участвовать в выборах политическим партиям на каждой стадии избирательного процесса, а в случае применения преференциального подхода он должен быть сбалансированным» [5].

Таким образом, гарантии права политических партий на участие в выборах представляют нормативно закрепленные различные правовые средства, которые на основании принципа равенства политических партий в избирательном процессе обеспечивают реализацию и защиту указанного права. Основываясь на выработанном нами определении, предлагаем классифицировать гарантии права политических партий на участие в выборах по предмету гарантирования:

- 1) гарантии приобретения права на участие в выборах;
- 2) гарантии реализации права на участие в выборах;
- 3) гарантии защиты права на участие в выборах.

Гарантии приобретения права на участие в выборах

Право на участие в выборах возникает у политической партии с даты регистрации не менее 43 региональных отделений в субъектах Российской Федерации. Эта процедура имеет двойственное значение, поскольку с этого момента считается окончательно созданной сама политическая партия, и она же приобретает право на участие в выборах, которое может утратить, если региональных отделений станет меньше. Для того, чтобы выполнение указанного условия было реальным, законодатель установил в ст. 15, 18, 20 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (далее — Федеральный закон о политических партиях) [12] различные средства гарантирования.

1. *Обязанность федерального уполномоченного органа утвердить образцы документов, необходимых для государственной регистрации регионального отделения политической партии, и опубликовать их.*
2. *Установление исчерпывающих перечней:*
  - а) документов для государственной регистрации регионального отделения политической партии;
  - б) случаев, когда региональному отделению политической партии может быть отказано в государственной регистрации.
3. *Возможность исправить недочеты:*
  - а) обязанность приостановить на три месяца государственную регистрацию регионального отделения политической партии до устранения недостатков в документах;
  - б) обязанность предоставить письменное мотивированное заключение, если регистрация приостановлена.
4. *Установление сроков:* месяц на регистрацию с момента подачи документов; месяц на рассмотрение судом заявления политической партии об уклонении от государственной регистрации регионального отделения.
5. *Возможность обратиться за судебной защитой* в случае уклонения от государственной регистрации регионального отделения политической партии.
6. *Право повторной подачи документов* в случае отказа в государственной регистрации регионального отделения политической партии.

В зарубежных государствах право участвовать в выборах политические партии получают при соблюдении разнообразных условий. Например, в Дании согласно Закону «О выборах в Фолькетинг» № 704 от 27 июня 2004 г. (§ 11), а также в Исландии в соответствии с Законом от 16 мая 2000 г. № 24/2000 «О выборах в Альтинг» (§ 38) в парламентских выборах могут участвовать только те политические партии, которые получили депутатский мандат в федеральном парламенте по результатам последних выборов. Вновь образуемые политические партии могут выдвигать своих кандидатов, однако для этого они должны обратиться с заявлением в уполномоченное министерство и представить определенное количество подписей избирателей [34, 37].

В Швейцарии отсутствует требование обязательной регистрации политических партий при их создании. Федеральный закон «О политических правах» от 17 декабря 1976 г. [35] определяет, что с целью получения преференций для участия в федеральных выборах политическая партия может подать заявление о включении в публичный реестр, который ведется федеральной Канцелярией. Включению в список подлежат только партии, которые имеют депутатов в Национальном совете или кантональных парламентах.

Примером достаточно жестких условий для получения права на участие в выборах может служить Закон «О политических партиях» 1969 г. (№ 10/1969) (§ 1, § 6) в Финляндии. Политическая партия в Финляндии — это зарегистрированное объединение, внесенное в партийный регистр, который ведется министерством юстиции. Партия должна отвечать ряду требований: преследовать политические цели, иметь устав и программу, насчитывать не менее 5 000 членов. Политическая партия, не получившая ни одного мандата в федеральном парламенте, подлежит исключению из партийного регистра, что значит утрату статуса политической партии, а вместе с ним и права принимать участие в выборах [26].

Гарантии реализации права политических партий на участие в выборах

Эта группа гарантий достаточно широкая, при этом некоторые гарантии характерны именно для российского законодательства.

1. *Гарантия участия политических партий при решении вопросов, затрагивающих их интересы.* В законодательстве не определено, что понимается под интересами политических партий. Политические партии в силу того, что они являются общественными объединениями, имеющими сложную правовую природу, обладают как частными интересами, так и публичными. Критериями выделения публичного интереса, по мнению А. Ю. Ломаева, являются «соответствие потребностям и целям всего общества или значительной его части, „неперсонифицированность“ носителя интереса, защита специализированными субъектами (государством, общественными объединениями), законность» [7]. Учитывая сказанное, участие в выборах, несомненно, связано с публичными интересами. Соответственно, политические партии должны обязательно привлекаться при решении вопроса, например, о выборе избирательной системы, установлении требований к подтверждению поддержки избирателями, регулировании вопросов партийной организации и пр. Идеальным способом участия могли бы стать партийные слушания по таким вопросам при участии всех политических партий на базе парламента, резолюция которых носила бы обязательный характер.

В настоящее время правовым средством гарантирования выступают регламентные нормы о возможности представителей политических партий, не представленных в федеральном или в региональном парламентах, участвовать в пленарных заседаниях этих органов, а также выступить

на них [12, 14]. Указанные нормы носят диспозитивный, необязательный характер, и в этом и кроется их недостаток. Так, Новгородскому региональному отделению политической партии «Российская объединенная демократическая партия „Яблоко“» было отказано в удовлетворении заявления об участии в заседании Новгородской областной Думы. Политическая партия обратилась за судебной защитой. Суд признал незаконным такой отказ. Однако в удовлетворении требования в целях восстановления нарушенных прав обязать Новгородскую областную Думу обеспечить право политической партии на участие в следующем пленарном заседании суд отказал, ссылаясь на то, что такое участие носит заявительный (уведомительный) характер, а партия на момент рассмотрения дела заявление не подала [16];

2. *Гарантия назначения выборов.* Статья 10 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Федеральный закон об основных гарантиях избирательных прав) [15] предусматривает несколько альтернативных вариантов для назначения выборов, из чего следует, что они будут назначены в любом случае. К правовым средствам гарантирования в данном случае следует отнести закрепление принципа обязательности проведения выборов (ст. 9 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав); определение обязанности избирательной комиссии назначить выборы, если они не назначены уполномоченным органом; право политической партии обратиться в суд с заявлением о назначении выборов. Как отмечает С. Д. Князев, подобная детальная регламентация процедуры назначения выборов снижает риск возникновения споров [3];
3. *Гарантия партийной автономии (невмешательства) при выдвижении кандидатов (списка кандидатов).* Источником указанной гарантии является принцип невмешательства государства в деятельность политических партий, закрепленный в ст. 10 Федерального закона о политических партиях [12]. Гарантия партийной автономии (невмешательства) при выдвижении кандидатов (списка кандидатов) предполагает, что избирательная комиссия не может оказывать влияние на расстановку кандидатов в списках, а также передачу вакантных депутатских мандатов внутри списка. Правовым средством гарантирования является нормативное закрепление требований к списку кандидатов и порядку распределения депутатских мандатов внутри победившего списка кандидатов. Соответственно, порядок расстановки кандидатур в списке кандидатов определяются в уставе политической партии. Необходимо учесть, что порядок размещения кандидатов в списке имеет юридическое значение при распределении мандатов. При этом существует предел партийной автономии, который выявил Конституционный Суд Российской Федерации: существует воз-

возможность отступить от очередности расположения кандидатов в списке при замещении вакантного депутатского мандата, но только в исключительных случаях (например, с учетом степени участия кандидата в деятельности политической партии, соблюдении им устава партии) [20].

В зарубежных странах по-разному решается вопрос распределения депутатских мандатов в победившем списке политической партии. Например, в Сербии согласно Закону о выборах народных депутатов [40] решение о том, кто из списка кандидатов получит депутатский мандат, политическая партия принимает после подведения итогов выборов и направляет свое решение в Республиканскую избирательную комиссию. При этом, если политическая партия не представит такую информацию, то Республиканская избирательная комиссия самостоятельно распределяет депутатские мандаты согласно порядку размещения кандидатов в списке партии. Следует отметить, что данное решение Республиканской избирательной комиссии окончательно и в силу закона не подлежит обжалованию.

Иногда используется метод жеребьевки. Например, в Дании в соответствии с Законом «О выборах в Фолькетинг» № 704 от 27 июня 2004 г. Министерство внутренних и социальных дел при равенстве голосов избирателей проводит жеребьевку между кандидатами одной политической партии [37];

4. *Финансовые гарантии участия в выборах* включают государственное финансирование, размер которого определяется по итогам последних выборов, институт избирательных фондов (ст. 33 Федерального закона о политических партиях, ст. 58, 59 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав), привлечение к административной ответственности за незаконное использование денежных средств при финансировании избирательной кампании и незаконной материальной поддержки (ст. 5.18, 5.19, 5.20 Кодекса РФ об административных правонарушениях) [4].

Наиболее распространенными в европейских странах являются именно финансовые гарантии. Основной из них является компенсация расходов на избирательную кампанию тем политическим партиям, которые получили на выборах определенное количество голосов избирателей. Закон Германии о политических партиях от 24 июля 1967 г. (§ 18) [38] закрепляет, что расходы, необходимые для участия в избирательной кампании, будут возмещены тем политическим партиям, которые выдвинули своих кандидатов. Критерием распределения государственных средств является успех, которого партия достигает среди избирателей на европейских выборах, выборах в Бундестаг и ландтаг. Так, политические партии, набравшие более 10 % действительных голосов, получают 0,83 евро за каждый действительный голос, поданный за них в округе.

Предоставление средств на проведение избирательных кампаний предусмотрено во Франции. Вст. L.52-8², L.167 Избирательного кодекса

Франции [30] закреплено, что финансировать избирательные кампании могут только политические партии или политические объединения. Кандидатам, получившим не менее 5% голосов избирателей, возмещается стоимость материалов (бумаги, афиш, циркуляров), а также расходов на размещение афиш и печатания избирательных документов. Закон от 11 марта 1988 г. № 88-227 «О финансовой публичности политической жизни» [36] в ст. 8, 9 предусматривает финансирования политических партий в соответствии с результатами выборов в Национальное собрание Франции. Средства распределяется среди политических партий, выдвинувших кандидатуры минимум в 50 избирательных округах на ближайших выборах в Национальное собрание Франции.

Основной закон Австрии (Artikel 35, 52a, 53b, 55) [28] определяет, что формирование Федерального совета, Национального совета, органов власти земель осуществляется только при участии политических партий. Право политических партий Австрии на участие в выборах регулируется специальным законом — Федеральным законом Австрии от 2 июля 1975 г. «О задачах, финансировании и предвыборной агитации политических партий» [27]. Исходя из смысла указанного закона, основным вопросом является установление финансовых гарантий этого права. Политические партии, имеющие депутатские мандаты в Национальном совете, получают ежегодное финансирование от государства. Те партии, которые не получили депутатские мандаты, но имеют поддержку более 1% избирателей, получают право на единовременную финансовую компенсацию. Политические партии, представленные в Европейском парламенте, имеют право на выплату фактически понесенных расходов за участие в избирательной кампании.

В Финляндии § 9 Закона «О политических партиях» 1969 г. (№ 10/1969) [26] определяет, что государство обеспечивает ежегодное финансирование деятельности политических партий. Размер средств ставится в зависимости от количества депутатских мандатов в федеральном парламенте. Таким образом, при уменьшении их количества в связи с выходом депутатов из политической партии размер государственной дотации подлежит пересмотру.

В Нидерландах Закон о финансировании политических партий от 7 марта 2013 г. [39] не связывает право на получение государственного финансирования с получением депутатских мандатов. Единственным условием является количество действительных членов политической партии (минимум 1 000 человек). Для получения государственного финансирования политическая партия должна направить заявление, обязательным приложением к которому будет годовой план работы, список действительных членов политической партии, а также информация о молодежной организации, созданной при партии;

5. *Гарантия проведения предвыборной агитации* предусматривает обязанность государственных и муниципальных СМИ обеспечить равные условия для ее проведения, содействовать в организации и проведении агитационных публичных мероприятий (ст. 50, 53 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав), в противном случае может наступить административная ответственность (ст. 5.52 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Например, в Испании Органический закон 5/1985 об общем избирательном режиме [33] определяет, что кандидаты от политических партий также имеют право на бесплатное время для агитационной деятельности на государственных радио- и телеканалах. При этом распределение эфирного времени зависит от числа голосов избирателей, отданных партии на последних выборах: максимум — 40 мин, далее — полчаса и менее. Для партий, не имеющих мандатов, либо не выдвигавшихся на последних выборах — десять мин.

В Нидерландах согласно Закону о финансировании политических партий от 7 марта 2013 г. [39] бесплатное эфирное время на телевидении и радио предоставляется партиям, представленным во Второй палате Генеральных штатов. Дополнительное эфирное время может быть предоставлено политическим партиям, которые выдвинули списки во всех избирательных округах.

В Сербии в Законе о выборах народных депутатов [40] существует такая гарантия, когда имеющиеся у политических партий долги перед вещательными компаниями, не могут быть причиной отказа в демонстрации предвыборной агитации;

6. *Гарантия гласности* обеспечивает возможность присутствия уполномоченного представителя или доверенного лица политической партии, список кандидатов которой зарегистрирован, на всех заседаниях избирательной комиссии, а также при подсчете голосов избирателей, осуществлении работы со списками избирателей, с бюллетенями, открепительными удостоверениями, протоколами об итогах голосования и со сводными таблицами (ст. 30 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав). Средствами гарантирования при проведении таких заседаний являются: предварительное определение конкретной даты и времени проведения заседания, взаимное информирование политическими партиями и избирательными комиссиями друг друга о своих намерениях, осуществление аудио- и видеозаписи заседания с предварительным уведомлением, выдача письменного подтверждения или справки о приеме любых документов, обеспечение беспрепятственного прохода на заседания избирательной комиссии, право заявлять возражения, получать копии итогового протокола, ведомостей проверки подписных листов,

официальных документов, на основании которых подписи были признаны недостоверными или недействительными¹.

В зарубежной практике используются различные подходы. Например, в Германии Федеральный регламент о выборах от 28 августа 1985 г. (§ 33) [29] гарантирует политическим партиям участие в заседании федеральной избирательной комиссии при рассмотрении их предложений об участии в выборах, гарантируется возможность высказаться, подать жалобу.

В Нидерландах Закон о выборах от 28 сентября 1989 г. [25] устанавливает, что при подаче списка кандидатов могут присутствовать сами кандидаты. Напротив, в Сербии кандидат в народные депутаты не имеет права присутствовать на заседаниях избирательной комиссии. Однако Закон о выборах народных депутатов (ст. 32) [40] закрепляет право назначить уполномоченного представителя, который будет присутствовать при всех манипуляциях с избирательными бюллетенями, будет иметь возможность доступа к избирательным спискам, протоколам избирательных комиссий. В Исландии согласно Закону от 16 мая 2000 г. № 24/2000 «О выборах в Альтинг» (§ 98) [34] подсчет голосов осуществляется публично. Если наблюдатель от какой-либо политической партии не может присутствовать при подсчете голосов и подведении итогов выборов, то избирательная комиссия самостоятельно назначает представителей этой партии. Закон разрешает видеофиксацию процесса сортировки и подсчета голосов;

7. *Гарантия осуществления контроля при проведении голосования*, которую в России обеспечивают наблюдатели, назначаемые политическими партиями.

В зарубежных странах институт наблюдателей достаточно развит. Так, в Исландии наблюдатели вправе делать устные или письменные замечания членам избирательной комиссии по поводу проводимого голосования. Если наблюдатель установит, что в ходе голосования имеются явные

¹ Так, региональное отделение Всероссийской политической партии «Родина» Новосибирской области обратилось с исковым заявлением о признании незаконным решения Новосибирской городской муниципальной избирательной комиссии об отказе в регистрации списка кандидатов. В обоснование своих требований указала, что проверка подписей осуществлялась без извещения и присутствия уполномоченного представителя политической партии. В результате политическая партия была лишена возможности заявлять возражения по заключениям эксперта. Суд отказал в удовлетворении иска по тем основаниям, что закон не содержит положений о возможности представителя политической партии ставить перед экспертами дополнительные вопросы. Проверка подписей и вопросы ее организации являются задачами избирательной комиссии. Право участвовать в исследовании подписей у заявителя отсутствует. Доводы политической партии о том, что заключения экспертов давались без ее присутствия, являются необоснованными.

и неисправимые нарушения, то он вправе потребовать занесения записи об этом в регистрационную книгу. Далее, эта книга направляется в Альтинг (федеральный парламент), где и будет приниматься решение, по существу, выявленных нарушений. В случае отказа членов избирательной комиссии внести такую запись, наблюдатель может сделать это собственноручно (§ 94) [34].

В Италии в соответствии с Законом № 53 от 21 марта 1990 г. о срочных мерах для обеспечения большей эффективности избирательного процесса [32] представитель политической партии имеет право потребовать прекращения или приостановки проведения голосования при наличии значительных нарушений в ходе голосования. В Италии также существует такая гарантия, согласно которой представитель политической партии, систематически участвующий в избирательных кампаниях, получает так называемую «регулярную аккредитацию» в качестве представителя. Это дает ему дополнительные права по контролю хода голосования, например, присутствовать на избирательном участке после окончания голосования, требовать включения в отчет избирательной комиссии своего особого мнения, ставить подпись на протоколах, конвертах с бюллетенями, на печатях избирательных урн и так далее.

8. *Гарантия ответственности избирательной комиссии*, обеспечиваемая юридической и фактической беспристрастностью этого органа [22], а также возможностью привлечения к конституционной ответственности путем расформирования. Одним из условий применения такой меры является неисполнение избирательной комиссией решения суда или вышестоящих избирательных комиссий, что является нарушением прав политических партий на участие в выборах¹.

¹ Избирательная комиссия Новосибирской области обратилась с исковым заявлением о расформировании избирательной комиссии Мичуринского сельсовета Новосибирского района Новосибирской области. Причиной явилось неисполнение решения Новосибирского областного суда от 2 октября 2015 г. по делу № 3-144/2015. Верховный Суд РФ обязал избирательную комиссию Мичуринского сельсовета включить в избирательные бюллетени на выборах депутатов Совета депутатов Мичуринского сельсовета двух кандидатов (См.: определения Верховного Суда РФ от 12 сентября 2015 г. по делам № 67-КГ15-10, № 67-КГ15-11) [17, 18]. Однако 13 сентября 2015 г. голосование на выборах прошло с использованием избирательных бюллетеней без включения в них фамилий, имен, отчеств этих кандидатов. В итоге результаты выборов по округу, а также общие результаты выборов депутатов Мичуринского сельсовета были определены без учета принятых судебных актов Верховного Суда РФ, что нарушило конституционные права граждан избирать и быть избранными, повлекло отмену итогов голосования. При рассмотрении вопроса о расформировании избирательной комиссии судом было установлено, что она намеренно устранилась от получения обязательных для исполнения судебных решений. Согласно возражениям председателя избирательной комиссии Мичуринского сельсовета, информация о решении Верховного Суда РФ была получена, однако копии определений, заверенные ненадлежащим образом,

Гарантии защиты права политических партий на участие в выборах

Гарантии защиты по своему содержанию имеют предварительный характер, когда оберегают от возможного нарушения права политических партий на участие в выборах, а также последующий, когда способствуют восстановлению уже нарушенного права.

1. Запрет на использование преимуществ должностного (служебного) положения в интересах политических партий. Использование преимуществ должностного (служебного) положения особенно актуально в избирательном процессе и определяется как одна из форм злоупотребления правом [8] или конституционно-правовой деликт [24].

В настоящее время имеется теоретическая неопределенность содержания термина «преимущества должностного (служебного) положения», используемого российским избирательным законодательством [23]. В законодательстве это понятие определяется путем закрепления перечня запрещенных действий (п. 5 ст. 40 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав). Исходя из этого, преимущества должностного (служебного) положения — это реальная возможность каким-либо образом необоснованно содействовать политическим партиям, давать им преференции или привилегии любого характера, необоснованно ограничивать политические партии, бездействовать при обеспечении и реализации их прав, путем использования материальных, трудовых, информационных и личностных ресурсов.

Органам публичной власти, членам избирательных комиссий с правом решающего голоса запрещено участвовать в процессе сбора подписей, проведении предвыборной агитации, осуществлении своих полномочий на время избирательной кампании, если они являются кандидатами (п. 6 ст. 37, ст. 40 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав). За нарушение этого запрета им грозит административная ответ-

---

получены лишь 13 сентября 2015 г. в 12 ч 59 мин, то есть в день выборов. Внесение изменений от руки или с использованием технических средств в бюллетени в день голосования законом не предусмотрено. Осуществление таких действий после начала голосования не только не соответствует законодательству, но и нарушает активное избирательное право граждан. Несмотря на возражения, суд установил, что председателю избирательной комиссии было известно о рассмотрении в Верховном Суде РФ кассационных жалоб кандидатов, вручить уведомление о принятых решениях и копии определений Верховного Суда РФ не удалось, поскольку дежурство членами комиссии не было организовано; ни председатель, ни члены избирательной комиссии на телефонные звонки не отвечали, по приезде по месту жительства двери квартир не открывали. Суд посчитал доказанным факт неисполнения судебных решений и наличие возможности для их исполнения, что в силу п. 1 ст. 31 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав является основанием для удовлетворения требований избирательной комиссии Новосибирской области о расформировании избирательной комиссии.

ственность (ст.ст. 5.11, 5.45, 5.47 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Однако при этом закон разрешает лицам, замещающим государственные или выборные муниципальные должности, проводить предвыборную агитацию в СМИ, если они являются кандидатами, но при этом не указывать свою должность (п. 8 ст. 48 Федерального закона об основных гарантиях избирательных прав). Как правило, высшие должностные лица субъектов Российской Федерации возглавляют списки кандидатов, но не имеют реального намерения избраться, что дает им возможность участвовать в предвыборной агитации, а политической партии — бесспорное преимущество перед другими партиями;

2. *Запрет на ликвидацию (приостановление) деятельности политической партии в период проведения выборов.* Указанная гарантия не действует в отношении политических партий, которые осуществляют экстремистскую деятельность [11]. Обязательным условием для реализации указанной гарантии является то, что политическая партия должна быть признана имеющей право участвовать в выборах¹.

Правовым средством гарантирования является возможность политической партии обжаловать решение суда о приостановлении деятельности либо ликвидации политической партии, а отмена такого решения суда влечет за собой возмещение государством всех убытков, понесенных политической партией (ст. 43 Федерального закона о политических партиях) [12]²;

3. *Гарантия обжалования с целью устранения препятствий для участия в выборах* обеспечивается посредством избирательного спора. Избирательный спор инициируется политическими партиями путем подачи жалоб, возражений, обращений, ходатайств непосредственно в вышестоящую избирательную комиссию, либо заявлений в суд. Следует учитывать мнение Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которому избирательной комиссии не следует принимать решения, когда необходимо исследовать обстоятельства дела и устанавливать вину. Так

¹ Политическая партия «Объединенная аграрно-промышленная партия России» была ликвидирована в период проведения дополнительных выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Верховным Судом РФ было установлено отсутствие необходимого количества региональных отделений, что делало невозможным выдвижение кандидатов в депутаты правомочным съездом политической партии (решение Верховного Суда РФ от 20 июня 2017 г. по делу № АКПИ17-456) [10].

² См. ст. 39, 41 Федерального закона о политических партиях [12]. Так, Верховным Судом РФ было отказано в ликвидации политической партии «Молодая Россия», поскольку в этот момент были назначены дополнительные выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ седьмого созыва по одномандатным избирательным округам (решение Верховного Суда РФ от 19 июня 2018 г. № АКПИ18-586) [9]. Аналогичное решение было вынесено по делу о ликвидации политической партии «Национальной безопасности России», поскольку на момент рассмотрения административного искового заявления были назначены выборы Президента РФ (решение Верховного Суда РФ от 22 декабря 2017 г. по делу № АКПИ17-1105) [13].

обычно бывает в случаях отмены регистрации кандидатов. Решения о применении подобной меры конституционной ответственности следует выносить только суду как органу государственной власти, осуществляющему правосудие [19].

Отметим отдельные гарантии защиты права политических партий на участие в выборах в зарубежных странах. Например, в Сербии в Законе о выборах народных депутатов [40] установлена следующая презумпция: если Республиканская избирательная комиссия в установленный законом срок не принимает решение по жалобе политической партии, то такая жалоба автоматически считается удовлетворенной.

В Исландии в случае возникновения разногласий с Национальной избирательной комиссией по вопросу итогов голосования и распределения депутатских мандатов политическая партия может подать свое особое мнение, которое обязательно фиксируется в протоколе избирательной комиссии. Далее, это мнение также направляется в Министерство юстиции Исландии, которое обязано передать его в Альтинг (§ 104) [34].

В Новой Зеландии Избирательный Акт 1993 г. [31] предусматривает возможность пересчета голосов. Если политическая партия хочет провести пересчет голосов по всем или нескольким избирательным округам, секретарь партии может подать единое заявление о пересчете Главному окружному судье. Для проведения этой процедуры предусмотрена уплата государственной пошлины. Пересчет голосов избирателей может быть проведен в каждом избирательном округе только один раз вне зависимости от того, какое количество заявлений о пересчете было подано от политических партий.

Заключение

В результате проведенного исследования разработаны теоретические положения о гарантиях права политических партий на участие в выборах, а также выработаны предложения по совершенствованию их системы.

Под гарантиями права политических партий на участие в выборах следует понимать нормативно закрепленные разнообразные правовые средства, которые на основании принципа равенства политических партий в избирательном процессе обеспечивают реализацию и защиту их права. Предлагаемая классификация по предмету гарантирования включает гарантии приобретения, реализации и защиты права на участие в выборах.

При изучении опыта зарубежных стран (Сербии, Дании, Исландии, Финляндии, Испании, Италии, Нидерландов, Новой Зеландии, Франции, Германии) выявлены классические гарантии права политических партий на участие в выборах, такие как гарантии партийной автономии, финансовые гарантии, гарантии проведения предвыборной агитации и гарантии гласности, гарантии осуществления контроля при проведении голосования, а также гарантии обжалования.

Определено, что в России существуют особые гарантии, которые не представлены в избирательном законодательстве зарубежных стран. Это гарантии участия политических партий при решении вопросов, затрагивающих их интересы, гарантии назначения выборов, гарантии ответственности избирательной комиссии, запрет на использование преимуществ должностного (служебного) положения в интересах политических партий, а также запрет на ликвидацию (приостановление) деятельности политической партии в период проведения выборов. Необходимость таких гарантий обусловлена, во-первых, историко-политическими особенностями формирования отечественной многопартийности, во-вторых, необходимостью установления баланса при взаимодействии государства и политических партий.

С целью совершенствования системы гарантий права политических партий на участие в выборах предлагается следующее: усовершенствовать гарантии обжалования с целью устранения препятствий для участия в выборах путем установления правового механизма рассмотрения жалоб политических партий избирательными комиссиями; рассмотреть возможность введения дополнительных средств гарантирования в рамках финансовых гарантий участия в выборах, например, предварительное предоставление финансовых средств на проведение предвыборной кампании для новых партий; сделать обязательным учет мнения политических партий при решении вопросов, затрагивающих их интересы; рассмотреть возможности введения рейтингового внутрисписочного голосования, по результатам которого будет невозможным отказ от депутатского мандата, с целью борьбы с технологией «политических локомотивов»; исключить требование об указании в бюллетене для голосования фамилий кандидатов общедо-федеральной части списка политических партий при использовании пропорциональной избирательной системы также с целью борьбы с технологией «политических локомотивов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 17 августа 2015 г. № 33-7751-2015 // Новосибирский областной суд: оф. сайт. URL: https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1306217&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 16.06.2019).
2. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России / Л. Д. Воеводин. Москва: Издательство Московского университета, 1997. 304 с.
3. Князев С. Д. Назначение выборов: законодательная конструкция и судебная практика / С. Д. Князев // Юридический мир. 2006. № 6. С. 4–16.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 16 февраля 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.
5. Коновальчиков Я. А. Принцип равенства политических партий в избирательном процессе / Я. А. Коновальчиков // Российский юридический журнал. 2021. № 4 (139). С. 42–54. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_42

6. Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. Москва: Проспект, 2015. Том 2. 528 с.
7. Ломаев А. Ю. Публичный интерес как правовая категория / А. Ю. Ломаев // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 1 (6). С. 97–101.
8. Макарецв А. А. Использование преимуществ должностного или служебного положения в ходе избирательной кампании как форма злоупотребления правами / А. А. Макарецв // Административное и муниципальное право. 2016. № 11 (107). С. 895–901.
9. О ликвидации Политической партии «Молодая Россия»: решение Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2018 г. № АКПИ18-586 // Верховный Суд Российской Федерации: оф. сайт. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1663464
10. О ликвидации политической партии «Объединенная аграрно-промышленная партия»: решение Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2017 г. по делу № АКПИ17-456 // Верховный Суд Российской Федерации: оф. сайт. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1564098
11. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 64 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 2. С. 12–19.
12. О политических партиях: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (в ред. от 30 апреля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.
13. О приостановлении деятельности Политической партии «НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ»: решение Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2017 г. по делу № АКПИ17-1105 // Верховный Суд Российской Федерации: оф. сайт. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1608620
14. О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/>
15. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.
16. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Новгородского регионального отделения Политической партии «Российская объединенная демократическая партия „ЯБЛОКО“ на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 51-2 Регламента Новгородской областной Думы: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 1569-О // Конституционный Суд Российской Федерации: оф. сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision415355.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).
17. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2015 г. № 67-КГ15-10 // Верховный Суд Российской Федерации: оф. сайт. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1370168

18. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2015 г. № 67-КГ15-11 // Верховный Суд Российской Федерации: оф. сайт. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10977378>
19. По делу о проверке конституционности положений п. 1 ст. 64, п. 11 ст. 32, п. 8 и 9 ст. 35, п. 2 и 3 ст. 59 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Тульского областного суда: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июня 2002 г. № 10-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 25. Ст. 2515.
20. По запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений частей 1 и 2 статьи 89 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 марта 2013 г. № 324-О // Конституционный Суд Российской Федерации: оф. сайт. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision126228.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).
21. Политические партии // Министерство юстиции Российской Федерации: оф. сайт. 2022. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/> (дата обращения: 15.02.2022).
22. Руководящие принципы правового регулирования деятельности политических партий. Принято Венецианской комиссией на 84-м пленарном заседании. (Венеция, 15–16 октября 2010 г.) / Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ). Варшава; Страсбург, 2011. 130 с. URL: <https://www.osce.org/ru/odihr/81988?download=true> (дата обращения: 07.01.2022).
23. Швердяев С. Н. Развитие понятия использования преимуществ должностного или служебного положения в российском избирательном законодательстве / С. Н. Швердяев // Вестник московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 4. С. 42–59.
24. Шин А. Г. Использование участниками выборов преимуществ своего должностного (служебного) положения как конституционно-правовой деликт / А. Г. Шин // Академический юридический журнал. 2010. № 1 (39). С. 28–32.
25. Act of 28 September 1989 containing new provisions governing the franchise and elections (Elections Act) // LegislationOnline. URL: https://www.legislationline.org/download/id/4014/file/Netherlands_Elections%20Act_1989am2009.pdf (дата обращения: 18.01.2022).
26. Act on Political Parties 1969 (No. 10/1969) // Finlex. URL: https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1969/en19690010_19920653.pdf (дата обращения: 24.02.2022).
27. Bundesgesetz über die Aufgaben, Finanzierung und Wahlwerbung politischer Parteien (Parteiengesetz — PartG) // Rechtsinformationssystem des Bundes (RIS). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000562&FassungVom=2012-06-25> (дата обращения: 15.01.2022).
28. Bundes-Verfassungsgesetz (B-VG) // Rechtsinformationssystem des Bundes (RIS). URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000138> (дата обращения: 15.01.2022).
29. Bundeswahlordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. April 2002 // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bwo_1985/BJNR017690985.html (дата обращения: 14.02.2022).

30. Code électoral // Legifrance: Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070239> (дата обращения: 15.01.2022).
31. Electoral Act 1993 No 87 (Sec. 160) // The New Zealand Legislation. URL: https://www.legislation.govt.nz/act/results.aspx?search=ad_act_Electoral+Act+1993__25_ac%40bn%40rn%40dn%40apub%40aloc%40apri%40apro%40aimp%40bgov%40bloc%40bpri%40bmem%40rpub%40rimp_ac%40ainf%40anif%40bcur%40rinf%40rnif_a_aw_se&p=1 (дата обращения: 24.02.2022).
32. Legge 21 marzo 1990, n. 53 — Misure urgenti atte a garantire maggiore efficienza al procedimento elettorale // Normattiva. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1990;53~art14!vig=> (дата обращения: 24.02.2022).
33. Ley Orgánica 5/1985, de 19 de junio, del Régimen Electoral General // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-11672> (дата обращения: 24.02.2022).
34. Lög um kosningar til Alþingis 2000 nr. 24 16. Maí // Alþingis. URL: <https://web.archive.org/web/20120517151425/http://www.althingi.is/lagas/140a/2000024.html> (дата обращения: 24.02.2022).
35. Loi fédérale sur les droits politiques (Du 17 decembre 1976) // Fedlex. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/fga/1976/3_1450_1476_1445/fr (дата обращения: 24.02.2022).
36. Loi n° 88-227 du 11 mars 1988 relative à la transparence financière de la vie politique // Legifrance: Le service public de la diffusion du droit. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000321646> (дата обращения: 15.01.2022).
37. Lov om valg til Folketinget: Lovbekendtgørelse Nr. 704 af 27. Juni 2004 // Retsinformation. URL: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2004/704> (дата обращения: 10.01.2022).
38. Parteiengesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 31. Januar 1994 // Gesetze im Internet. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/partg/PartG.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
39. Wet van 7 maart 2013, houdende regels inzake de subsidiëring en het toezicht op de financiën van politieke partijen (Wet financiering politieke partijen) // Officiële bekendmakingen. Overheid.nl. URL: <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stb-2013-93.html> (дата обращения: 18.02.2022).
40. Zakon o izboru narodnih poslanika // Paragraf Lex. URL: https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_izboru_narodnih_poslanika.html (дата обращения: 24.02.2022).

Yaroslav A. KONOVALCHIKOV¹

UDC 342

THE CONCEPT AND TYPES OF GUARANTEES OF THE RIGHT OF POLITICAL PARTIES TO PARTICIPATE IN ELECTIONS

¹ Senior Lecturer, Department of Constitutional and Municipal Law,
Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Novosibirsk)
jarush999@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1739-7126

Abstract

Participation in elections is the right of Russian political parties and their duty which they must fulfill in seven years. In the period from 2019 to 2021, 28 political parties were dissolved for non-participation in elections. Therefore, the guarantee of this right is an important issue. The establishment of system of such guarantees contributes to the further development of democratic institutions, broad representation of various groups of the population, and the qualitative development of multiparty system. The purpose of this study is to develop a theory on guarantees of the right of political parties to participate in elections, to formulate proposals for improving such system.

The scientific novelty of the study is due to the following: the concept of “guarantees of the right of political parties to participate in elections” was introduced taking into consideration the content of the said right; a classification of guarantees of the right of political parties to participate in elections — guarantees of the acquisition, implementation and protection — was proposed; the position according to which in Russia there are special guarantees that are absent in the electoral legislation of foreign countries was reasoned; proposals to improve the system of guarantees were formulated. In the present research, the author’s theoretical provisions were formulated, deepening the knowledge on the above-mentioned

---

Citation: Konovalchikov Ya. A. 2022. “The concept and types of guarantees of the right of political parties to participate in elections”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 2 (30), pp. 129–151.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-129-151

---

guarantees, which will allow them to be used as a basis for further development in the field of constitutional and legal science. To achieve the research aims, method of formal logic, formal and legal as well as comparative legal methods were used.

When studying the experience of foreign countries (Serbia, Denmark, Iceland, Finland, Spain, Italy, the Netherlands, New Zealand, France, Germany) classical guarantees of the right of political parties to participate in elections were revealed: guarantees of party autonomy, financial guarantees, guarantees of election campaigns and guarantees of publicity, guarantees of control during voting, guarantees of appeal. The study also determined that, in Russia, there are some special guarantees related to the historical and political features of the formation of the national multiparty system, as well as to the need to establish a balance in the interaction of the state and political parties. As a result, proposals were made to improve the system of guarantees of the right of political parties to participate in elections.

Keywords

Political parties, guarantees of the right to participate in elections, the principle of equal treatment, preferential approach, list of candidates, distribution of deputy mandates, election campaign, electoral dispute, election fund.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-129-151

REFERENCES

1. Official website of the Court of Novosibirsk region. Appeal Decision of the Court of Novosibirsk region of 17 August 2015 No. 33-7751-2015. Accessed 16 June 2019. https://oblsud--nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1306217&delo_id=5&new=5&text_number=1 [In Russian]
2. Voevodin L. D. 1997. The legal status of an individual in Russia. Moscow: Moscow University Press, 304 p. [In Russian]
3. Knyazev S. D. 2006. "Appointment of elections: legislative structure and judicial practice". Juridical World. No. 6. pp. 4–16. [In Russian]
4. Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30 December 2001 No. 195-FZ (as amended on 16 February 2022). [In Russian]
5. Konovalchikov Ya. A. 2021. "The principle of equality of political parties in the electoral process". Russian Juridical Journal, no. 4 (139), pp. 42–54. DOI: 10.34076/20713797_2021_4_42 [In Russian]
6. Kazannik A. I., Kostyukov A. N. (eds.). 2015. Constitutional law: university course: textbook. In 2 volumes. Volume 2. Moscow: Prospekt. 528 p. [In Russian]
7. Lomaev A. Yu. 2012. "Public interest as a legal category". Bulletin of the Samara Law Institute, no. 1 (6), pp. 97–101. [In Russian]

8. Makartsev A. A. 2016. "Using the advantages of official position during the election campaign as a form of abuse of rights". *Administrative and Municipal Law*, no. 11, pp. 895–901. [In Russian]
9. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. On dissolution of the Political party "Young Russia": Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 19 June 2018 No. AKPI18-586. http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1663464 [In Russian]
10. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. On dissolution of the political party "United agricultural and industrial party": Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 20 June 2017 No. AKPI17-456. http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1564098 [In Russian]
11. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2017. No. 2. On some issues arising during the consideration by the courts of cases related to the suspension or dissolution of non-profit organizations, as well as the prohibition of the activities of public or religious associations that are not legal entities: Plenum Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 December 2016 No. 64. [In Russian]
12. Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 29. Art. 2950. On political parties: Federal law of 11 July 2001 No. 95-FZ (as amended on 30 April 2021). [In Russian]
13. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. On suspension of activities of the Political party "NATIONAL SECURITY OF RUSSIA": Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 22 December 2017 No. AKPI17-1105. http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1608620 [In Russian]
14. ConsultantPlus legal reference system. On the Regulation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: Decree of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 22 January 1998 No. 2134-II GD. <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/> [In Russian]
15. Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253. On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation: Federal Law of 12 June 2002 No. 67-FZ (as amended on 2 July 2021). [In Russian]
16. Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. On the refusal to accept the complaint of the Novgorod regional branch of the political party "Russian United Democratic Party 'YABLOKO'" on the violation of constitutional rights and freedoms by paragraph 2 of article 51-2 of the Regulation of the Novgorod Regional Duma: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 June 2019 No. 1569-O. Accessed 21 March 2021. <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision415355.pdf> [In Russian]
17. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 September 2015 No. 67-KG15-10. http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1370168 [In Russian]
18. Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 September 2015 No. 67-KG15-11. <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/10977378> [In Russian]
19. Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 25. Art. 2515. In the case of verifying the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of article 64, paragraph 11 of article 32, paragraphs 8 and 9 of article 35, paragraphs 2 and 3 of article 59 of the Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum

- of citizens of the Russian Federation” in connection with the requests of the Supreme Court of the Russian Federation and the Tula Regional Court: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11 June 2002 No. 10-P. [In Russian]
20. Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. In the request of a group of deputies of the State Duma to verify the constitutionality of the provisions of parts 1 and 2 of Article 89 of the Federal Law “On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation”: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 6 March 2013 No. 324-O. Accessed 21 March 2021. <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision126228.pdf> [In Russian]
  21. Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation. 2022. Political parties. Accessed 15 February 2022. <https://minjust.gov.ru/ru/pages/politicheskie-partii/> [In Russian]
  22. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights (ODIHR). 2011. Guidelines on Political Parties Regulation. Adopted by the Venice Commission at its 84th Plenary Session (Venice, 15–16 October 2010). Warsaw; Strasbourg. 130 pp. Accessed 7 January 2022. <https://www.osce.org/ru/odhr/81988?download=true> [In Russian]
  23. Sheverdyayev S. N. 2015. “Development of the concept of taking advantage of public office or position in the Russian electoral legislation”. The Moscow University Herald. Series 11. Law, no. 4. pp. 42–59. [In Russian]
  24. Shin A. G. 2010. “Taking advantages of office by electoral process participants as a constitutional infringement”. Academic Law Journal, no. 1 (39), pp. 28–32. [In Russian]
  25. LegislationOnline. Act of 28 September 1989 containing new provisions governing the franchise and elections (Elections Act). Accessed 18 January 2022. https://www.legislationline.org/download/id/4014/file/Netherlands_Elections%20Act_1989am2009.pdf
  26. Finlex. Act on Political Parties 1969 (No. 10/1969). Accessed 24 February 2022. https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1969/en19690010_19920653.pdf
  27. Rechtsinformationssystem des Bundes (RIS). Bundesgesetz über die Aufgaben, Finanzierung und Wahlwerbung politischer Parteien (Parteiengesetz — PartG). Accessed 15 January 2022. <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000562&FassungVom=2012-06-25> [In German]
  28. Rechtsinformationssystem des Bundes (RIS). Bundes-Verfassungsgesetz (B-VG). Accessed 15 January 2022. <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10000138> [In German]
  29. Gesetze im Internet. Bundeswahlordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 19. April 2002. Accessed 14 February 2022. https://www.gesetze-im-internet.de/bwo_1985/BJNR017690985.html [In German]
  30. Legifrance: Le service public de la diffusion du droit. Code électoral. Accessed 15 January 2022. <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070239> [In French]
  31. The New Zealand Legislation. Electoral Act 1993 No 87 (Sec. 160). Accessed 24 February 2022. https://www.legislation.govt.nz/act/results.aspx?search=ad_act__Electoral+Act+1993___25_ac%40bn%40rn%40dn%40apub%40aloc%40apri%40apro%40aimp%40bgov%40bloc%40bpri%40bmem%40rpub%40rimp_ac%40ainf%40anif%40bcur%40rinf%40rnif_a_aw_se&p=1
  32. Normattiva. Legge 21 marzo 1990, n. 53 — Misure urgenti atte a garantire maggiore efficienza al procedimento elettorale. Accessed 24 February 2022. <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:1990;53~art14!vig=> [In Italian]

33. Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. Ley Organica 5/1985, de 19 de junio, del Régimen Electoral General. Accessed 24 February 2022. <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1985-11672> [In Spanish]
34. Alþingis. Lög um kosningar til Alþingis 2000 nr. 24 16. Maí. Accessed 24 February 2022. <https://web.archive.org/web/20120517151425/http://www.althingi.is/lagas/140a/2000024.html> [In Icelandic]
35. Fedlex. Loi fédérale sur les droits politiques (Du 17 decembre 1976). Accessed 24 February 2022. https://www.fedlex.admin.ch/eli/fga/1976/3_1450_1476_1445/fr [In French]
36. Legifrance: Le service public de la diffusion du droit. Loi n° 88-227 du 11 mars 1988 relative à la transparence financière de la vie politique. Accessed 15 January 2022. <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000321646> [In French]
37. Retsinformation. Lov om valg til Folketinget: Lovbekendtgørelse Nr. 704 af 27. Juni 2004. Accessed 10 January 2022. <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2004/704> [In Danish]
38. Gesetze im Internet. Parteiengesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom 31. Januar 1994. Accessed 10 September 2021. <https://www.gesetze-im-internet.de/partg/PartG.pdf> [In German]
39. Officiële bekendmakingen. Overheid.nl. Wet van 7 maart 2013, houdende regels inzake de subsidiëring en het toezicht op de financiën van politieke partijen (Wet financiering politieke partijen). Accessed 18 February 2022. <https://zoek.officielebekendmakingen.nl/stb-2013-93.html> [In Dutch]
40. Paragraf Lex. Zakon o izboru narodnih poslanika. Accessed 24 February 2022. https://www.paragraf.rs/propisi/zakon_o_izboru_narodnih_poslanika.html [In Serbian]

Юрий Павлович БЕЛЫХ¹
Дмитрий Владимирович ЛЯЩЕВ²

УДК 343.711

**ХИЩЕНИЕ БЕЗНАЛИЧНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

¹ кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
y.p.belykh@utmn.ru

² кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин,
Тюменский государственный университет
d.v.lyashcev@utmn.ru

Аннотация

С точки зрения современного уголовного, уголовно-процессуального права и криминалистики, статья посвящена проблемам следственной и судебной практики по расследованию и рассмотрению уголовных дел, связанных с хищением денежных средств с банковских счетов. Непреодолимые препятствия, встречающиеся при расследовании преступлений следственными органами и рассмотрении уголовных дел указанной категории в судах, предопределило актуальность темы исследования. С позиции новизны интегративный анализ теории, положений права и практики в единстве позволил авторам прийти к выводу, что сложности уголовно-правовой квалификации указанных преступлений, влекут необходимость законодательного уточнения имеющих либо конструирования новых составов преступлений, связанных с хищениями без-

---

Цитирование: Белых Ю. П. Хищение безналичных денежных средств: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты / Ю. П. Белых, Д. В. Лящев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 152–163.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-152-163

наличных денежных средств. По мнению авторов, специфика объекта, формы хищения, места и предмета преступления обуславливает изменения уголовного закона, предусматривающие уголовную ответственность за хищение безналичных денежных средств, а равно электронных денежных средств. Обоснование необходимости принятия вышеотмеченной нормы уголовного закона, в ближайшей перспективе, и формулирование выводов рекомендательного характера являются целями настоящей статьи.

В ходе исследования авторами применялись диалектический, формально-логический, социально-правовой и системный методы.

Ключевые слова

Неправомерное завладение безналичными денежными средствами, предмет, окончание и место совершения преступления, бесконтактное (дистанционное) хищение, судебное исследование преступной деятельности.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-152-163

Введение

Информатизация, компьютеризация, IT-технологии, использование различных гаджетов стали неотъемлемой частью жизнедеятельности общества, пронизывающие все сферы человеческого бытия. В настоящее время общество находится на таком этапе своего развития, когда информатизация общественных отношений, выражающаяся, в частности, в «цифровом» обеспечении многих сфер деятельности, объективно, следуя причинно-следственным связям, влечет изменение национального права. Не исключением является уголовное и уголовно-процессуальное право.

С точки зрения природы криминалистики ее предмета, объекта и места в системе научного знания, на повестке дня стоит разрешение специальных задач судебного исследования преступной деятельности, связанной с киберпреступностью, в том числе и преступлений, совершаемых с использованием компьютерных средств, мобильных средств связи и т. д.

В пределах настоящей статьи термин «судебное исследование преступной деятельности» употребляется как в криминалистическом значении, так и в процессуальном — в широком смысле слова.

Криминалистическое значение термина выражается в непосредственной связи с предметно-объектной частью науки криминалистики, которая по общепризнанному определению, сформулированному профессором Р. С. Белкиным, считается наукой о закономерностях преступной и следственной деятельности и специальных средствах, и методах судебного исследования и предотвращения преступлений [4].

Пределы судебного исследования преступной деятельности в большей мере определены обстоятельствами, входящими в предмет доказывания (ст. 73 УПК

РФ), а сама процессуальная деятельность дознавателя, следователя, органа дознания, прокурора и суда, как форма реализации материального права, детерминирована нормами уголовного закона, в частности особенностями конструкций составов преступлений. Такие взаимозависимости уголовного и уголовно-процессуального права и криминалистики отчетливо прослеживаются в ходе судебного исследования преступной деятельности, связанной с неправомерным завладением безналичными денежными средствами, совершаемым путем их дистанционного (удаленного), бесконтактного перевода с расчетного счета граждан, учреждений, открытого в финансово-кредитной организации.

Следует учитывать то, что уголовно-правовая квалификация и расследование преступлений, связанных с неправомерным завладением безналичными денежными средствами в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, на практике, как правило, проводится по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (кража) и (или) статьи 159 УК РФ (мошенничество), что не способствует единообразию правоприменения и нередко становится предметом споров и возражений представителей сторон в уголовном процессе.

Методы

Отличительной чертой настоящего комплексного исследования выступает применение системного метода, заключающегося:

- во-первых, в анализе проблем с точки зрения структурной целостности и интегральности научных взглядов и практики в уголовном праве, уголовно-процессуальном праве и криминалистике;
- во-вторых, в рассмотрении вопросов уголовно-правового характера во взаимосвязи с иными отраслями права, в частности с положениями гражданского права.

Помимо этого, в исследовании применялись диалектический, формально-логический и социально-правовой методы.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Криминалистический аспект

При раскрытии и расследовании преступлений, связанных с неправомерным завладением безналичными денежными средствами правоохранительные органы встречают целый ряд затруднений и обусловлено это, прежде всего, достаточно продолжительным во времени получением сведений из кредитных учреждений, операторов мобильной связи и интернет-провайдеров. Зачастую следствие, с точки зрения доказывания, сталкивается с трудновыполнимыми проблемами, а именно использованием злоумышленниками программ по подмене телефонного номера и IP адреса, применением в кредитных учреждениях современных мгновенных переводов системы card2card, когда со счета потерпевшего безналичные денежные средства перечисляются не на расчетный счет, а на банковскую карту платежной системы, и как показывает практика порой банк, осуществивший перевод может не являться эмитентом карты.

Проведенное нами обобщение практики (в том числе и личного профессионального опыта следственной работы) показывает, что преступления, связанные с неправомерным завладением безналичными денежными средствами, часто совершаются организованными преступными группами и нередко нити расследования уходят в страны постсоветского пространства, что влияет не только на эффективность расследования, но и на оспоримость юрисдикции российского уголовного законодательства в пространстве и по кругу лиц.

Количество преступлений указанной категории растет в геометрической прогрессии, так только в Тюменской области ежегодно регистрируется более 5 тыс. заявлений, в большинстве случаев по ним возбуждены уголовные дела по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Потерпевшими признаются граждане в возрасте 50 лет и старше. При этом в последнее время среди жертв злоумышленников стремительно растет доля молодежи (возраст до 20 лет). На них приходится 4% от пострадавших [7].

Степень общественной опасности указанных противоправных деяний подтверждается как характером общественных отношений, которым причиняется вред, так и общественной опасностью лица, совершающего общественно опасное преступное посягательство, обладающего специфическими знаниями и навыками использования цифровых технических средств и социальной инженерии. Общественная опасность отмеченных преступлений возрастает в зависимости от способа совершения общественно опасного деяния — удаленный и анонимный доступ к банковскому счету.

Способ совершения преступления является значимым и информативным элементом криминалистической характеристики преступной деятельности [8, с. 35]. В настоящее время наиболее распространенными способами неправомерного завладения безналичными денежными средствами являются:

- в половине случаев, когда злоумышленник, представляясь сотрудником кредитной организации, получает на доверии от потерпевшего sms-коды доступа к мобильному банку, после чего осуществляет переводы безналичных денежных средств без ведома потерпевшего;
- в каждом третьем преступлении виновный действует через объявления на интернет-платформах в соц. сетях, на авито и т. д. Этот вид неправомерного завладения безналичными денежными средствами на практике квалифицируется в зависимости от способа или как мошенничество (когда денежные средства потерпевшим переводятся за якобы продающийся товар), либо как кража (когда потерпевший под влиянием обмана сам сообщает sms-коды, и злоумышленник получает доступ в мобильному банку);
- в остальных случаях указанные преступления совершаются иными способами, к разновидности которых можно отнести деяния, когда злоумышленник обманывает относительно якобы попавшего в неприятности родственника потерпевшего и последний в срочном порядке переводит деньги опасаясь опоздать в оказании помощи.

Отмеченные выше факторы и специфика следовой картины, как отражение преступной деятельности данной категории преступлений, лежит в основе формирования доминирующей типичной следственной ситуации первоначального этапа расследования, которая изначально является неблагоприятной для расследования т. к. неизвестно лицо (лица), совершившее неправомерное завладение безналичными денежными средствами. В данном случае первоочередной задачей на этом этапе расследования выступает установление личности виновного посредством производства процессуальных действий (допрос потерпевшего, запросы в кредитные организации, операторам сотовой связи и т. д.), поручение органу дознания в процессуальной форме на проведение оперативно-розыскных мероприятий. Основная версия и направление расследования определены связями: «сотовый телефон — личность виновного», «расчетный счет потерпевшего — расчетный счет поступления денежного перевода — личность виновного».

Учитывая характер бесконтактного завладения безналичными денежными средствами, для следователя возникает необходимость оперативного получения информации от кредитных организаций, сотовых операторов, интернет-провайдеров. На практике все запросы направляются по почте и зачастую указанные организации даже не находятся в населенном пункте места расследования. Продолжительность получения ответов доходят до нескольких месяцев, а некоторые и вообще не отвечают. Срок следствия между тем необходимо продлевать. При этом органы расследования не имеют возможностей по надлежащему оперативному получению криминалистически значимой информации. Считаем, актуальным принятие мер по вопросу электронного документооборота органов расследования с кредитными организациями, операторами сотовой связи и другими учреждениями в связи с раскрытием и расследованием преступлений, что позволит оптимизировать раскрытие и расследование отмеченной категории преступлений.

Не менее важным и актуальным становится вопрос о взаимодействии правоохранительных органов с общественностью. В настоящее время по инициативе Общероссийского народного фронта запущена платформа «Мошеловка» для выявления мошенников и систематизации информации о преступных схемах, что будет способствовать своевременному реагированию со стороны правоохранительных органов.

2. Уголовно-процессуальный аспект

С процессуальной точки зрения судебное исследование преступной деятельности (в широком смысле слова), связанной с неправомерным завладением безналичными денежными средствами, включает в себя как деятельность следователя на досудебных стадиях процесса, так и деятельность по рассмотрению дела по существу в суде первой и апелляционной инстанции.

На досудебных стадиях уголовного процесса нередко возникает проблема определения территориальной подследственности.

Указанные преступления имеют межрегиональный характер. Лицу, совершающему общественно опасное деяние безразлично, где проживает потерпевший и место его нахождения. Злоумышленник, «обзвонив» за один день не один десяток человек может охватить многие регионы Российской Федерации.

По общему правилу предварительное расследование производится по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. При установлении фактов совершения преступления в различных регионах России в каждом случае следователь обращается к руководителю следственного органа федерального уровня по вопросу определения территориальной подследственности, что существенно отражается на сроках расследования.

До недавнего времени на практике, применительно к неправомерному завладению безналичными денежными средствами, спорные вопросы судопроизводства по уголовным делам возникали, как правило, на стадии подготовки к судебному заседанию в силу неоднозначности и неопределенности норм права, определяющих момент окончания преступления и места совершения преступления.

Проблема разночтений определения окончания преступной деятельности органами следствия и судом приводила к возвращению уголовного дела судом для устранения препятствий его рассмотрения на основании, предусмотренном ст. 237 УПК РФ, а также направления по территориальной подсудности дела в соответствии со ст. 32 УПК РФ по месту расположения кредитной организации, где был открыт расчетный счет, на который поступили безналичные денежные средства. Такие решения судов первой инстанции обычно становятся предметом апелляционного и кассационного производства по представлению прокурора [1-3, 6], что само по себе говорит о возникающих противоречиях между стороной обвинения и судом, вытекающих из-за неопределенности в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Постановлением Пленума ВС РФ № 22 от 29.06.2021 г. отчасти отмеченные проблемы были разрешены. Однако, в сфере правоприменения, вышеуказанные спорные вопросы остаются быть актуальными, носят системный и неизбежный характер, а их решение возможно только на законодательном уровне. В этом отношении, по мнению авторов, уголовный закон должен содержать самостоятельный состав преступления, в конструкцию объективных признаков которого входило бы неправомерное завладение безналичными денежными средствами со счетов, открытых в финансово-кредитных организациях.

3. Уголовно-правовой аспект

Согласно Постановления Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 кража, ответственность за которую предусмотрена п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, считается оконченной с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца.

Правовая позиция Верховного Суда по вопросу определения момента окончания кражи носит устоявшийся характер и у правоприменителя не возникает

трудностей квалификации содеянного и установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания *при условии* общепринятого толкования термина «хищение имущества», «предмета кражи», под которым, в свою очередь, понимается совершение с корыстной целью противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Следует признать, что это правило по делам неправомерного завладения безналичными денежными средствами не позволяет с уверенностью определить момент окончания кражи по п. «г», ч. 3, ст. 158 УК РФ. Так списание денежных средств со счета не предполагает, что они однозначно поступят на счет виновного, а он будет иметь реальную возможность ими пользоваться или распоряжаться. Лишь в редких случаях, списывая денежные средства со счета потерпевшего, виновный фактически одномоментно, сразу может ими распорядиться. К примеру, в производстве следователей СУ УМВД России по Тюменской области находилось уголовное дело по факту совершения не установленным лицом хищения в виде кражи, когда злоумышленник, представляясь сотрудником банка по телефону получал от потерпевшего информацию о приходивших смс-кодах, послуживших доступом в мобильный банк потерпевшего. После чего злоумышленник дистанционно осуществлял платежи за интернет-покупки в торговой сети. Денежные средства со счета потерпевшего перечислялись на расчетный счет торговой организации. Говорить о том, что злоумышленник имел возможность распоряжаться денежными средствами на счете магазина не приходится. Распорядился деньгами злоумышленник в момент, когда отправил соответствующие поручение в банк по переводу денежных средств со счета потерпевшего. Очевидно, что ущерб потерпевшему в описанном случае причинен в момент изъятия денежных средств с банковского счета.

Полагаем, что окончание хищения безналичных денежных средств непосредственно связано с природой предмета преступления, которым традиционно признается вещь материального мира [5, с. 240]. Безналичные денежные средства не являются вещью материального мира как таковой и не охватываются общепринятым в уголовном праве понятием «предмета кражи» в действующей редакции уголовного закона.

Гражданский кодекс РФ относит безналичные денежные средства к виду имущественного права, представляющего собой обязательственное требование на определенную сумму к кредитной организации, в которой открыт данный счет. Данная правовая позиция изложена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П, который, по существу, признал безналичные денежные средства разновидностью имущественных прав, в нашем случае это предмет преступного посягательства.

Следует согласиться с позицией Пленума Верховного Суда РФ, что преступление будет оконченным с момента неправомерного изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб (п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 30 ноября 2017 г. № 48). Такую точку зрения

Пленум подтвердил и в постановлении Пленума ВС РФ № 22 от 29.06.2021 г. Однако следует заметить, что разъяснения высшего судебного органа не в полной мере последовательны. Пленум, считая хищение безналичных денежных средств окончанным преступлением с момента неправомерного изъятия денежных средств с банковского счета, тем не менее, проводит квалификацию содеянного как кража, которой характерны общие правила определения момента окончания преступления, что само по себе порождает правовую неопределенность. На данное обстоятельство ранее в специальной литературе по схожему вопросу обращалось внимание, связанному с моментом окончания хищения предметов, имеющих особую ценность [9, 11].

Полагаем, что при определении момента окончания хищения в форме неправомерного завладения безналичными денежными средствами необходимо руководствоваться специальными правилами, основанными на характере объекта (объектов) преступления, специфике формы хищения, особенностях предмета преступления.

Заключение

Таким образом, на основе изучения и анализа практики расследования и рассмотрения уголовных дел в суде, связанных с хищением безналичных денежных средств, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, позиций Верховного Суда РФ, авторы пришли к выводу о необходимости принятия специальной нормы, предусматривающей уголовную ответственность за неправомерное завладение безналичными денежными средствами, а равно электронными денежными средствами. Это позволит устранить и (или) нивелировать правовые коллизии в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве и повысить эффективность деятельности правоприменителя, а также оптимизировать отправление правосудия по вышеуказанным преступлениям.

Новелла объединит нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за некоторые формы хищений, в частности: кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г», ч. 3, ст. 158 УК РФ) и мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ).

Для уголовно-правовой квалификации способа хищения в виде неправомерного завладения безналичными денежными средствами, а равно электронными денежными средствами значение не имеют. Сам состав преступления материально-формальный.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляционное постановление Новосибирского областного суда № 22-1453/2020 от 13 мая 2020 г. по делу № 1-47/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TwQ8qhcpBJQ6/?page=15&regular-court=%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%>

- ВА%D0%B8%D0%B9+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29&regular-date_from=01.05.2020&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=31.05.2020&regular-area=&regular-txt=&_=1650350543445&regular-judge=
2. Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22-1913/2020 от 14 апреля 2020 г. по делу № 1-93/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/WPbNAE4E9LW5/?page=4&regular-court=%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%29&regular-date_from=01.04.2020&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=15.04.2020&regular-area=&regular-txt=&_=1650350692870&regular-judge=
  3. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда № 22-523/2020 от 26 мая 2020 г. по делу № 1-137/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/KvjMr8XIZUQW/?page=4&regular-court=%D0%A2%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%A2%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29&regular-date_from=01.05.2020&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=31.05.2020&regular-area=&regular-txt=&_=1650350233498&regular-judge=
  4. Белкин Р. С. Курс криминалистики: частные криминалистические теории. В 3 т. / Р. С. Белкин. Москва: Юристъ, 1997. Том 1. 464 с.
  5. Гаухман Л. Д. Ответственность за преступления против собственности / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. 2-е изд., испр. Москва: Центр ЮрИнфоР, 2001. 310 с.
  6. Кассационное определение № 77-1972/2021 от 25 мая 2021 г. по делу № 1-639/2020. Тюменский областной суд. Калининский районный суд г. Тюмени // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.05.2022).
  7. Прийти в платформу: в России появился ресурс для борьбы с мошенниками // Известия. 21 мая 2021.
  8. Смахтин Е. В. Криминалистика: кризис или необходимость уточнения содержания предмета? / Е. В. Смахтин // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 26–31.
  9. Третьяк М. И. Определение момента окончания хищения предметов, имеющих особую ценность, и других преступлений в судебной практике / М. И. Третьяк // Юридические исследования. 2013. № 2. С. 70–72.
  10. Уголовное право: учебник / под ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. Москва: Юрайт, 2012. Т. 2. Особенная часть. 911 с.
  11. Шеслер А. В. Момент окончания хищения / А. В. Шеслер, С. С. Шеслер, В. А. Шеслер // Вестник Сибирского юридического института МВД России. Теория и практика правоохранительной деятельности. 2021. № 1 (42). С. 45–50.

Yuriy P. BELYKH¹
Dmitriy V. LYASCHEV²

UDC 343.711

**THEFT OF NON-CASH FUNDS MEANS: CRIMINAL LAW,
CRIMINAL PROCEDURE AND THE FORENSIC ASPECTS**

¹ Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines,
University of Tyumen
y.p.belykh@utmn.ru

² Cand. Sci. (Jur.), Associate Professor,
Department of Criminal Law Disciplines,
University of Tyumen
d.v.lyashcev@utmn.ru

Annotation

From the point of view of modern criminal, criminal procedure law and criminalistics, the article is devoted to the problems of investigative and judicial practice in the investigation and consideration of criminal cases related to the theft of funds from bank accounts. The insurmountable obstacles encountered in the investigation of crimes by investigative bodies and the consideration of criminal cases of this category in courts determined the relevance of the research topic. From the point of view of novelty, an integrative analysis of the theory, provisions of law and practice in unity allowed the authors to come to the conclusion that the complexity of the criminal-legal qualification of these crimes entail the need for legislative clarification of existing or the construction of new elements of crimes related to the theft of non-cash funds. According to the authors, the specifics of the object, form of theft, place and subject of the crime determines the changes in the criminal law providing for criminal liability for the theft of non-cash funds, as well as electronic

---

Citation: Belykh Yu. P., Dmitriy V. L. 2022. “Theft of non-cash funds means: criminal law, criminal procedure and the forensic aspects”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 2 (30), pp. 152–163.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-152-163

---

money. Justification of the need to adopt the above-mentioned norm of the criminal law, at an early date, and the formulation of conclusions of a recommendatory nature are the objectives of this article.

During the study, the authors used dialectical, formal-logical, socio-legal and systemic methods.

Keywords

Illegal seizure of non-cash funds, the end of the crime, the place of the crime, the subject of the crime, contactless (remote) theft, judicial investigation of criminal activity.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-152-163

REFERENCES

1. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Appeal ruling of the Novosibirsk Regional Court no. 22-1453/2020 dated 13 May 2020 in case No. 1-47/2020. https://sudact.ru/regular/doc/TwQ8qhcpBJQ6/?page=15&regular-court=%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%B1%D0%B8%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29&regular-date_from=05/01/2020&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=05/31/2020&regular-area=&regular-txt=&_=1650350543445&regular-judge= [In Russian]
2. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Appeal Resolution of the Perm Regional Court No. 22-1913/2020 dated 14 April 2020 in case No. 1-93/2020. https://sudact.ru/regular/doc/WPbNAE4E9LW5/?page=4&regular-court=%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B9%29&regular-date_from=04/01/2020&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=04/15/2020&regular-area=&regular-txt=&_=1650350692870&regular-judge= [In Russian]
3. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Appeal decision of the Tambov Regional Court No. 22-523/2020 dated 26 May 2020 in case No. 1-137/2020. https://sudact.ru/regular/doc/KvjMr8XIZUQW/?page=4&regular-court=%D0%A2%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B9+%D1%81%D1%83%D0%B4+%28%D0%A2%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%29&regular-date_from=05/01/2020&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-workflow_stage=&regular-date_to=05/31/2020&regular-area=&regular-txt=&_=1650350233498&regular-judge= [In Russian]

4. Belkin R. S. 1997. Course of forensic science: private forensic theories. In 3 volumes. Volume 1. Moscow. 464 p. [In Russian]
5. Gauhman L. D., Maksimov S. V. 2001. Responsibility for crimes against property. 2nd ed., corrected. Moscow: Center YurInfoR. 310 p. [In Russian]
6. Reference legal system “ConsultantPlus”. Cassation ruling no. 77-1972/2021 25 dated May 2021 in case No. 1-639/2020. Tyumen Regional Court. Kalininsky District Court of Tyumen. Accessed on 5 May 2022. <http://www.consultant.ru> [In Russian]
7. Izvestia. 21 May 2021. Come to the platform: a resource has appeared in Russia to combat fraudsters. [In Russian]
8. Smakhtin E. V. 2017. “Forensic science: crisis or the need to clarify the content of the subject?”. Russian law: education, practice, science, no. 5 (101), pp. 26–31. [In Russian]
9. Tretyak M. I. 2013. “Determining the moment of the end of the theft of objects of special value and other crimes in judicial practice”. Legal research, no. 2, pp. 70–72. [In Russian]
10. Podroikina I. A., Seregina E. V., Ulezko S. I. (ed.). 2012. Criminal law: textbook. Moscow: Yurayt. Volume 2. Special part. 911 p. [In Russian]
11. Shesler A. V., Shesler S. S., Shesler V. A. 2021. “The moment of the end of the theft”. Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Herald. Theory and practice of law enforcement, no. 1 (42), pp. 45–50. [In Russian]

ЭКОНОМИКА

Кристина Алексеевна ЗАХАРОВА¹

Нуркен Ерболатович АКТАЕВ²

Анастасия Денисовна ПУРГИНА³

УДК 336.63

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА НА УРОВЕНЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ РЕГИОНА*

¹ кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
kr.a.zakharova@utmn.ru

² кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
n.e.aktaev@utmn.ru

³ студентка бакалавриата,
Тюменский государственный университет
nastya.d.purgina@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-410-720008.

Цитирование: Захарова К. А. Влияние финансов малого и среднего бизнеса на уровень экономического благосостояния региона / К. А. Захарова, Н. Е. Актаев, А. Д. Пургина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 164–183.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-164-183

Аннотация

Предпринимательство, олицетворяющее процесс формирования фондов в виде небольших независимых фирм — малые и средние предприятия (далее — МСП) является неотъемлемым элементом экономической системы. Данные субъекты осуществляют целый комплекс важнейших социально-экономических функций, которые в значительной мере способны влиять на общий уровень благосостояния региона. К ним относятся формирование дополнительных рабочих мест, повышение уровня конкурентной среды, выравнивание социальных диспропорций, внедрение и продвижение инновационных технологий. Перечисленные факторы непосредственно влияют на социально-экономическое развитие как страны в целом, так и отдельно взятой территории. Соответственно МСП являются одним из рычагов воздействия на благосостояние региона и качество жизни в нем.

В статье проведен статистический анализ современного состояния системы функционирования субъектов малого и среднего бизнеса в Российской Федерации, отражающий взаимовлияние ключевых показателей деятельности предприятий региона на финансовую устойчивость территории и отклика к внешним воздействиям. Также, в работе отражены результаты апробации концептуального подхода к изучению ранее представленных исследований экономистов, посвященных выявлению зависимостей развития деятельности малого и среднего предпринимательства и уровня благосостояния региона.

В результате выполненного исследования установлено, что на уровне субъектов РФ основными причинами развития деятельности МСП является формирование инфраструктуры поддержки бизнеса, представленной целым комплексом мер, осуществляющих существенную поддержку предпринимателей малого и среднего бизнеса. А именно, реализация программ по финансированию субъектов МСП, обеспечение информационными, консультационными и образовательными мерами поддержки. Также, в список реализуемых мероприятий входят имущественная и инновационное обеспечение субъектов малого и среднего предпринимательства. Вся эта совокупность оказывает значительное влияние на повышение уровня экономического благосостояния региона.

Ключевые слова

Малое и среднее предпринимательство, государственная поддержка малого и среднего предпринимательства, инфраструктура поддержки бизнеса, социально-экономическое развитие региона, финансовая устойчивость региона, благосостояние населения, качество жизни.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-164-183

Введение

Ввиду социальной направленности государственной политики России одним из стратегических направлений развития является обеспечение всеобщего благосостояния граждан, достижение которого требует разработки и поступательного

внедрения комплекса мер по преодолению различных несовершенств экономической и социальной сфер. Однако, формирование концептуального подхода укрепления уровня благосостояния государства требует индивидуального подхода с учетом различных особенностей территорий. Точечный подход обуславливается неравномерным развитием регионов в виде социальных диспропорций, отраслевых разрывов, географических особенностей и т. д.

Подъем уровня благосостояния региона является результатом роста экономики и покупательной способности населения. Все это относится к факторам увеличения потребительского спроса, который содействует укреплению устойчивости предпринимательства, вследствие чего повышается уровень благосостояния населения в целом.

Для российской экономики, нуждающейся в постоянном перераспределении ресурсов и повышении ресурсного потенциала, изучение данной темы особенно актуально. Экономический рост достигается посредством создания и обеспечения потребительского рынка товарами. В силу ограниченности ресурсов данный процесс приобретает особенное значение, так как развитие системы функционирования малых и средних предприятий позволяет преодолевать сложности и несовершенства рыночной экономики, путем ее реструктуризации, не используя при этом, крупных стартовых инвестиционных вложений [6]. Все это в совокупности приводит к увеличению скорости оборачиваемости ресурсов в экономике, что непосредственно влияет на экономическое благосостояние региона и страны в целом.

На современном этапе, вопрос оценки влияния малого и среднего бизнеса на экономическое благосостояние региона остается не раскрытым. Многие, применяемые концептуальные подходы не позволяют исследовать степень влияния МСП на экономику территорий. В частности, анализируются концепции развития малого и среднего предпринимательства [1, 16, 17].

Часть исследований посвящены анализу влияния различных факторов на социально-экономические условия развития территорий или страны в целом [9]. Другие работы описывают оценку эффективности государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, с позиции экономической отдачи использования государственных средств [4, 5, 6, 20]. Некоторые авторы предлагают, в рамках своих исследований, применять концептуальный подход к оценке эффективности реализации территориальных целевых программ [4].

Однако, множество трудов посвящены разработке методического инструментария для оценки вклада малого и среднего бизнеса в территориальную экономику [7, 8, 12]. Авторы применяют различные критерии, отражающие вклад малого и среднего бизнеса в развитие территории. Часть из них используют темпы прироста оплаты труда, численности занятых, налоговые вычеты, объем предоставленных субсидий [2]. Другие исследователи расширяют данную систему показателей за счет доли созданной валовой добавленной стоимости субъектами малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте, удельного веса числа субъектов малого и среднего бизнеса в общем

количестве субъектов хозяйствования, процентное соотношение числа занятых на всех предприятиях региона к числу занятых в штате малых и средних предприятий [14, 16]. Ряд авторов совершенствуют собственные методики, путем отражения еще большего количества значимых детерминант при оценке вклада МСП в социально-экономическое развитие региона [12].

Главным образом, необходимо подчеркнуть, что при разработке исследуемых методик в качестве зависимых детерминант использовался целый комплекс факторов, оказывающих существенное влияние на экономическое благосостояние региона, с точки зрения вклада предпринимателей малого и среднего бизнеса. Важность данного заключения состоит в том, что выдвигаемый методический инструментарий иллюстрирует особенности формирования инфраструктуры поддержки бизнеса представленного сектора. Изучение данного подхода к развитию деятельности малого и среднего бизнеса обусловлен общегосударственным ориентиром повышения социально-экономического развития территорий. Что, в свою очередь, формирует тенденцию к росту уровня экономического благосостояния региона.

Рассмотренные методики оценки вклада малого и среднего бизнеса позволяют получить необходимый инструментарий для оценки влияния финансов малого и среднего бизнеса на экономическое благосостояние региона. А также, апробировать одну из исследуемых методик с учетом специфических особенностей анализируемого региона. В связи с этим, основной задачей данного исследования является установление значимости изученного ранее методического инструментария и его апробация.

Методы

Методология исследования основывается на применении статистического анализа. Для эффективности оценки тенденций развития финансов малого и среднего бизнеса, а также, предпринимаемых государством механизмов поддержки субъектов МСП использовались нормативно-законодательные и стратегические документы РФ и Тюменской области, данные государственной службы статистики, данные отчетности федеральной налоговой службы, общероссийской общественной организации малого и среднего бизнеса «Российский союз промышленников и предпринимателей». В аналитической части статьи, также, использовался графический метод в целях визуализации данных.

По результатам исследованных методических и методологических концепций по оценке влияния малого и среднего бизнеса на уровень благосостояния региона, были установлены базовые принципы формирования системы частных показателей. А именно: комплексность, адаптированность, информативность. Данные принципы, вместе с отобранным методологическим инструментарием, благодаря проведенному ранее исследованию, обеспечили выбор комплекса значимых показателей, которые в совокупности указывают на существенное влияние малого и среднего предпринимательства на повышение уровня благосостояния региона.

Согласно применяемой методике, оценка вклада малого и среднего предпринимательства проводилась на основе следующих показателей:

- соотношение общей численности занятых в экономике субъекта к численности работников малых и средних предприятий (роль в социальном развитии, %);
- соотношение валового регионального продукта к обороту малых и средних предприятий (влияние на экономическое развитие, %).

Отобранные показатели включают критерии, оценивающие влияние малого и среднего предпринимательства в экономическое развитие области. Итоги их оценки способны характеризовать основные проблемы и преимущества исследуемого сектора экономики с точки зрения его влияния на благосостояние региона.

Результаты исследования и их обсуждение

На 10.05.22 г. в соответствии с данными статистики Федеральной налоговой службы малое и среднее предпринимательство насчитывает на своей территории 6,007 млн субъектов. Всего на данный момент в сфере МСП задействовано 14,594 млн работников и произведено 9,721 тыс. единицы продукции и услуг. МСП достаточно уязвимая категория предприятий, вместе с тем стратегически важная и обладает огромным потенциалом для развития. Однако же развитие МСП за последние 5 лет, представленное рис. 1, показывает отсутствие какого-либо устойчивого роста или падения, показатели изменчивы, что говорит о высокой подверженности предприятий каким-либо изменениям в экономике.

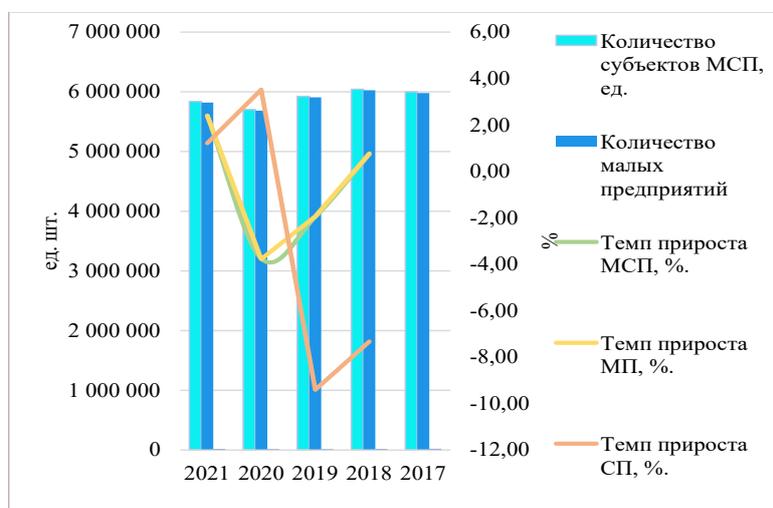

Рис. 1. Динамика основных показателей функционирования сферы малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации

Fig. 1. Dynamics of the small and medium-sized businesses development main indicators in the Russian Federation

За рассматриваемый период количество субъектов МСП в целом не изменилось, 2019 и 2020 гг. показывали падение на 1,96% и 3,78% соответственно, затем рост в 2021 г. на 2,4% по сути приблизил показатель к значениям 2017 г., но не превзошел его. Так же график показывает, что изменение общего количества малых и средних предприятий зависит именно от малых предприятий, их темпы прироста идут практически вровень, что объясняется преобладающим процентом малых предприятий в общем объеме МСП (99%).

Характеристика деятельности субъектов МСП представлена в работе на основе нескольких показателей: средняя численность работников предприятий, оборот предприятий, имеющие признак «вновь созданные» и средняя номинальная заработанная плата. Динамика этих индикаторов представлена на рис. 2.

Рис. 2. Основные показатели функционирования сектора малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации

Fig. 2. Key indicators of small and medium-sized businesses in the Russian Federation

По всем показателям, за исключением численности работников, наблюдается рост в 2018 г., номинальная заработная плата увеличилась на 12,22%, оборот показал увеличение на 9,5%, признак «вновь созданных» имело предприятий на 3,74% больше, чем в прошлом году, 2019 г. оказался менее благоприятным для предпринимателей и показывал падение по всем пунктам, однако падение можно охарактеризовать, как незначительное.

Негативная тенденция прослеживается по показателю средней численности работников, динамика устойчиво отрицательная на протяжении всего рассматриваемого периода.

Рассмотрим состояние МСП на примере конкретного региона — Тюменской области (рис. 3).

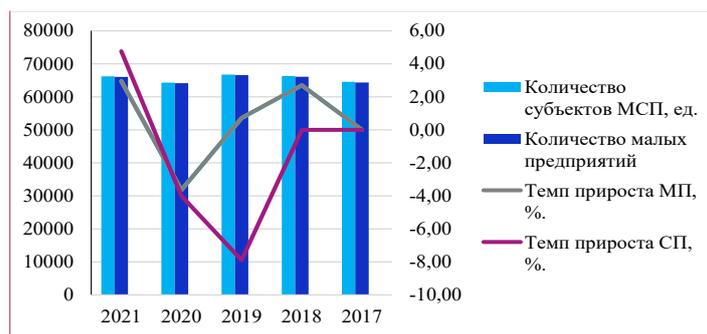

Рис. 3. Динамика основных показателей развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Тюменском регионе

Fig. 3. Dynamics of the small and medium-sized businesses development main indicators in the Tyumen region

Тюменская область, в разрезе регионов по количеству субъектов МСП занимает 24 место, на ее территории зарегистрировано 66,742 тыс. субъектов МСП, что составляет 1,13% от всего количества МСП по России, по показателю оборота регион занимает 22 место и вкладывает 0,9% в общероссийский оборот.

Динамика состояния малых и средних предприятий по Тюменской области отражает общероссийскую тенденцию: резкое падение в 2020 г. на 3,64% при росте в предыдущие и последующие годы. 2019 г. так же показывает рост, но всего в 0,73%, такой медленный темп прироста произошел на фоне незначительного прироста малых предприятий в 0,71% и падения средних предприятий на 7,89%.

Так, проводя параллель, можно заметить, что малое и среднее предпринимательство по России в целом и по Тюменской области обладают аналогичной динамикой (рис. 4).

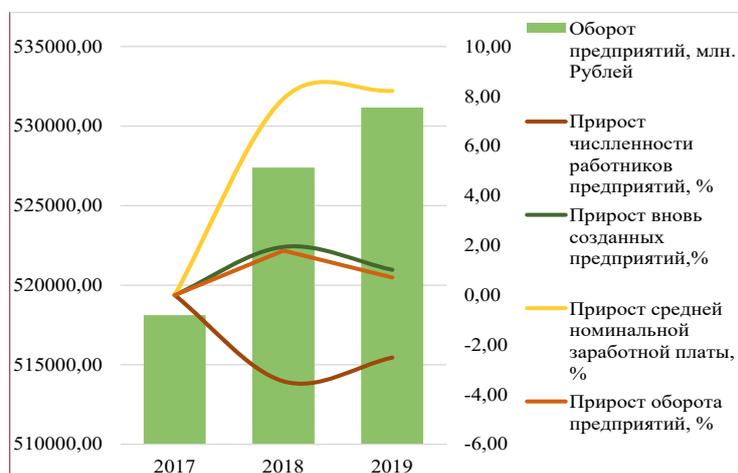

Рис. 4. Основные показатели деятельности малого и среднего предпринимательства в Тюменской области

Fig. 4. Key indicators of small and medium-sized businesses in the Tyumen region

В регионе, также, наблюдается положительная динамика показателей номинальной заработной платы (7,9% и 8,22% в 2018 и 2019 гг. соответственно), оборота предприятий (1,79% и 0,71% в 2018 и 2019 гг. соответственно) и признака вновь созданных предприятий (1,94% и 1,02% в 2018 и 2019 гг. соответственно). Наиболее быстрые темпы роста отмечаются по показателю номинальной заработной платы, остальные показатели движутся более планомерно. Как и по России в целом, показатель средней численности работников предприятий МСП имеет негативную тенденцию к падению, в 2018 г. показатель упал на 3,47%, а в 2019 г. на 2,51%. Так, деятельность исследуемого сектора экономики в Тюменской области можно охарактеризовать следующим образом: количество предприятий растет, средняя номинальная заработная плата и оборот предприятий увеличиваются, с каждым годом появляется все больше новых предприятий, однако средняя численность работников, занятых в сфере МСП устойчиво ползет вниз.

В целях оценки вклада МСП в благосостояние региона была использована методика группировки субъектов РФ по влиянию малого предпринимательства на уровень благосостояния регионов [5]. Для анализа вклада МСП в социально-экономическое положение Тюменской области были рассмотрены так же некоторые регионы УрФО, выбранные авторами как регионы-лидеры. Согласно упомянутой выше методике, оценка вклада малого и среднего предпринимательства осуществлялась основе следующих показателей:

- соотношение общей численности занятых в экономике субъекта к численности трудоустроенных на малых и средних предприятиях (роль в социальном развитии, %);
- соотношение валового регионального продукта к обороту малых и средних предприятий (влияние на экономическое развитие, %).

Результаты расчетов первого показателя представлены в таблице 1.

Таблица 1

Вклад МСП в социальное развитие по Тюменской области и «регионам-лидерам», %

Table 1

The contribution of small and medium-sized businesses to social development in the Tyumen region and the “leading regions”, %

Регион	2017	2018	2019	2020	2021
Свердловская область	26,47	26,17	25,69	26,50	24,93
Тюменская область (без АО)	9,92	9,75	9,50	9,66	9,12
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	18,57	17,88	17,29	17,10	16,22
Ямало-Ненецкий автономный округ	14,95	14,39	13,52	13,48	13,02

Очевидным, что вклад малых и средних предприятий в обеспечении рабочих мест снижается. Данная динамика наблюдается по всем исследуемым регионам.

Особый интерес представляет для нас тот факт, что общая численность занятых в экономике региона имеет тенденцию к росту, а непосредственная численность работников субъектов МСП падает. Неоспоримым лидером среди исследуемых регионов является Свердловская область, в среднем она насчитывает около 25% работников на предприятиях.

МСП в общей численности, занятых в регионе, так же немаловажный вклад в социальное развитие региона вносит МСП в ХМАО и ЯНАО и составляет в среднем около 17% и 14% соответственно за весь рассматриваемый период. Тюменская область смотрится наименее выгодно среди данных регионов, хоть и входят они в один федеральный округ и обеспечивает рабочими местами лишь 9% в среднем населения среди всех занятых в экономике.

Результаты расчетов второго показателя представлены на рис. 5.

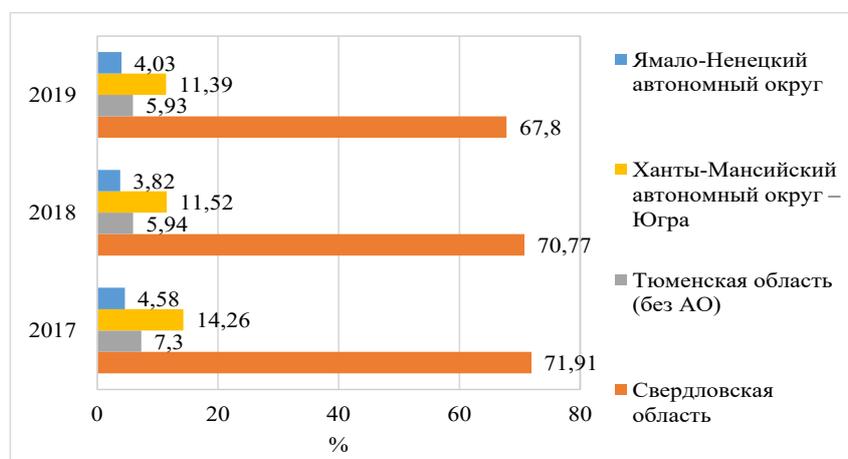

Рис. 5. Вклад МСП в экономическое развитие по Тюменской области и «регионам-лидерам», %

Fig. 5. The contribution of small and medium businesses to economic development in the Tyumen region and the "leading regions", %

Так же, как и по численности работников, абсолютным лидером в удельном весе оборота МСП в ВРП является Свердловская область и составляет в среднем 69%. Те же позиции занимает и ХМАО, обеспечивая оборот МСП на уровне в среднем 12% к ВРП. По вкладу в экономическое развитие Тюменская область (в среднем 6%) показывает значения чуть выше, чем ЯНАО (в среднем 4%). Отклонение вклада МСП в экономическое развитие региона так же имеет отрицательный характер в сторону понижения по всем представленным регионам, снижение осуществляется в связи с тем, что темп прироста ВРП обгоняет темпы прироста оборота МСП.

Следующим шагом для оценки вклада МСП в социально-экономическое развитие Тюменской области будет определение близости показателей исследуемого региона к эталонным значениям «регионов-лидеров». Это позволит

определить дистанцию каждого из регионов. Методика основывается на балльной оценке по 10-балльной шкале. Суммарные набранные баллы по показателям оценки характеризуют уровень вклада малого и среднего предпринимательства в экономическое благосостояние территориальной единицы, методом классификации его в рамках той или иной группы, указанной в таблице 2.

Таблица 2

Классификация механизмов поддержки МСП и уровень эффективности

Table 2

Classification of SMBs support mechanisms and level of effectiveness

Группа	Уровень вклада	Интервал баллов
I	Низкий	1-7
II	Средний	8-14
III	Высокий	15-20

Итоговые результаты расчета представлены в таблице 3.

Таблица 3

Исходные коэффициенты влияния малого и среднего предпринимательства на уровень экономического благосостояния региона

Table 3

The initial coefficients of influence of small and medium-sized enterprises on the level of economic well-being of the region

Субъект	Суммарная оценка	Группа	Оценка социального вклада	Оценка экономического вклада
Свердловская область	20	I	10	10
Тюменская область (без АО)	9	II	6	3
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	14	II	9	5
Ямало-Ненецкий автономный округ	10	II	8	2

Так, высокое влияние малых и средних предприятий на благосостояние региона отмечается в Свердловской области, которую мы относим к I группе. Тюменская область относится ко II группе, как и остальные исследуемые регионы, однако суммарное значение оценки вклада МСП в развитие региона находится на пограничном уровне и достигает неплохих показателей лишь благодаря высокому вкладу в социальное развитие региона в сравнении с «регионами-лидерами».

В связи с выявлением доли малого и среднего предпринимательства в развитии региона представляется целесообразным сравнить его с рейтингом качества жизни по регионам от «РИА Рейтинг» (таблица 4).

Построение рейтинга основывается на учете комплекса показателей, которые способны зафиксировать характер влияния различных факторов, определяющих условия жизни и ситуации в социально-экономической сфере.

Таблица 4
Рейтинг российских регионов
по качеству жизни

Table 4
Rating of Russian regions
by quality of life

Место	Субъект РФ	Рейтинговый балл (из 100)
1	Москва	79,3
2	Санкт-Петербург	77,3
3	Республика Татарстан	74,5
4	Белгородская область	66,8
5	Краснодарский край	63,9
6	Краснодарский край	63
7	Воронежская область	61,9
8	Ленинградская область	60,6
9	Калининградская область	59,2
10	Ханты-Мансийский автономный округ	58,8
11	Липецкая область	58,4
12	Ямало-Ненецкий автономный округ	58,1
13	Свердловская область	57,1
14	Тюменская область	57

Основываясь на рейтинге 2019 г., можно наблюдать следующую картину: исследуемые регионы входят в топ-15 по качеству жизни, однако Свердловская область в этом списке занимает 13 строчку, что на одну строчку выше Тюменской области. Среди исследуемых регионов лидером по качеству жизни является ХМАО (10 место), хотя согласно нашему исследованию это должна быть Свердловская область, но этот факт говорит лишь о большем количестве показателей, рассматриваемых при оценке рейтинга качества жизни, в котором МСП является лишь одним из индикаторов благосостояния населения того или иного региона, однако тот вклад, который вносят малые и средние предприятия в развитие региона, достаточен для того, чтобы быть на вершине рейтинга, состоящего из 85 строчек.

Таким образом, деятельность МСП благотворно влияет на благосостояние региона, что можно наблюдать и по рейтингу качества жизни, и по рейтингу основных показателей деятельности МСП, приведенных ранее. Существование зависимости между степенью развития малого и среднего предпринимательства и благосостоянием в регионе дает обоснование необходимости совершенствования государственных мер поддержки МСП в регионах с низкими показателями развития такого структурного элемента рыночной экономики, как малые и средние предприятия. Так как Тюменская область занимает не лидирующие позиции в части развития и вклада в благосостояние среди исследуемых регионов, целесообразно рассмотреть существующие меры поддержки и пути их совершенствования.

Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Тюменской области представлена такими направлениями как: финансовая, инфор-

мационная, консультационная, образовательная, имущественная и инновационная поддержки. Инфраструктура поддержки малого и среднего бизнеса в Тюменской области отражена в таблице 5.

Таблица 5

**Инфраструктура поддержки бизнеса
в Тюменской области**

Table 5

**Business support infrastructure
in the Tyumen region**

Финансовая поддержка	
Департамент инвестиционной политики и государственной поддержки предпринимательства Тюменской области	Субсидии малому и среднему бизнесу; гранты, реализуемые в форме субсидий
Департамент агропромышленного комплекса Тюменской области	Субсидий
Фонд «Инвестиционное агентство Тюменской области»	Целевые займы; гарантийный фонд; портфельное инвестирование проектов
Микрокредитная компания «Фонд микрофинансирования Тюменской области»	«Легкий старт» — для начинающих предпринимателей; МиР — для развития действующего бизнеса и т. п.
Имущественная поддержка	
Департамент имущественных отношений Тюменской области	Земельные участки, предоставляемые для реализации МСП
АО «Агентство инфраструктурного развития Тюменской области»	Индустриальные парки Тюменской области: Боровский, Богандинский, Агропарк «Ишимский», Промышленная площадка «ДСК-500», офисные помещения
ГАУ ТО «Западно-Сибирский инновационный центр» (Тюменский технопарк)	Бизнес-инкубатор
Информационная и организационная поддержка	
Бизнес-инкубатор ГАУ ТО «Западно-Сибирский инновационный центр» (Тюменский технопарк)	Проведение консультаций по проблемам производительности труда МСП
Центр поддержки экспорта Тюменской области	Помощь по поиску отечественного поставщика в рамках запросов иностранных клиентов; комплексное сопровождение контракта на экспорт; обеспечение участия МСП в акселерационных программах по развитию экспортной деятельности
Центр инноваций социальной сферы	Механизм государственной поддержки социально направленных МСП некоммерческих организаций; организация и проведение регионального этапа Всероссийского конкурса «Лучший социальный проект года»

Так же информационная поддержка осуществляется областными центрами компетенций в сфере производительности труда, региональным центром прототипирования, центром поддержки предпринимательства, МФЦ для бизнеса, союзом «Торгово-промышленная палата Тюменской области», акционерным обществом «Тюменская агропромышленная лизинговая компания», ассоциацией развития кластеров и технопарков России, акционерным обществом «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства»

Представленные на рис. 5 данные свидетельствуют о наиболее обеспеченной формой поддержки является финансовая, на ее долю приходится более 90% денежных выплат.

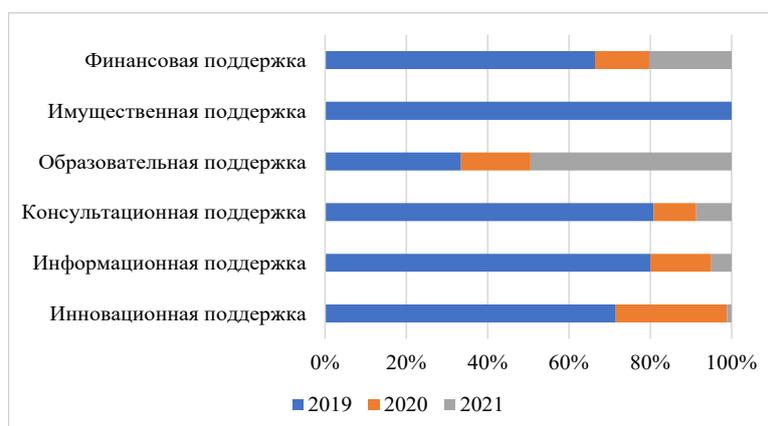

Рис. 6. Виды государственной поддержки МСП в Тюменской области

Fig. 6. Types of state support for SMBs in Tyumen region

Среди нефинансовых форм поддержки особо выделяется консультационная поддержка, по итогам 2019 г. было проведено 210,5 тыс. часов консультаций по разным направлениям. Однако совокупный объем предоставляемой поддержки в анализируемом периоде резко упал в 2020 г. на 81% в денежном выражении и на 89% в предоставленных часах поддержки, что является следствием COVID-19. Спад произошел абсолютно по всем направлениям поддержки, инновационная и имущественная упали на 100% и не предоставлялись в 2020 г. В 2021 г. отмечается восстановление положительного прироста мер государственной поддержки, общий объем поддержки в млн руб. увеличился на 52%, в то время как часы поддержки увеличились лишь на 2%, увеличение произошло за счет роста образовательной поддержки, консультационная же и информационная продолжили падать. В целом, несмотря на положительную динамику объема мер поддержки малого и среднего бизнеса, показатели говорят о том, что возвращение к «доковидным» временам еще не произошло и на данном этапе только происходит процесс наращивания темпов прироста, а показатели все еще стремятся к «докризисным».

Таким образом, наиболее востребованной формой поддержки является финансовая, так же значительное внимание государство уделяет консультационным мерам поддержки по различным направлениям. Однако неблагоприятные последствия коронавирусной волны сказываются как на деятельности самих предприятий, так и на способность государства предоставлять поддержку, и эти последствия продолжают влиять на основные показатели эффективности мер государственной поддержки. В среднем государственную поддержку на современном этапе нельзя характеризовать как эффективную.

Независимо от того, в каком объеме были осуществлены финансовые вложения, формирующаяся инфраструктура поддержки бизнеса территорий и ощутимый рост масштабы предприятий данного уровня, призванных оказывать положительное влияние на уровень благосостояния населения, на современном этапе не наблюдается.

Согласно опросу, проведенному РСПП и представленному в таблице 6, наиболее часто встречаемой проблемой при получении государственной поддержки является невозможность выполнить нормативно определенные условия программы.

Таблица 6

**Проблемы и ограничения,
с которыми столкнулись МСП, %**

Table 6

**Problems and limitations encountered
with repetition small and medium-sized
businesses, %**

Проблемы и ограничения, с которыми столкнулись МСП	%
Объективно невозможно выполнить нормативно определенные условия программы	63,5
Другое	21,8
Предъявление банками дополнительных требований, не предусмотренных госпрограммами	21,2
Бюрократизм в требованиях налоговых органов и их отличающийся состав по территориям	20,5
Прекращение предоставления средств в рамках согласованных ранее кредитных договоров	17,3
Продолжающееся начисление по кредитам пеней и штрафов, в период обращения за реструктуризацией	9,6
Лишение удаленного доступа к открытию счетов, вопреки рекомендациям Банка России	5,1
Блокировка операций по счету в связи с транзитным характером	3,8

В опросе участвовало 20% респондентов, относящихся к Уральскому Федеральному округу, что наблюдается и исходя из анализа, проведенного автором работы, так как количество часов консультационной поддержки, касающихся мер государственной поддержки входит в топ-5 всех часов консультационной поддержки, что вероятно в этой связи было бы целесообразно упростить условия программ и сделать их максимально доступными для предпринимателей. Так

же, очевидно, что у МСП в Тюменской области возникают проблемы с патентным лицензированием, так как консультационная поддержка в этом направлении достигает наивысших показателей, что в свою очередь требует обратить внимание государства на этот пункт.

Исходя из проведенного анализа, наименьшей поддержкой, выраженной в часах, является информационная, хотя важность информатизации малого и среднего предпринимательства через государственные каналы связи о поддержке достаточно высока. В связи с этим, целесообразно было бы обратиться к зарубежному опыту (Германия), где малый и средний бизнес обязывают быть членом объединений профессионалов. Относительно Российской Федерации, представляется возможным, рассмотреть структуры, действующие на базе имеющихся на современном этапе объединений. А именно: РСПП, ТПП, Деловая Россия, Опора России. Так как мы рассматриваем предложения в рамках региона, автором предлагается ориентироваться на региональное объединение, членство в которой должно быть обязательным для каждого субъекта МСП. Так, эти объединения будут являться каналом связи для доведения информации, так как проблема в том, что далеко не все предприниматели осведомлены о механизме поддержки. Так же данные объединения будут служить инструментом выявления потребности и определения для государства векторов, нуждающихся в усовершенствовании в инфраструктуре поддержки, достигаемые путем анкетирования. Эти анкетирования будут направлены на выявление основных проблем, мешающих созданию и развитию предприятий.

Заключение

В ходе работы выяснилось, что негативной тенденцией по Тюменской области отличается показатель средней численности работников предприятий, учитывая, что МСП является основой создания новых рабочих мест в экономике. В этой связи Тюменская область нуждается в мерах поддержки, направленных на сохранение рабочих мест. Это могут быть субсидии на сохранение штатной численности в размере МРОТ на 1 сотрудника, беспроцентный кредит на выплату зарплат и другие варианты. Это позволит предприятиям не искать выхода из тяжелой финансовой ситуации в сокращении штата работников.

Так же анализ мер, предоставляемых государством в Тюменской области, показал их ограниченность, особенно в части финансовых мер поддержки. К примеру, Департамент инвестиционной политики Тюменской области помимо неразнообразного перечня мер поддержки, в реестре предпринимателей-получателей мер поддержки отражает, что субсидии выдаются только лишь на субсидирование лизинговых платежей. Так же автором предлагается уделить в Тюменской области особое внимание социальному предпринимательству, разработать узконаправленные программы (например, креативное предпринимательство), которые бы соответствовали особенностям той или иной социальной группы, а также уделить внимание начинающим предпринимателям, которые как раз и трудовые ресурсы, в чем нуждается область в связи с падением численности работников на предприятиях МСП.

Таким образом, Тюменская область обладает высоким потенциалом в развитии государственной поддержки МСП и улучшения благосостояния региона, а так же качества жизни его населения, прежде всего, необходимо отметить то, чтобы создать условия для функционирования малого и среднего бизнеса — это непосредственно экономическая среда их существования, далее касательно самих мер поддержки, автором была выявлена необходимость расширения информационной поддержки, поддержки социального предпринимательства и других узких групп населения, введения мер поддержки, направленных на сохранение рабочих мест. Так же автором предлагается обратиться к зарубежному опыту и обязать предпринимателей становится членами региональных профессиональных объединений, которые бы позволили информировать всех и каждого о существовании тех или иных мерах поддержки, а также своевременно выявлять проблемы путем проведения опросов, в которых опять же участвовал бы каждый предприниматель, что делало бы результаты опроса более достоверными и основательными для применения. Общероссийской проблемой, которая по мнению автора должна быть рассмотрена и на уровне Тюменской области, является сложность нормативного выполнения некоторых условий программы, что вызывает необходимость совершенствования программ для того, чтобы сделать их более доступными и прозрачными для субъектов МСП. Преобразование государственных мер поддержки позволит повысить долю малого и среднего предпринимательства в социально-экономическом развитии региона, что непосредственно повлияет и на качество жизни в нем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Версоцкий Р. Р. Малое и среднее предпринимательство и его роль в рыночной экономике России / Р. Р. Версоцкий // *Управленческое консультирование*. 2019. № 10. С. 92–99. URL: <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-10-92-99>
2. Гражданкин В. А. Формирование институтов инфраструктуры поддержки малого предпринимательства в Алтайском крае / В. А. Гражданкин // *Российский государственный пед. университет имени А. И. Герцена*. 2009. № 93. С. 117–122.
3. Данные по формам статистической налоговой отчетности // Федеральная налоговая служба. 2022. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 20.05.2022).
4. Карпов В. В. Анализ и совершенствование механизма государственной поддержки малого и среднего предпринимательства / В. В. Карпов, А. А. Кораблева, Н. Т. Мозжерина // *Региональная экономика: теория и практика*. 2015. № 8 (383). С. 38–49.
5. Колесниченко Е. А. Совершенствование мер государственной поддержки предпринимательства на региональном уровне / Е. А. Колесниченко, Я. Ю. Радюкова, С. Е. Дронов // *Бюллетень науки и практики*. 2018. Том 4. № 10. С. 341–350.
6. Кремин А. Е. Методика оценки эффективности государственной поддержки малого предпринимательства в регионе / А. Е. Кремин // *Проблемы развития территории*. 2017. № 3 (89). С. 46–61. URL: http://library.vscs.ac.ru/Files/articles/1496395275_4661.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

7. Мазилев Е. А. Оценка влияния малого бизнеса на социально-экономическое развитие регионов / Е. А. Мазилев, А. Е. Кремин // Вопросы территориального развития. 2018. № 1 (41). С. 1–11.
8. Мироседи С. А. Оценка результативности функционирования системы инфраструктурной поддержки малого и среднего предпринимательства / С. А. Мироседи, Т. Г. Мироседи, Е. В. Гончарова // Российское предпринимательство. 2016. Том 17. № 23. С. 3413–3430.
9. Национальный онлайн-портал для предпринимателей // Мой бизнес. 2022. URL: <https://мойбизнес.рф/anticrisis> (дата обращения 25.05.2022).
10. О мерах поддержки российской экономики // Российский союз промышленников и предпринимателей. 2022. URL: <https://www.rspp.ru/activity/analytics/o-merakh-podderzhki-rossiyskoy-ekonomiki-vo-vremya-pandemii-chast-ii-mery-v-finansovoy-sfere/> (дата обращения: 20.05.2022).
11. Полуянов В. П. Влияние малого предпринимательства на отдельные показатели качества жизни населения / В. П. Полуянов, Е. В. Полуянов // Путеводитель предпринимателя. 2019. С. 135–146.
12. Попов С. А. Комплексный анализ оценки эффективности управления программами поддержки малого предпринимательства / С. А. Попов // Фундаментальные исследования. 2013. № 10. С. 2249–2252.
13. Рейтинг российских регионов по качеству жизни // РИАНовости. 2020. URL: <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> (дата обращения: 01.06.2022).
14. Романенко Е. В. Государственная поддержка малого предпринимательства: особенности формирования и повышения эффективности / Е. В. Романенко // Сибирский торгово-экономический журнал. 2009. № 8. С. 30–35.
15. Сергеева Т. Л. Оценка влияния малого бизнеса на развитие регионов / Т. Л. Сергеева, Ю. В. Лазич // Beneficium. 2020. № 1 (34). С. 13–20.
16. Соловьева Н. А. Комплексный подход к оценке вклада малого бизнеса в развитие сферы услуг / Н. А. Соловьева, О. В. Конева // Проблемы современной экономики. 2007. № 2. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1367> (дата обращения: 01.06.2022).
17. Статистические данные // Росстат. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 07.06.2022).
18. Статистические данные // Федеральная служба государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. 2022. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/139006> (дата обращения: 20.05.2022).
19. Статистические данные // Федеральная служба государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу. 2022. URL: https://tumstat.gks.ru/ofs_vug (дата обращения: 20.05.2022).
20. Филобокова Л. Ю. Инструментарий комплексной оценки конкурентоспособности региональных социально-экономических систем / Л. Ю. Филобокова // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 29. С. 14–21.
21. Urs Fueglistaller. Charakteristik und Entwicklung von Klein- und Mittelunternehmen (KMU) / Urs Fueglistaller // KMU HSG. 2004. 11 p.
22. Urs Fueglistaller. Tetriarisierung und Dienstleistungskompetenz in schweizerischen Klein- und Mittelunternehmen / Urs Fueglistaller // KMU HSG. 2008. Pp. 43–44.

Kristina A. ZAKHAROVA¹
Nurken E. AKTAEV²
Anastasia D. PURGINA³

UDC 336.63

**THE IMPACT OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS FINANCE
ON THE LEVEL OF ECONOMIC WEALTH OF THE REGION***

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
kr.a.zakharova@utmn.ru

² Cand. Sci. (Phys.-Math.), Associate Professor,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
n.e.aktaev@utmn.ru

³ Undergraduate Student,
University of Tyumen
n.v.ivanova@utmn.ru

Abstract

Entrepreneurship, embodying the process of funds formation in the form of small independent firms — small and medium enterprises is an integral element of the economic system. These subjects carry out a whole range of important socio-economic functions, which to a large extent can influence the overall level of the region's wealth. These include the creation of additional jobs, an increase in the level of the competitive environment, the alignment of social disproportions, the introduction and promotion of innovative technologies. These factors directly affect the socio-economic development of both the country as a whole and

---

* The research was supported by the Russian Foundation Basic Research and Tyumen Region within the framework of research project No. 20-410-720008.

Citation: Zakharova K. A., Aktaev N. E., Purgina A. D. 2022. "The impact of small and medium business finance on the level of economic wealth of the region". Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 2 (30), pp. 164–183.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-164-183

a particular territory. Accordingly, small and medium enterprises are one of the levers of influence on the welfare of the region and the quality of life in it.

The article provides a statistical analysis of the small and medium modern businesses development in the Russian Federation, reflecting the mutual influence of income from activities in the regions on financial activities in the territory and the impact on a broad impact.

Also, the paper reflects the results of a conceptual approach to the study of previously presented studies of economists devoted to identifying the dependencies of the small and medium businesses development and the level of welfare of the region.

As a result of the study, it was found that at the level of the constituent entities of the Russian Federation, the main reasons for the development of small and medium enterprises are the formation of a business support infrastructure, represented by a whole range of measures that provide significant support to small and medium businesses. Namely, the implementation of programs for the financing of small and medium enterprises, the provision of information, consulting and educational support measures. Also, the list of ongoing activities includes property and innovative support for small and medium-sized businesses.

Keywords

Small and medium businesses, state support for small and medium businesses, business support infrastructure, socio-economic development of the region, financial stability of the region, welfare of the population, quality of life.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-164-183

REFERENCES

1. Versotskiy R. R. 2019. "Small and medium enterprise and its role in the market economy of Russia". Management Consulting, no. 10, pp. 92–99. Accessed on 20 May 2022. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-10-92-99> [In Russian]
2. Grazhdankin V. A. 2009. "Formation of small business support infrastructure institutions in the Altai Territory". Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, no. 93, pp. 117–122. [In Russian]
3. Federal tax service. 2022. Data on forms of statistical tax reporting. Accessed on 20 May 2022. <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> [In Russian]
4. Karpov V. V., Korableva A. A., Mozzherina N. T. 2015. "Analysis and improvement of the mechanism of state support for small and medium enterprises". Regional Economy: Theory And Practice, no. 8 (383), pp. 38–49. [In Russian]
5. Kolesnichenko E. A., Radyukova Ya. Yu., Dronov S. E. 2018. "Improving measures of state support for entrepreneurship at the regional level". Bulletin of Science and Practice, vol. 4, no. 10, pp. 341–350. [In Russian]
6. Kremin A. E. 2017. "Methods for assessing the effectiveness of state support for small business in the region". Problems of Territorial Development, no. 3 (89), pp. 46–61. Accessed on 20 May 2022. http://library.vsc.ac.ru/Files/articles/1496395275_4661.pdf [In Russian]

7. Mazilov E. A., Kremin A. E. 2018. "Assessing the impact of small business on the socio-economic development of regions". *Issues of Territorial Development*, no. 1 (41), pp. 1–11. [In Russian]
8. Mirosedi S. A., Mirosedi T. G., Goncharova E. V. 2016. "Evaluation of the performance of the small and medium enterprises infrastructure support system". *Russian Enterprise*, vol. 17, no. 23, pp. 3413–3430. [In Russian]
9. My business. 2022. National online portal for entrepreneurs. Accessed on 25 May 2022. <https://мойбизнес.рф/anticrisis> [In Russian]
10. Russian Union of industrialists and entrepreneurs. 2022. On measures to support the Russian economy. Accessed on 20 May 2022. <https://www.rspp.ru/activity/analytics/omerakh-podderzhki-rossiyskoy-ekonomiki-vo-vremya-pandemii-chast-ii-mery-v-finansovoy-sfere/> [In Russian]
11. Polyakov V. P., Polyakov E. V. 2019. "Influence of small entrepreneurship on selected indicators of the quality of life of the population". *Entrepreneur's Guide*, pp. 135–146. [In Russian]
12. Popov S. A. 2013. "A comprehensive analysis of assessing the effectiveness of managing small business support programs". *Fundamental Research*, no. 10, pp. 2249–2252. [In Russian]
13. RiaNovosti. 2020. Rating of Russian regions by quality of life. Accessed on 20 May 2022. <https://ria.ru/20200217/1564483827.html> [In Russian]
14. Romanenko E. V. 2009. "State support of small business: features of formation and efficiency improvement". *Siberian Trade and Economic Journal*, no. 8, pp. 30–35. [In Russian]
15. Sergeeva T. L., Lazich Y. V. 2020. "Assessment of the impact of small business on the development of regions". *Beneficium*, no. 1 (34), pp. 13–20. [In Russian]
16. Solovieva N. A., Koneva O. V. 2007. "An integrated approach to assessing the contribution of small business to the development of the service sector". *Problems of Modern Economics*, no. 2. Accessed on 1 June 2022. <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1367> [In Russian]
17. Rosstat. 2022. Statistics. Accessed on 20 May 2022. <https://rosstat.gov.ru/> [In Russian]
18. Federal state statistics service for Sverdlovsk Oblast and Kurgan Oblast. 2022. Statistical data. Accessed on 20 May 2022. <https://sverdl.gks.ru/folder/139006> [In Russian]
19. Federal state statistics service for the Tyumen Region, the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra and the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. 2022. Statistical data. Accessed on 20 May 2022. https://tumstat.gks.ru/ofs_vug [In Russian]
20. Filobokova L. Yu. 2011. "Toolkit for a comprehensive assessment of the competitiveness of regional socio-economic systems". *Financial Analytics: Problems And Solutions*, no. 29, pp. 14–21. [In Russian]
21. Urs Fueglistaller. 2004. "Characteristics and development of small and medium-sized enterprises (SMEs)". *KMU HSG*. 11 p.
22. Urs Fueglistaller. 2008. "Tetriarization and service competence in Swiss small and medium-sized enterprises". *KMU HSG*. Pp. 43–44.

Наталья Алексеевна БАБУРИНА¹
Надежда Вячеславовна ИВАНОВА²
Анастасия Олеговна РЫЧКОВА³

УДК 336.63

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ*

¹ кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
n.a.baburina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-6970-0449

² старший преподаватель кафедры экономики и финансов,
Тюменский государственный университет
n.v.ivanova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6674-2179

³ студентка бакалавриата,
Тюменский государственный университет
stud0000212054@study.utmn.ru

Аннотация

Страхование жизни выступает локомотивом развития российского страхового рынка в последние годы. Виды страхования жизни, которые предлагаются страхователям в России, могут обеспечить не только страховую защиту населению, но и способствовать преумножению финансовых ресурсов, а тем самым и повышению экономического благосостояния. В статье проведен статистический анализ развития страхования жизни в России на современном этапе, который показал поступательное увеличение страховых премий и заключенных договоров по данному виду страхова-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-410-720008.

Цитирование: Бабурина Н. А. Страхование жизни как инструмент повышения благосостояния населения России / Н. А. Бабурина, Н. В. Иванова, А. О. Рычкова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 184–200.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-184-200

ния. Также, было выявлено, что преобладающими видами являются накопительное и инвестиционное страхование жизни, которые позволяют не только обеспечить страховую защиту, но и реализуют накопительную и инвестиционную функции. В то же время, выявлены существенная территориальная дифференциация страховых премий по страхованию жизни в России и низкий уровень его проникновения.

В работе были систематизированы исследования экономистов, посвященные детерминантам развития страхования жизни. Была предпринята попытка оценить детерминанты по данным России. Авторами были построены эконометрические модели, позволившие определить основные факторы, влияющие на развитие страхования жизни.

В результате проведенного исследования выявлено, что на уровне субъектов РФ детерминантами спроса являются как социальные, так и экономические факторы. Устойчивыми регрессорами, значимыми во всех построенных моделях, выступили валовой региональный продукт на душу населения, среднемесячная начисленная заработная плата, численность женского населения и численность безработных. Также значимыми в отдельных моделях выступили численность населения и уровень образования занятого населения.

Ключевые слова

Добровольное страхование, страхование жизни, рисковое страхование жизни, накопительное страхование жизни, инвестиционное страхование жизни, спрос на страховые продукты, благосостояние населения.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-184-200

Введение

В современном мире каждого человека занимает вопрос финансового и материального благополучия как себя лично, так и своей семьи в целом. Характер труда и образ жизни людей требует устойчивого уровня доходов и качества жизни. Это приводит к восприимчивости человека по отношению к окружающей среде и происходящим в ней событиям, которые невозможно контролировать, однако, которые существенно влияют на его благосостояние. Возможная вероятность неблагоприятных исходов, не зависящих от воли и действий физического лица — это риск. Человек постоянно сталкивается с рисками, которые прямым образом оказывают влияние на качество его жизни. Основными из них являются смерть и утрата здоровья в результате заболевания или несчастного случая [8]. Данные вероятности, соответственно, могут привести к сокращению или потере доходов человека, снижению его уровня жизни, к потере кормильца, от результатов труда которого зависит благосостояние лиц, находящихся у него на иждивении. Все это негативно отражается на финансовом положении индивида и его семьи.

Защита населения и поддержка людей, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, рассматривается на государственном уровне в рамках формирования

социальной политики, главной задачей которой является обеспечение достойного уровня жизни населения и поддержка отдельных категорий граждан. В частности, основным направлением государственной политики регулирования социальных диспропорций, выступают социальное обеспечение граждан в рамках оказания социальной поддержки в концепции общего повышения уровня благосостояния населения. Системные экономические риски и возрастающие факторы неопределенности усиливают центральную роль государства всеобщего благосостояния [2].

Однако, возрастающая нагрузка на бюджет, посредством наблюдающейся в настоящее время положительной динамики старения населения, снижения покупательной способности пенсионеров и их материальной обеспеченности, роста общего уровня безработицы и прочих несовершенств системы государственной социальной поддержки и обеспечения населения, не позволяет увеличивать расходы на финансирование социальной политики должными темпами.

В этой связи осуществление поиска наиболее подходящего способа укрепления финансового положения человека с учетом вышеперечисленных обстоятельств представляется целесообразным в контексте формирования приоритетных направлений развития благосостояния населения.

На современном этапе существует множество способов для формирования резервного источника доходов. Финансовый рынок предлагает широкий спектр инструментов, которые позволяют внести вклад в решение данного вопроса. Такими инструментами могут выступать: депозиты, индивидуальные инвестиционные счета, паи паевых инвестиционных фондов и другие инструменты рынка капиталов. Однако, данные методы вложения средств позволяют, при благоприятно сложившейся конъюнктуре рынка, увеличить сумму вложений, но не обеспечить смягчение финансовых последствий непредвиденных обстоятельств.

Таким образом, одним из перспективных инструментов финансового рынка выступает страхование жизни. Именно благодаря ему возможно решение многих проблем, прямо или косвенно связанных с деньгами, — это выплата средств в случае болезни или нетрудоспособности, получение дополнительной, негосударственной пенсии, а также наличие определенной финансовой подушки для семьи и близких в случае смерти застрахованного лица, страхование рисков которого предусмотрено в договоре страхования [7].

Страхование жизни — это инструмент, который домохозяйства используют для хеджирования неопределенности потоков трудовых доходов в течение жизненного цикла и для удовлетворения мотивов завещания [16]. Но, также, это инструмент повышения благосостояния, позволяющий накопить и преумножить финансовые средства.

Страхование жизни позволяет защитить себя от непредвиденных и, как правило, неблагоприятных событий в будущем, а также выполняет сберегательную функцию, позволяет сохранить и накопить денежные средства. Исходя из данного целевого предназначения, исследователи в основном делят страхование жизни на две группы: рисковое и накопительное страхование жизни. Рисковое

страхование позволяет обеспечить страховую защиту при наступлении какого-либо риска, например, смерти застрахованного лица. Данный вид страхования гарантирует финансовую защиту при неблагоприятных обстоятельствах, когда полученная компенсация покрывает текущие расходы на лечение и оплату медикаментов в случае получения тяжелого заболевания и инвалидности [4]. В связи с уходом из жизни застрахованного лица, выплаты получают лица, указанные в качестве выгодоприобретателей по договору. Таким образом, в чистом виде рисковое страхование жизни не предполагает образование накоплений и имеет только рисковую составляющую.

Накопительное страхование жизни, как инструмент обеспечения благосостояния человека в будущем, отличается от рискового именно условием накопления денежных средств в течение действия программы страхования, которые по ее окончании застрахованное лицо получит в любом случае. Клиент сам определяет, за какой период и какую именно денежную сумму он собирается накопить. Договор в таком случае, заключается на определенный срок, и если в процессе его действия происходит страховой случай, то выплата страхового возмещения также предусмотрена по условиям договора. А вот если программа закончилась, и неблагоприятного события не произошло, то клиенту выплатят накопленную за время действия программы сумму. В этом и состоит основное отличие рискового и накопительного страхования [8]. Накопительное страхование жизни как инструмент повышения благосостояния позволяет в долгосрочной перспективе накопить определенную сумму денежных средств путем перечисления периодических взносов в пользу страховой организации, в целях защиты себя и близких от некоторых рисков, связанных с жизнью, здоровьем и иными личными интересами.

Накопительное страхование жизни набирает популярность в последние годы и активно используется при формировании индивидуальной финансовой стратегии. Этому способствуют особенности данного финансового продукта, выгодно отличающего его от альтернативных финансовых инструментов. Как механизм повышения благосостояния граждан, накопительное страхование жизни обеспечивает одновременно и страхование жизни и здоровья, и накопление некой денежной суммы, определенной договором страхования, в течение продолжительного срока. Таким образом, в продукте накопительного страхования жизни комплексно сочетается накопительная и защитная компонента. Накопительная компонента обеспечивает формирование защитного фонда на будущее, позволяет достигать долгосрочные финансовые цели и диверсификацию финансовых ресурсов. Защитная компонента гарантирует страховое покрытие при наступлении страхового случая.

На финансовом рынке продукты страхования жизни активно развиваются. В последние годы популярность стало приобретать инвестиционное страхование жизни, сочетающее рисковую и инвестиционную компоненту, позволяющую получить дополнительный доход. Также новинкой на рынке страхования жизни выступает доленое страхование жизни, характеризующееся более высоким риском, но и более высокой потенциальной доходностью.

Страхование жизни играет существенную роль не только для обеспечения страховой защиты и повышения индивидуального благосостояния, но и способствует развитию национальной экономики путем предоставления долгосрочных финансовых ресурсов на финансовый рынок. Развитие инструментов финансовой защиты населения, при этом, позволяющих обеспечить финансовый рынок долгосрочными инвестиционными ресурсами, необходимыми для обеспечения экономического роста, выступает одной из основных проблем, которые пытаются решить экономисты и органы власти. Значительное количество исследований посвящено изучению детерминант, способствующих повышению спроса на страхование жизни.

Развитие страхования жизни непосредственно связано с уровнем благосостояния населения, потому как возникает в процессе перераспределения доходов и фондов физических лиц. Формирование спроса на страховые услуги зависит не только от потребности в компенсации ущерба, но и от наличия свободных денежных средств, которые могут быть направлены на страхование жизни [3].

Таким образом, одной из наиболее важных детерминант спроса на инструменты страхования жизни выступает уровень дохода. Рост дохода приводит к повышению востребованности страхования жизни и стимулирует страховые взносы [13, 17, 18].

Уровень образования, также, оказывает влияние на страхование жизни [11, 13, 17]. При этом в отдельных исследованиях [12] делается акцент на том, что высшее образование является ключом к повышению уровня дохода, который в свою очередь находится в прямой положительной связи со страхованием жизни. Авторы также отмечают, что повышение финансовой грамотности, путем расширения страховых знаний, будет способствовать развитию экономики и обеспечит социальную отдачу от страхования жизни [5].

Еще одним немаловажным фактором экономисты признают семейное положение человека [10, 17]. Семейные люди чаще задумываются о финансовом благополучии и о рисках для своих близких в чрезвычайных ситуациях. Как правило, люди, состоящие в браке, и одинокие платят разные ежегодные взносы в рамках договоров страхования жизни. Семейные люди более склонны к подписанию договора накопительного страхования жизни, чем одинокие. Также, наличие иждивенцев стимулирует спрос на данный страховой продукт [13].

Отдельные работы исследуют влияние гендерного фактора на развитие страхования жизни. Влияние данного фактора противоречиво. В одних работах отмечается, что женщины более склонны к заключению договоров страхования жизни в силу меньшей склонности к риску [10]. В других работах отмечается, что женщины реже застрахованы, чем мужчины [15].

Уровень финансового развития государства приводит к повышению продаж по страхованию жизни [13, 20]. Некоторые исследователи подчеркивают важность ценовой стабильности и развития банковского сектора для полной реализации сберегательной и инвестиционной функций страхования жизни в экономике [19].

В целом есть факторы и отрицательного влияния. Так снижение спроса на страхование жизни, а, тем самым, и сокращение продаж данного продукта про-

исходит под влиянием расходов бюджета на социальное обеспечение [20], высоких реальных процентных ставок, инфляции [13], безработицы [14].

Таким образом, страхование жизни представляется целесообразным исследовать, в сущности, как целостную систему экономических отношений, отражающую взаимосвязи процессов управления рисками, формирования сбережений, распределения накоплений между настоящим и будущим, направленную на укрепление уровня благосостояния населения.

Методы

Методология исследования базируется на применении динамического и структурного статистического анализа, а также корреляционно-регрессионного анализа. Для оценки тенденций развития страхования жизни использовались данные Банка России. Отсутствующие в статистике Центрального банка РФ данные по страховым премиям по накопительному и инвестиционному страхованию жизни дополнялись данными Всероссийского союза страховщиков [1]. Графический метод анализа также использовался для визуализации данных.

Выделены и проанализированы детерминанты, определяющие развитие страхования жизни в России. Были использованы данные Федеральной службы государственной статистики. Построены эконометрические модели, демонстрирующие влияние ряда регрессоров на спрос на страхование жизни. В частности, проведено построение моделей множественной линейной регрессии на основании панельных данных (390 наблюдений). В выборку включено 78 субъектов России. Оценка данных производилась за 5 лет с 2016 по 2020 гг. Построение и тестирование модели произведено в статистической программе *gretl*.

Результаты исследования и их обсуждение

Страхование жизни выступает драйвером роста страхового рынка на протяжении последних лет. Страховые премии по страхованию жизни растут опережающими темпами, что привело к повышению их доли в общем объеме страховых премий, собранных российскими страховщиками. По состоянию на январь 2022 г. наибольший удельный вес страховых взносов (29%) приходится именно на добровольное страхование жизни.

Динамика страховых премий и договоров по добровольному страхованию жизни за анализируемый период является положительной (рис. 1), несмотря на изменение деловой активности и экономической конъюнктуры в период пандемии коронавируса.

На приобретение продуктов страхования жизни сказались как психологические аспекты, обуславливающие потребность в страховой защите в нестабильный период, так и активизировавшееся сберегательное поведение, направленное на экономию и сбережение личных финансов и поиск альтернативных инструментов их вложения в целях укрепления уровня благосостояния индивида. Этим целям отвечают продукты накопительного и инвестиционного страхования жизни, на которые также возрос спрос за последние три года (рис. 2).

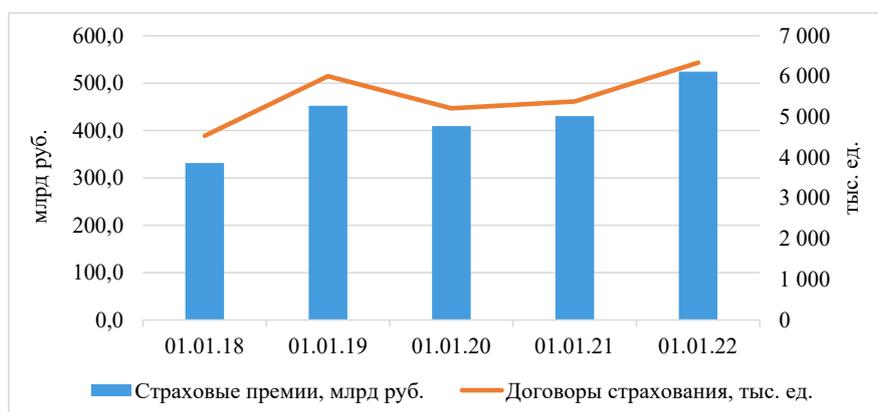

Рис. 1. Динамика страховых премий и договоров по добровольному страхованию жизни в России, млрд руб.

Fig. 1. Dynamics of voluntary life insurance premiums and contracts in Russia, billion rubles

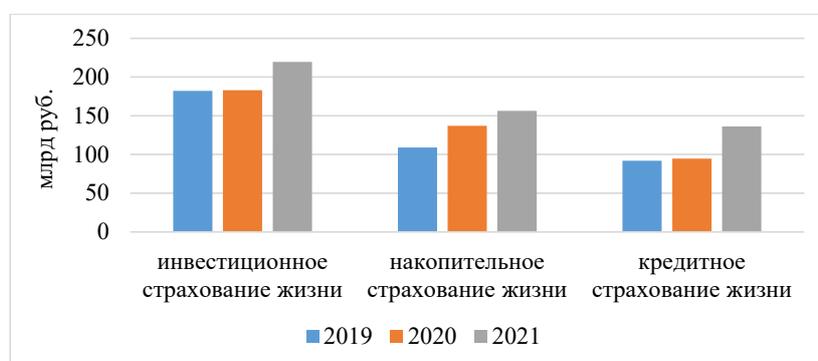

Рис. 2. Динамика страховых взносов по страхованию жизни по видам, млрд руб.

Fig. 2. Dynamics of life insurance premiums by type, billion rubles

Основной прирост премий пришелся на 2021 г., как следствие существенного смещения спроса потенциальных страхователей на инструменты, связанные с фондовым рынком. Спрос поддерживался банками, как одними из основных посредников в продажах полисов накопительного и инвестиционного страхования жизни, путем активных продаж своим клиентам, как альтернативы банковским вкладам. Потребительским мотивом являлось повышение благосостояния через вложения в альтернативные традиционные инструменты сбережения капитала на фоне небольших банковских ставок по депозитам. Прирост премий, также детерминировался и кредитным страхованием, премии по которому росли в привязке к росту объемов банковского кредитования.

В то же время, к концу 2021 г. стала наблюдаться тенденция замедления прироста по страхованию жизни, в частности, накопительному и инвестиционному. В основном, это произошло в ответ на ожидания ужесточения регулятор-

ных мер, связанных с порядком продажи страховых полисов, наполнением страховых программ, тестированием потенциальных страхователей на предмет финансовой грамотности. Также, с середины 2021 г. ставки по банковским депозитам постепенно стали увеличиваться, и поэтому стал вполне ожидаем переход клиентов из сегмента страхования жизни в банковский сектор.

В структуре премий по добровольному страхованию жизни на январь 2022 г. по данным Банка России преобладают такие виды страхования, как инвестиционное, накопительное и кредитное страхование жизни (рис. 3).

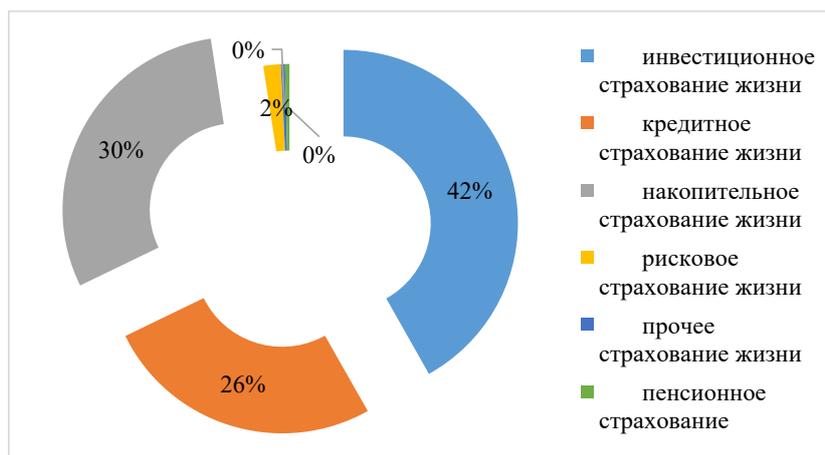

Рис. 3. Структура страховых премий по добровольному страхованию жизни по видам на 01.01.2022 г., %

Fig. 3. The structure of voluntary life insurance premiums by types of 01.01.2022, %

Инвестиционное и накопительное страхование жизни являются ключевыми инструментами накопления и капитализации финансовых ресурсов, а кредитное страхование активно продвигается коммерческими банками и связано с развитием кредитных продуктов и оживлением спроса на кредиты со стороны населения. Этим и обусловлено их доминирование в структуре страховых премий.

Особенностью современного страхового рынка выступает высокая доля концентрации в Центральном федеральном округе, в частности в Москве. По добровольному страхованию жизни также наблюдается высокая степень территориальной дифференциации страховых премий. Страховые премии в регионе лидере (г. Москва) в 447 тыс. раз превышают страховые премии по страхованию жизни в регионе аутсайдере (г. Севастополь). Данный разрыв в пересчете на душу населения приближается к 19 тыс. раз. Существенная разница в объемах страховых взносов наблюдается даже в срезе пятнадцати ведущих регионов по данному показателю (рис. 4).

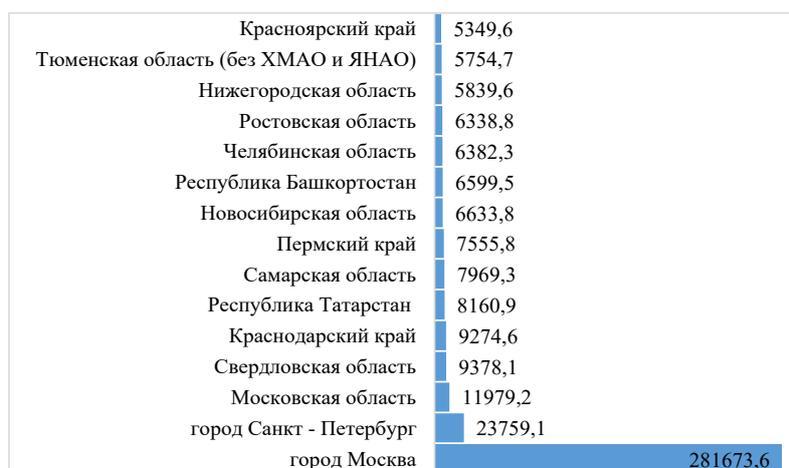

Рис. 4. Регионы лидеры по объемам страховых премий по добровольному страхованию жизни на 01.01.2022 г., млн руб.

Fig. 4. Regions leaders in terms of voluntary life insurance premiums of 01.01.2022, million rubles

Сложившийся разрыв в развитии страхования жизни по российским регионам является индикатором накопившихся проблем высокой дифференциации социально-экономического развития территорий страны. Следует также отметить низкий уровень проникновения страхования жизни, который варьируется по годам около 0,4%, что, с одной стороны, свидетельствует о низкой степени развития данного вида страхования, с другой стороны, отражает возможный потенциал роста.

Для оценки ключевых детерминант развития страхования жизни был проведен эконометрический анализ, устанавливающий взаимосвязь между страховыми премиями и договорами по страхованию жизни и потенциальными факторами влияния на развитие данного вида страхования в разрезе регионов России.

Для построения моделей использовались данные Банка России и Федеральной службы государственной статистики. Анализ проводился по 78 регионам Российской Федерации за период с 2016 по 2020 гг. В выборку не вошли отдельные регионы в связи с высокой дисперсией данных.

За зависимую переменную были взяты количество заключенных договоров страхования жизни и объем страховых премий по регионам РФ. Проведенный теоретический анализ исследований экономистов, посвященных выявлению детерминант развития страхования жизни, позволил определить необходимые факторы, которые были заложены в модели (таблица 1). Была построена корреляционная матрица, которая показала связь отобранных факторов с признаком и позволила первично исключить мультиколлинеарность.

На основании панельных данных построено три модели с зависимой переменной Y_1 : объединенная модель панельных данных, модель с фиксированными эффектами и модель со случайными эффектами. Оценки полученных данных представлены в таблице 2.

Таблица 1

Показатели, используемые для корреляционно-регрессионного анализа

Table 1

Indicators used for correlation and regression analysis

Обозначение	Показатель
Y1	количество заключенных договоров по страхованию жизни по регионам РФ, ед.
Y2	объем страховых премий по страхованию жизни по регионам РФ, тыс. руб.
X1	численность населения в регионах РФ, тыс. человек
X2	валовой региональный продукт (ВРП) на душу населения по регионам РФ, руб.
X3	доля занятого населения в регионах РФ с высшим и средним профессиональным уровнем образования, %
X4	численность женского населения в регионах РФ, тыс. человек
X5	среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в регионах РФ, руб.
X6	численность зарегистрированных безработных в регионах РФ, тыс. человек

Таблица 2

Результаты оценки регрессионных моделей с Y1

Table 2

Evaluation results of regression models (Y1)

Переменная	Объединенная МНК	Фиксированные эффекты	Случайные эффекты
const	-58769,2*** (17376,9)	-29123,8 (121145)	-51483,1*** (14895,4)
X1	14,5847*** (1,25985)	-	14,5233*** (1,1894)
X2	0,0082 *** (0,0024)	0,0197** (0,0094)	0,01*** (0,0033)
X3	725,336*** (229,919)	-	621,747*** (200,644)
X4	4,36352** (1,6927)	3,3916* (1,8588)	3,8881** (1,789)
X5	-0,11*** (0,02529)	-0,1142*** (0,0221)	-0,121*** (0,0257)
X6	108,770* (960,3718)	170,296*** (48,4906)	146,816*** (54,5583)
Количество наблюдений	390		
Количество регионов	78		
R ²	0,759154	0,876637	0,757481

Примечания: * — значимость на уровне 10%, ** — значимость на уровне 5%, *** — значимость на уровне 1%.
Notes: * — significance at the level of 10%, ** — significance at the level of 5%, *** — significance at the level of 1%.

Полученные оценки проверены на эконометрическую корректность. В частности, были проведены тесты на нормальность распределения остатков, мультиколлинеарность, гетероскедастичность (тест Вайта). Результатом проведения тестов на спецификацию модели стал вывод, что преимуществом обладает модель с фиксированными эффектами.

Также было построено три модели с зависимой переменной Y2. Оценки полученных данных представлены в таблице 3. Полученные оценки проверены на эконометрическую корректность. Результатом проведения тестов на спецификацию модели стал вывод, что преимуществом обладает модель с фиксированными эффектами.

Таблица 3

Результаты оценки
регрессионных моделей с Y2

Table 3

Evaluation results
of regression models (Y2)

Переменная	Объединенная МНК	Фиксированные эффекты	Случайные эффекты
const	-1,25322e+07** (5,10150e+06)	-6,30386e+07 (6,61029e+07)	-1,24910e+07** (5,07998e+06)
X1	1844,91*** (430,028)	-	1857,42*** (438,523)
X2	4,365*** (1,212)	11,4695** (5,6236)	4,3818*** (1,2213)
X3	134111** (55982,8)	-	133608** (55773,7)
X4	3173,74*** (1123,21)	1802,93*** (509,068)	3143,29*** (1096,29)
X5	-75,6353*** (18,4305)	-75,7466*** (19,1632)	-75,9641*** (18,6202)
X6	-27453,9* (16229,8)	-19535,9** (9672,23)	-27292,8* (16051,7)
Количество наблюдений	390		
Количество регионов	78		
R ²	0,376086	0,523328	0,376083

Модели, отраженные в таблице 2 и таблице 3 демонстрируют ряд зависимостей, которые важно учитывать при формировании политики развития страхования жизни. При этом существуют и ограничения проведенного эконометрического исследования. Построенные модели не претендуют на завершенность, были построены в рамках первичного тестирования детерминант развития страхования жизни, открыты для включения дополнительных факторов влияния и улучшения эконометрической корректности.

Заключение

Страхование жизни в России выступает перспективным продуктом, который может составить конкуренцию традиционным инструментам сбережения

и повышения благосостояния. В целом, в последние годы, наряду со страхованием от несчастных случаев и болезней данный вид страхования демонстрирует значительную динамику. Развитие страхования жизни обусловлено не только его особенностями, связанными с сочетанием рискованной, сберегательной и инвестиционной компонентой, но и с появлением новых видов в ответ на развитие финансового рынка и меняющиеся запросы потенциальных страхователей, выдвигающих спрос на продукты, способствующие повышению благосостояния. Тем не менее, оценка развития страхования жизни в России позволила выявить также высокую степень территориальной дифференциации страховых премий, в том числе на душу населения, существенный разрыв по данному показателю между регионом лидером и регионом аутсайдером, а также низкий уровень проникновения страхования жизни.

Проведенный в процессе исследования корреляционно-регрессионный анализ позволил определить текущие базовые детерминанты, оказывающие влияние на страхование жизни. Устойчивыми регрессорами, значимыми во всех построенных моделях, выступили индикаторы благосостояния и дохода (ВВП на душу населения, среднемесячная начисленная заработная плата), фактор пола (количество женщин) и показатель рынка труда (численность безработных). Также значимыми в отдельных моделях выступили численность населения и уровень образования занятого населения.

Повышение экономической компоненты благосостояния региона и его жителей положительно сказывается на динамике страховых премий и количества заключенных договоров по страхованию жизни. Положительный фактор дохода свидетельствует о повышении экономической активности, экономическом росте и уверенности в будущих доходах для внесения регулярных страховых взносов. В то же время, рост индивидуальных доходов и, в частности, их основной компоненты — заработной платы, показал обратную зависимость. Гендерный фактор подтверждает высказанную ранее в исследованиях экономистов гипотезу о меньшей склонности женщин к риску и тревожности за будущее семьи, что побуждает их искать инструменты защиты от риска с дополнительными финансовыми возможностями. Влияние безработицы на развитие страхования жизни неоднозначно, что подтверждается разными результатами оценки моделей. Тем не менее, рост напряженности на рынке труда порождает неуверенность в возможности получения стабильного дохода и, следовательно, регулярной оплаты страховых взносов, сокращает интерес к страхованию жизни и отрицательно влияет на совокупный объем страховых премий. Также анализ показал, что с ростом числа потенциальных страхователей и повышением их уровня образования и финансовой грамотности растет и спрос на страхование жизни. Полученные результаты могут быть использованы для разработки политики развития страхования жизни в контексте повышения благосостояния населения регионов России.

Проведенный анализ за предыдущие годы показал поступательное развитие страхования жизни в России. В то же время новые угрозы экономического раз-

вития в условиях усиливающейся турбулентности и нарастающей нестабильности формируют новые вызовы развитию страхования жизни в России. С одной стороны, возрастающая неопределенность будущего может вызвать психологическую потребность в обеспечении защиты себя и своих близких и может побудить повышение спроса на традиционный страховой продукт — накопительное страхование жизни. Универсальность, понятность и относительная надежность которого выступает значимым критерием при выборе его населением для сохранения и преумножения своих сбережений с покрытием возможных неблагоприятных событий в будущем. С другой стороны, прогнозируется переориентация спроса на традиционные инструменты сбережения, в частности вклады, в условиях роста их доходности. Возникает потенциальная возможность сокращения спроса на долгосрочные продукты в условиях высокой неопределенности и на продукты с инвестиционной компонентой на фоне высокой волатильности активов на финансовом рынке. Полученные результаты проведенного исследования могут быть использованы для разработки политики развития страхования жизни в контексте повышения благосостояния населения регионов России в условиях современных вызовов и угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анализ рынка страхования жизни за 2020 год // Информационно-аналитическое агентство в сфере страхования. Calmins.com — Обдуманное страхование 2022. URL: <https://calmins.com/analiz-rynka-strahovaniya-zhizni-za-2020-god/> (дата обращения: 07.06.2022).
2. Barr Н. Смена течений / Н. Barr // Финансы и развитие. 2018. С. 16–19. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2018/12/pdf/barr.pdf>
3. Клишина Ю. Е. Накопительное и инвестиционное страхование жизни — потенциал спроса / Ю. Е. Клишина, О. Н. Углицких // Страхование в информационном обществе — место, задачи, перспективы: Сборник трудов XX Международной научно-практической конференции. Владимир: Издательство Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2019. С. 262-268.
4. Кузнецова Н. В. Благосостояние населения как фактор развития страхового рынка / Н. В. Кузнецова // Baikal Research Journal. 2016. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagosostoyanie-naseleniya-kak-faktor-razvitiya-strahovogo-rynka> (дата обращения: 07.06.2022).
5. Кутурина Е. П. Накопительное и инвестиционное страхование жизни как следствие повышения финансовой грамотности населения / Е. П., Кутурина, Н. Ю. Мурыгина // Актуальные проблемы учета, налогообложения и развития ключевых сфер экономики: Материалы IX всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пенза: Издательство Пензенского государственного университета, 2018. С. 133–136.
6. Основные статистические показатели деятельности страховщиков // Банк России. 2022. URL: https://www.cbr.ru/insurance/reporting_stat/ (дата обращения: 07.06.2022).

7. Останин В. А. Подушки экономической безопасности в накопительном страховании жизни / В. А. Останин // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 10 (2). С. 408–413.
8. Перельгин С. В. Накопительное страхование жизни — залог финансового благополучия / С. В. Перельгин // *Современные страховые технологии*. 2019. № 2. С. 80–83.
9. Статистические данные // Росстат. 2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 07.06.2022).
10. Abdul-Fatawu M. Determinants of the demand for life insurance in the northern region of Ghana / M. Abdul-Fatawu, A. I. Logubayom, J. Abonongo // *The Journal of Risk Management and Insurance*. 2019. Vol. 23. № 1. Pp. 52–69. URL: <https://jrmi.au.edu/index.php/jrmi/article/view/174> (дата обращения: 07.06.2022).
11. Browne M. J. An international analysis of life insurance demand / M. J. Browne, K. Kim // *The Journal of Risk and Insurance*. 1993. Vol. 60. № 4. Pp. 616–634.
12. Lee H. S. The impact of middle and higher literacy on life insurance consumption: A case study from selected countries / H. S. Lee, K. L. T. Low, S. C. Chong et al. // *The Geneva Papers on Risk and Insurance — Issues and Practice*. 2018. № 43. Pp. 1–15. URL: <https://doi.org/10.1057/s41288-017-0050-7> (дата обращения: 07.06.2022).
13. Li D. The demand for life insurance in OECD countries / D. Li, F. Moshirian, P. Nguyen, T. Wee // *Journal of Risk and Insurance*. 2017. № 74. Pp. 637–652. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1539-6975.2007.00228.x> (дата обращения: 07.06.2022).
14. Liebenberg A. P. A dynamic analysis of the demand for life insurance / A. P. Liebenberg, J. M. Carson R. E. Dumm // *Journal of Risk and Insurance*. 2012. № 79. Pp. 619–644. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1539-6975.2011.01454.x> (дата обращения: 07.06.2022).
15. Luciano E. Life insurance ownership by Italian households: A gender-based differences analysis / E. Luciano, J. Outreville, M. Rossi // *The Geneva Papers on Risk and Insurance — Issues and Practice*. 2016. № 41. Pp. 468–490. URL: <https://doi.org/10.1057/gpp.2016.7> (дата обращения: 07.06.2022).
16. Mulholland B. S. Understanding the shift in demand for cash value life insurance / B. S. Mulholland, M. S. Finke, S. J. Huston // Available. 2013. № 15. URL: <https://ssrn.com/abstract=2347805> (дата обращения: 07.06.2022).
17. Satrovic E. Life insurance demand in Bosnia and Herzegovina: Statistical analysis / E. Satrovic // *Kapadokya Akademik Bakış*. 2019. Vol. 2. № 2. Pp. 141–165. URL: <https://dergipark.org.tr/en/pub/car/issue/44015/455988> (дата обращения: 07.06.2022).
18. Sen S. Regional determinants of life insurance consumption / S. Sen, S. Madheswaran // *Asian-Pacific Economic Litterature*. 2013. № 27. Pp. 86–103. URL: <https://doi.org/10.1111/apel.12024> (дата обращения: 07.06.2022).
19. Thorsten B. Economic, demographic, and institutional determinants of life insurance consumption across countries / B. Thorsten, W. Ian // *The World Bank Economic Review*. 2003. Vol. 17. № 1. Pp. 51–88. URL: <https://doi.org/10.1093/wber/lhg011> (дата обращения: 07.06.2022).
20. Zeriaa, M., Noubbigh, H. 2016. "Determinants of life Insurance demand in the MENA region". *The Geneva Papers on Risk and Insurance - Issues and Practice*, no. 41, pp. 491–511. Accessed on 7 June 2022. <https://doi.org/10.1057/gpp.2016.1>

Natalia A. BABURINA¹
Nadezhda V. IVANOVA²
Anastasija O. RYCHKOVA³

UDC 336.63

LIFE INSURANCE AS A TOOL TO INCREASE THE WELFARE OF THE RUSSIAN POPULATION*

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
n.a.baburina@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-6970-0449

² Senior Lecturer,
Department of Economics and Finance,
University of Tyumen
n.v.ivanova@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-6674-2179

³ Undergraduate Student,
University of Tyumen
stud0000212054@study.utmn.ru

Abstract

Life insurance has been the driving force behind the development of the Russian insurance market in recent years. The types of life insurance that are significant insurers in Russia include not only insurance protection for the population, but also compliance with the requirements for increasing financial resources, and thus high economic indicators of human welfare. The article provides a statistical analysis of the development of insurance in Russia on a special rise, which showed a progressive increase in insurance premiums and international agreements to identify risks. Also, it was found that the predominant types are accumulative and investment life insurance, which allow not only to provide insurance

---

* The research was funded by RFBR and Tyumen Region, project number 20-410-720008

Citation: Baburina N. A., Ivanova N. V., Rychkova A. O. 2022. “Life insurance as a tool to increase the welfare of the Russian population”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 2 (30), pp. 184–200.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-184-200

---

protection, but also implement accumulative and investment functions. At the same time, a significant territorial differentiation of insurance premiums for life insurance in Russia and a low level of its penetration were determined.

The work systematized the studies of economists devoted to the indication of the determinants of the development of life insurance. An attempt was made to estimate the determinants according to Russian data. The authors built econometric models that allowed to determine the main factors influencing the development of life insurance as a way to strengthen the financial position of an individual in Russia.

As a result of the study, it was revealed that at the level of the constituent entities of the Russian Federation, the determinants of demand are both social and economic factors. The stable regressors, significant in all constructed models, were the gross regional product per capita, the average monthly accrued wages, the female population and the number of unemployed. Also significant in some models were the population size and the level of education of the able-bodied population.

Keywords

Voluntary insurance, life insurance, risk life insurance, cumulative life insurance, investment life insurance, demand for insurance products, welfare of the population.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-184-200

References

1. Insurance news and analysis. Calmins.com — Thoughtful insurance. 2022. Life insurance market analysis 2020. Accessed on 7 June 2022. <https://calmins.com/analiz-rynka-strahovaniya-zhizni-za-2020-god/> [In Russian]
2. Barr N. 2018. “Change of currents”. Finance and development. Pp. 16–19. <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2018/12/pdf/barr.pdf> [In Russian]
3. Klishina Ju. E., Uglitskih O. N. 2019. “Accumulative and investment life insurance — demand potential”. Insurance in the information society — place, tasks, prospects: Proceedings of the 20th International Scientific and Practical Conference. Vladimir: Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletovs Publishing House. Pp. 262–268. [In Russian]
4. Kuznecova N. V. 2016. “Welfare of the population as a factor in the development of the insurance market”. Baikal Research Journal, no. 6. Accessed on 7 June 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/blagosostoyanie-naseleniya-kak-faktor-razvitiya-strahovogo-rynka>
5. Kuturina E. P., Murygina N. Ju. 2018. “Accumulative and investment life insurance as a result of increasing the financial literacy of the population”. Actual problems of accounting, taxation and development of key sectors of the economy: Proceedings of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. Penza: Penza State University Publishing House. Pp. 133–136. [In Russian]
6. Bank of Russia. 2022. Main statistical indicators of insurers. Accessed on 7 June 2022. https://www.cbr.ru/insurance/reporting_stat/ [In Russian]

7. Ostanin V. A. 2016. "Economic safety cushions in endowment life insurance". *Basic Research*, no. 10 (2), pp. 408–413. [In Russian]
8. Pereygin S. V. 2019. "Cumulative life insurance is the key to financial well-being". *Modern insurance technologies*, no. 2, pp. 80–83. [In Russian]
9. Rosstat. 2022. Statistical data. Accessed on 7 June 2022. <https://rosstat.gov.ru/> [In Russian]
10. Abdul-Fatawu M., Logubayom A. I., Abonongo J. 2019. "Determinants of the demand for life insurance in the northern region of Ghana". *The Journal of Risk Management and Insurance*, vol. 23, no. 1, pp. 52–69. Accessed on 7 June 2022. <https://jrmi.au.edu/index.php/jrmi/article/view/174>
11. Browne M. J., Kim K. 1993. "An international analysis of life insurance demand". *The Journal of Risk and Insurance*, vol. 60, no. 4, pp. 616–634.
12. Lee H. S., Low K. L. T., Chong S. C. et al. 2018. "The impact of middle and higher literacy on life insurance consumption: A case study from selected countries". *The Geneva Papers on Risk and Insurance — Issues and Practice*, no. 43, pp. 1–15. Accessed on 7 June 2022. <https://doi.org/10.1057/s41288-017-0050-7>
13. Li D., Moshirian F., Nguyen P., Wee T. 2017. "The demand for life insurance in OECD countries". *Journal of Risk and Insurance*, no. 74, pp. 637–652. Accessed on 7 June 2022. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6975.2007.00228.x>
14. Liebenberg A. P., Carson J. M., Dumm R. E. 2012. "A dynamic analysis of the demand for life insurance". *Journal of Risk and Insurance*, no. 79, pp. 619–644. Accessed on 7 June 2022. <https://doi.org/10.1111/j.1539-6975.2011.01454.x>
15. Luciano E., Outreville J., Rossi M. 2016. "Life insurance ownership by Italian households: A gender-based differences analysis". *The Geneva Papers on Risk and Insurance — Issues and Practice*, no. 41, pp. 468–490. Accessed on 7 June 2022. <https://doi.org/10.1057/gpp.2016.7>
16. Mulholland B. S., Finke M. S., Huston S. J. 2013. "Understanding the shift in demand for cash value life insurance". Available, no. 15. Accessed on 7 June 2015. <https://ssrn.com/abstract=2347805>
17. Satrovic E. 2019. "Life insurance demand in Bosnia and Herzegovina: Statistical analysis". *Kapadokya Akademik Bakış*, vol. 2, no. 2, pp. 141–165. Accessed on 7 June 2022. <https://dergipark.org.tr/en/pub/car/issue/44015/455988>
18. Sen S., Madheswaran S. 2013. "Regional determinants of life insurance consumption". *Asian-Pacific Economic Litterature*, no. 27, pp. 86–103. Accessed on 7 June 2022. <https://doi.org/10.1111/apel.12024>
19. Thorsten B., Ian W. 2003. "Economic, demographic, and institutional determinants of life insurance consumption across countries". *The World Bank Economic Review*, vol. 17, no. 1, pp. 51–88. Accessed on 7 June 2022. <https://doi.org/10.1093/wber/lhg011>
20. Zerriaa, M., Noubbigh, H. 2016. "Determinants of life Insurance demand in the MENA region". *The Geneva Papers on Risk and Insurance - Issues and Practice*, no. 41, pp. 491–511. Accessed on 7 June 2022. <https://doi.org/10.1057/gpp.2016.1>

Дмитрий Леонидович СКИПИН¹
Татьяна Александровна КОЛЬЦОВА²
Мария Владимировна ШАРГИНА³
Анастасия Владимировна ШАРГИНА⁴

УДК 338.2

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И УГРОЗЫ СОВРЕМЕННОГО БИЗНЕСА¹

¹ кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономической безопасности,
системного анализа и контроля, модератор панельной дискуссии,
Тюменский государственный университет
d.l.skipin@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5840-5789

² кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической безопасности,
системного анализа и контроля, член оргкомитета форума,
Тюменский государственный университет
t.a.kolcova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7894-5010

³ студентка бакалавриата,
Тюменский государственный университет
maria.shargina.99@mail.ru

⁴ студентка бакалавриата,
Тюменский государственный университет
anastasia.shargina.99@mail.ru

---

¹ Статья публикуется по результатам работы секции «Экономическая безопасность в условиях цифровой трансформации» в рамках Третьего Всероссийского форума в Тюмени по экономической безопасности 20–21.04.2022

Цитирование: Скипин Д. Л. Электронная коммерция: возможности и угрозы современного бизнеса / Д. Л. Скипин, Т. А. Кольцова, М. В. Шаргина, А. В. Шаргина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Том 8. № 2 (30). С. 201–217.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-201-217

Аннотация

Информационно-телекоммуникационная сеть Интернет — всеобъемлющая сеть, которая представляет собой систему, позволяющую множеству людей одновременно совершать различные операции по всему миру. Современный человек, используя компьютер, мобильный телефон или любой другой гаджет, может работать, учиться, совершать покупки. Электронная коммерция является быстро развивающейся системой, которая позволяет осуществлять сделки в электронном формате и способствует экономическому развитию страны. Электронная торговля, как вид электронной коммерции, приобретает масштабы и развивается с каждым годом все активнее, по всему миру. Предлагая услуги и товары, данная сфера объединяет государства, отрасли и владельцев бизнеса. С помощью современных интернет-технологий партнеры и покупатели могут эффективно взаимодействовать, что способствует росту торговли и экономики, а значит электронная коммерция является важной составляющей информационного общества и макроэкономики в целом. В процессе функционирования данной сферы цифровой экономики возникает множество угроз безопасности для бизнеса, потребителя и государства, но существует и немало преимуществ. Цель исследования заключается в раскрытии тенденций развития электронной коммерции в стране, возникающих угроз и направлений их нивелирования, а также возможных путей повышения эффективности ее функционирования. Основой исследования послужило поэтапное раскрытие возможностей потребителя на рынке электронной коммерции, угроз и путей их устранения; преимуществ продавцов в процессе электронной торговли, возникающих угроз экономической безопасности и их предотвращения; достоинств и недостатков электронной коммерции для государства. Результатом исследования явились рекомендации по противостоянию проблемам и потенциальным угрозам, сдерживающим развитие электронной коммерции в России.

Ключевые слова

Электронная экономика, электронная коммерция, электронная торговля, дистанционная торговля, продавец, потребитель, возможности электронной коммерции, угрозы электронной коммерции, экономическая безопасность.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-201-217

Введение

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в современном обществе электронная коммерция является новым этапом в сфере предоставления услуг и товаров посредством сети Интернет. Преимуществами электронной коммерции в сравнении с традиционным рынком сбыта можно назвать следующие: издержки бизнеса уменьшаются, а значит растет эффективность; скорость и качество передачи информации гораздо выше; не требуется затрат (доставка) на передачу электронной информации (электронные книги, фильмы, музыка,

справки, рабочие документы); есть возможность наиболее тщательно изучить рынок, провести анализ — это дает возможность качественно проработать свою стратегию; сокращается время для того, чтобы совершить сделку с поставщиком или же покупателем, в результате расчеты по данным операциям совершаются быстрее и др. Однако возникает немало угроз для владельцев электронного бизнеса и потребителей. Дальнейшее развитие данного бизнеса требует устранения проблем и возможных угроз, препятствующих развитию. Цель статьи — раскрыть тенденции развития электронной коммерции в России, возникающие угрозы и пути их ликвидации, а также направления повышения эффективности ее функционирования.

Методы

Исходными данными для исследования стали нормативно-правовые акты, труды российских ученых по различным аспектам темы, а также открытая информация Ассоциации компаний Интернет-торговли, Федеральной службы государственной статистики, ПАО «Сбербанк России». На разных этапах исследования использованы эмпирические методы, такие как наблюдение, сравнение, описание. Оценка тенденций развития электронной коммерции в стране, возможностей и угроз позволила выработать рекомендации по дальнейшей оптимизации бизнеса. К ним авторы пришли поэтапно, через раскрытие возможностей потребителя на рынке электронной коммерции, угроз и путей их устранения; преимуществ продавцов в процессе электронной торговли, возникающих угроз их экономической безопасности и направлений нивелирования; достоинств и недостатков электронной коммерции для государства.

Результаты исследования и их обсуждение

Электронная коммерция (e-commerce) — это система, помогающая совершать различные виды сделок, которые осуществляются в электронном формате при использовании телекоммуникационных сетей.

С момента появления в России сети Интернет прошло почти три десятка лет, и за это время она стала частью современной жизни большей части населения страны. За период с 2014 по 2020 гг. популярность использования сети Интернет выросла в среднем с 67% до 85% у жителей страны от 15 до 72 лет. Можно сказать, что ежегодно удельный вес населения, применяющих сеть, растет в среднем на 3%. Сеть Интернет используют чаще всего молодые люди в возрасте 15–19 лет (в 2020 г. 98,3% пользователей), 20–24 года (97,4%), 25–29 лет (98%), 30–34 года (97%) и 35–39 лет (96,3%). Это обусловлено доступностью получения различных данных, использование социальных сетей и сервисов для развлечений и работы. Группы населения в возрасте 40–59 лет пользуются информационно-телекоммуникационной сетью реже (80–94,8%), но доля пользователей также неуклонно растет. Используют Интернет для работы, поиска информации, онлайн-покупок и просмотра фильмов. Люди старшего поколения (60–64 лет) не так много времени проводят в онлайн-сервисах. С одной стороны, есть граждане, которые используют Всемирную сеть для

работы, поиска информации, просмотра видео. С другой — есть те, кому сложно разбираться в чем-то новом или отсутствует интерес к этому. На рис. 1 представлена информация о доле населения различных возрастных групп, обратившихся к сети «Интернет».

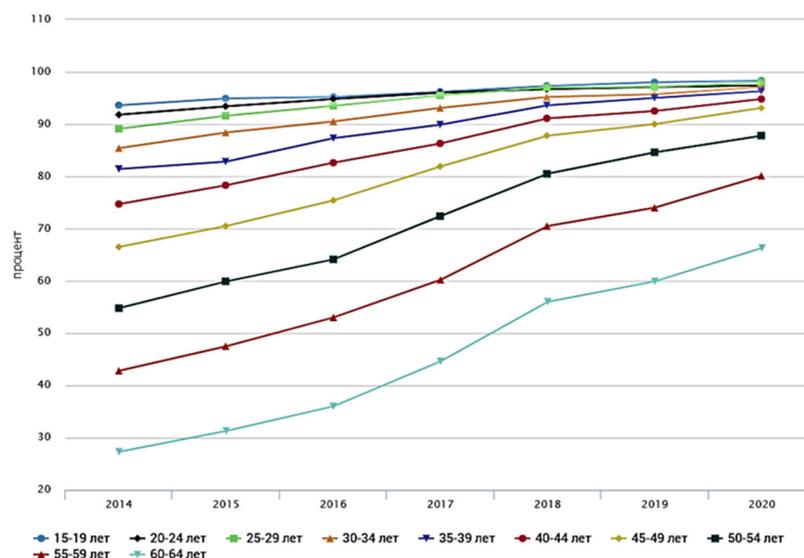

Рис. 1. Динамика доли населения, пользующихся информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет», 2014–2020 гг.

Fig. 1. Dynamics of the share of the population using the information and telecommunications network «Internet», 2014–2020 [1]

Электронная коммерция объединяет различные виды деятельности. Они представлены на рис. 2. Данные сделки возможно осуществлять между организациями, организациями и их заказчиками и даже между организациями и государственными учреждениями.

Предметом обсуждения многих исследователей является электронная коммерция, как способ осуществления торговых операций посредством электронных торговых площадок. Деятельность по электронной покупке или продаже — это электронная торговля товарами, услугами и электронными материалами. В ее состав входят: развитие и продвижение товаров и услуг, укрепление и поиск контактов среди потенциальных клиентов и продавцов, поддержка при совершении покупок, оказание консультаций.

Для того чтобы определить, на какой ступени развития находится дистанционная торговля, И. Б. Стукалова рассматривает исторические этапы становления такого бизнеса и приходит к выводу, что электронная коммерция стремительно развивается и является неотъемлемой частью современного бизнеса [6].

Выделены участники электронной торговли: потребители, предприниматели и сектор экономики — торговля. Для каждой группы участников приведены

различные возможности (удобство оплаты, персональные предложения, рабочие места) и угрозы (информационная безопасность, мошенничество). В целом, электронная торговля, по мнению цитируемого автора, помогает формировать новые рабочие места и способствует поступлению налогов в бюджет [6].

Рис. 2. Виды деятельности, составляющие электронную коммерцию Fig. 2. Activities that make up e-commerce

Рынок услуг и товаров в сети Интернет — высококонкурентен, это доказывает то, что каждый год появляются новые участники. Об этом говорят Б. Дон Медлин и А. Романиелло — электронная коммерция, а также новые технологии дают возможность организации оставаться конкурентоспособной в современных условиях [7].

Нельзя не сказать о развитии электронной коммерции в условиях новых вызовов времени. Так, А. Н. Захаров и Ю. А. Старовая рассматривают влияние пандемии на электронную коммерцию и выделяют следующие проблемы, которые

возникли для организаций, занимающихся интернет-торговлей: особый контроль за передвижением курьеров, а также контроль социальной дистанции; продление (переносы) сроков доставки из-за большого количества заказов; высокий спрос на товары, которые находятся в интернет-магазине в ограниченном количестве. Невыполнение или несоблюдение данных требований представляет собой угрозу потери прибыли, статуса и клиентов. Но в основном организации, занимающиеся электронной торговлей, выходят в плюс, даже несмотря на неблагоприятную ситуацию, связанную с пандемией [4].

Электронная коммерция — современный способ заключения сделки между покупателем и продавцом. Очень удобный, доступный, не требует много времени и с каждым годом его популярность растет. На платформе электронной коммерции каждый потребитель сможет найти товары или услуги, которые удовлетворят его запрос. Основными участниками рынка электронной коммерции выступают: покупатель, продавец и государство. Рассмотрим достоинства и угрозы для покупателя на рынке электронной коммерции. Они представлены в таблице 1.

Таблица 1

Возможности и угрозы покупателя на рынке электронной коммерции

Table 1

Opportunities and threats of the buyer in the e-commerce market

ПОКУПАТЕЛЬ	
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Выбор из большого ассортимента продукции, быстрый поиск; • экономия времени; • наличие товаров различных ценовых категорий; • совершение покупок в любой стране мира; • доступность информации о товаре; • удобная оплата; • замена реального похода в магазин; • совершение покупок круглосуточно; • выбор способа получения товара; • отслеживание стадий доставки товара; • общение онлайн с продавцом и потребителями, которые приобрели аналогичный товар; • возможность возврата товара продавцу. 	<ul style="list-style-type: none"> • Утечка персональных данных; • большие временные промежутки между оплатой товара и его доставкой; • нарушение сроков доставки; • подмена товара; • несоответствие товара с его заявленными характеристиками; • сложность с обменом и возвратом; • низкокачественная интернет-связь; • невозможность реальной оценки товара до фактического получения; • осуществление мошеннических действий с данными покупателя; • нарушение прав потребителей.

На рис. 3 приведена в динамике доля людей, применявшего для приобретения товаров и услуг сеть Интернет. За 2014–2020 гг. отмечается рост удельного веса населения, воспользовавшегося для этого сетью Интернет, онлайн-шопинг набирает популярность во всех регионах страны. В целом по России доля тако-

го населения выросла до 40,3%. Наиболее активно совершают покупки в сети Интернет в г. Москва: в 2014 г. 36,2% населения, а к 2020 г. их число достигло 60,5% и Московской области — 59,3%, а также в г. Санкт-Петербург, в 2020 г. — 54%. Третью часть от всех покупок в сети Интернет делают именно жители Москвы и Санкт-Петербурга.

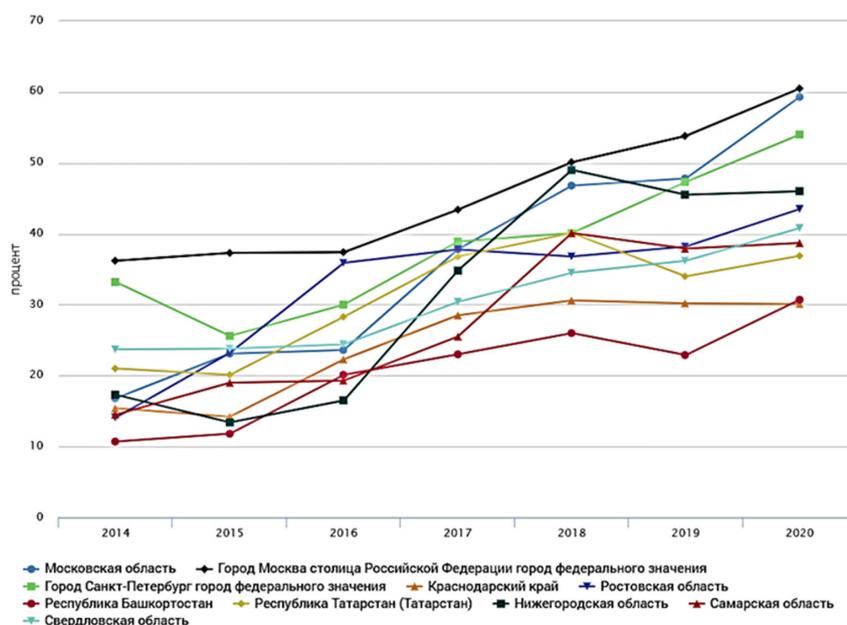

Рис. 3. Динамика доли населения, применявшего для заказа товаров, услуг сеть Интернет, 2014–2020 гг.

Fig. 3. Dynamics of the share of the population using the Internet to order goods and services, 2014–2020 [2]

Многие интернет-магазины активно развиваются и в регионах, так как существует не такая жесткая конкуренция за покупателя, как в Москве, а также в Московской области. Развитие электронной торговли в регионе зависит от того, насколько потребитель доверяет интернет-магазинам и его готовностью (денежные средства) совершать покупки, есть ли у него потребность в этом; может ли производитель, предлагающий товар или услугу, заинтересовать покупателя и добиться того, чтобы покупатель был в безопасности при совершении покупок, а также сам продавец имел надежную систему защиты своего онлайн-бизнеса. Практически во всех областях в 2015 г. замечен небольшой спад покупок в сети Интернет, это связано с тяжелой макроэкономической ситуацией. Постепенный рост вызван тем, что более активно развиваются мобильные приложения, увеличилось количество рекламы товаров и развитие платежей через мобильные телефоны, а также улучшение экономической ситуации. Так, население Свердловской области и Татарстана увеличили количество интернет-заказов за период 2014–2020 гг. более чем на 15%.

Для обеспечения безопасности осуществления действий в сети интернет-покупателю следует:

1. Приобретать товары и услуги только через проверенные браузеры и официальные приложения;
2. Повышать финансовую, компьютерную и правовую грамотность;
3. Внимательно анализировать данные продавца, с которым планируется заключить сделку;
4. Применять сложные пароли для защиты своих данных и не совершать операций при подключении к общественной сети Wi-Fi;
5. При оформлении заказа учитывать все характеристики товара, отзывы и рекомендации;
6. Осуществлять безопасные платежи — не сообщать информацию о банковской карте подозрительным продавцам и не публиковать личные данные в открытом доступе.

Возможности и угрозы продавца на рынке электронной коммерции представлены в таблице 2.

Таблица 2

Возможности и угрозы продавца на рынке электронной коммерции

Table 2

Opportunities and threats of the seller in the e-commerce market

ПРОДАВЕЦ	
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Не надо больших финансовых вложений; не требуется «стандартной» торговой площадки; • возможность выхода на международный рынок; • быстрая окупаемость бизнеса; • перекрестные и повышающие продажи; • формирование индивидуальных предложений; • автоматизация процессов; • большой выбор видов деятельности для запуска бизнеса; • выбор способа доставки; • самостоятельное регулирование графика работы. 	<ul style="list-style-type: none"> • Утечка персональных данных покупателей, их использование в личных целях; • использование копий сайта мошенниками; • хакерские атаки; • многочисленная регистрация, создание личного кабинета на одно лицо; • возврат товара; • сбои в работе сети Интернет; • сокращение уровня доходов населения; • потеря репутации; • допущение ошибок персоналом; • трудности перевозки товара; • большие расходы на рекламу; • несовершенство платежных систем; • трудности при получении займов и кредитов; • санкции, политические и законодательные изменения.

Если сравнивать регионы России по удельному весу продаж в суммарном объеме реализации через Интернет (рис. 4), то наибольшую долю занимает Москва. С 2014 по 2021 г. она выросла на 8% и составила в 2021 г. 9,1%.

Второе место после Москвы занимает Санкт-Петербург (8,7%), далее идет Свердловская область (7,2%) и Московская область (6,6%), наименьший показатель в Республике Башкортостан — 0,8%. Кроме того, рост онлайн-торговли тесно связан с увеличением количества сервисов по транспортировке, доставке товаров. Для сокращения издержек компании даже те, что всегда работают в обычном режиме, не в сети Интернет, пытаются развивать различные онлайн-услуги. В будущем ожидается увеличение электронной коммерции, а значит, доходы бюджета будут расти за счет налоговых отчислений. В виду последних событий, которые происходят с момента пандемии (2019 г.) и по сей день, многие отрасли пытаются как можно быстрее подстроиться под окружающие условия и увеличивают количество автоматизированных операций. В общем объеме доля продаж через Интернет в России составляет 4,8%, на 2021 г. Россия находится на 41-ом месте по развитию онлайн-торговли среди 152 стран.

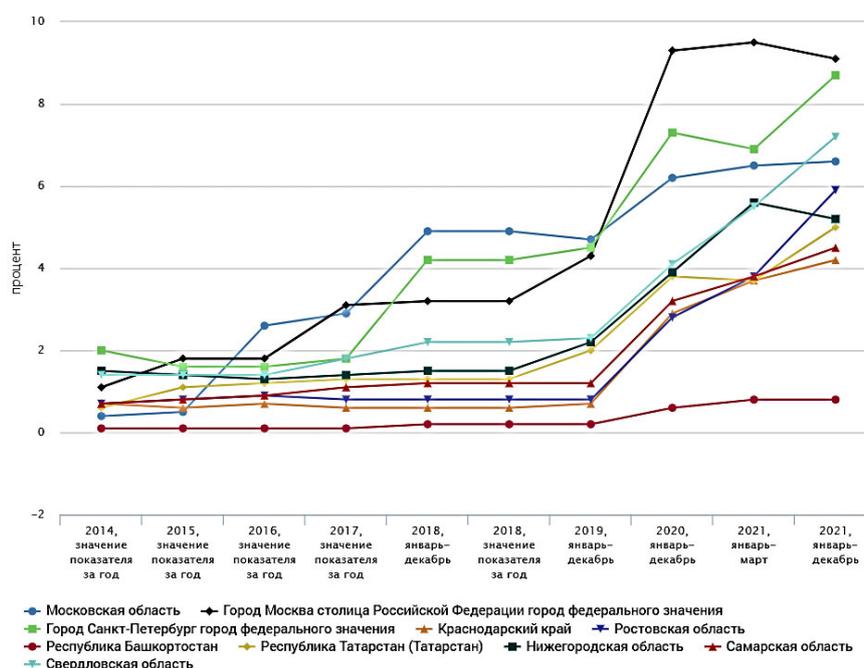

Рис. 4. Динамика доли продаж через Интернет в суммарном торговом обороте, 2014–2021 гг.

Fig. 4. Dynamics of the share of sales via the Internet in the total trade turnover, 2014–2021 [3]

Ярким примером утечки персональных данных и их использования в личных целях является онлайн-сервис заказа и доставки еды «Яндекс. Еда». «Яндекс. Еда» — глобальный сервис услуг, который дорожит своей репутацией и постоянными клиентами, но в последних числах февраля 2022 г. в результате действий злоумышленников с данного сервиса был похищен большой объем данных

(более 49 млн строк с заказами). В распоряжении преступников оказались следующие сведения о пользователях сервиса: имена, адреса (58 тыс.), номера телефонов (7 млн), информация о совершенных заказах. После этого инцидента руководство компании сообщило пользователям об утечке их персональных данных. Сервис «Яндекс. Еда» предпринял следующие меры противодействия злоумышленникам:

1. Блокировка каналов и сайтов, на которых опубликовываются утекшие данные;
2. Удаление файлов со сведениями о заказах посредством связи с регистраторами и облачными хранилищами;
3. Сотрудничество с правоохранительными органами.

После случая утечки персональных данных сервис «Яндекс. Еда» произвел следующие мероприятия по укреплению защиты информации, находящейся в системе сервиса услуг (рис. 5).

Рис. 5. Мероприятия по защите информации сервиса «Яндекс. Еда»

Fig. 5. Measures to protect personal data of the “Yandex. Food” [5]

Для привлечения большего числа покупателей и развития бизнеса продавец должен:

1. Защищать данные, используя криптографические методы;
2. Осуществлять внутренний контроль за деятельностью сотрудников, повышать их квалификацию;
3. Повышать удобство использования сайта;

4. Расширять ассортимент (новые и уникальные продукты), улучшать качество и сроки доставки;
5. Развивать бизнес не только на уровне отдельного города, но и в регионе, стране;
6. Использовать современные информационные технологий.

Еще один участник электронной коммерции, как отмечалось выше, государство. Возможности и угрозы государства на рынке электронной коммерции представлены в таблице 3.

Таблица 3

Возможности и угрозы государства на рынке электронной коммерции

Table 3

Opportunities and threats of the state in the e-commerce market

ГОСУДАРСТВО	
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Содействие малому и среднему предпринимательству; • ускорение промышленного роста; • выход на мировой рынок; • увеличение налоговых поступлений; • доступность для всех регионов России (в том числе для труднодоступных районов); • увеличение таможенных поступлений; • появление новых рабочих мест (снижение безработицы). 	<ul style="list-style-type: none"> • Вывоз из страны товаров отечественного производства и преобладание иностранных участников на рынке электронной коммерции; • развитие теневого бизнеса и сомнительное движение капитала; • недобросовестная конкуренция; • медленное развитие современных информационных технологий.

Для того, чтобы минимизировать угрозы в электронной коммерции, государству следует:

1. Основываться на легализации и мотивировании интернет-торговли, а не вводить ограничения;
2. Поддерживая внутренний рынок, государство должно обеспечить высокоскоростным Интернетом все население страны;
3. Особое внимание следует уделить разработке нормативных актов, регулирующих совершение онлайн-операций, обезопасить личные данные покупателей и бороться с мошенничеством в электронной коммерции.

Электронная торговля является элементом, который ускоряет развитие отраслей экономики, повышает спрос и помогает решить социально-значимые проблемы.

Заключение

Направления дальнейшего исследования авторы связывают с повышением эффективности функционирования электронной коммерции в стране. Сегодня можно вести речь о двух группах причин, которые мешают полноценно развиваться электронному бизнесу (рис. 6).

Рис. 6. Причины неполноценного развития электронной коммерции в России Fig. 6. Reasons for the inadequate development of e-commerce in Russia

Технические ограничения:

- Не в полной мере проработана система защиты (компьютеров, сайтов, порталов, платежных систем) при использовании сети Интернет;
- перебои в работе систем связи.

Нетехнические ограничения:

- Недоступность прямого контакта «в живую» между продавцом и потенциальным покупателем, в результате возникают сомнения, чувство незащищенности;
- недостаточность знаний в области совершения операции и пользования Интернетом некоторых групп населения;
- нехватка специалистов, которые имеют достаточное количество профессиональных знаний для работы на торговых электронных площадках;
- проблемы, возникающие на этапе отправки и доставки товара;
- слабая система нормативно правового регулирования онлайн-сделок.

С одной стороны, кажется, что электронная коммерция — простая и удобная система, с помощью которой люди совершают любые операции, имея при этом минимальный риск некачественного обслуживания. С другой — функционирование такой системы порождает ряд вопросов, которые возникают как у продавца, так и у покупателя. Стоит отметить, что до сих пор в нашей стране нет единого нормативного акта, который регулировал бы отношения, возникающие в процессе взаимодействия людей на платформах электронной коммерции. Недопонимание возникает по следующим причинам:

- Не предусмотрен единый понятийный аппарат (авторы по-разному трактуют термин «электронная коммерция» и ее составные элементы);
- различные условия при заключении электронного договора с разными предпринимателями;
- не определена роль государства и государственных органов (полномочия и права);
- возникают трудности в распознавании сторон, между которыми возникают рыночные отношения;

- данные, которые попадают в глобальную сеть, не имеют высокой степени защищенности (угроза мошеннических действий).

Особенности при заключении онлайн-сделок прописаны в нормативно правовых актах РФ:

- Гражданский Кодекс РФ;
- Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»;
- Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ»;
- ГОСТ Р 57489-2017 «Руководство по добросовестной практике продажи товаров дистанционным способом с использованием сети Интернет».

В указанных документах закреплены лишь отдельные нормы, которые можно отнести к электронной торговле. В большинстве случаев понимается тождество между обычной сделкой и сделкой, совершенной в сети Интернет, но фактически каждая операция является самостоятельной.

Интересным является тот факт, что в период с 2000 по 2006 гг. депутатами Государственной Думы было предложено 5 законопроектов, касающихся электронной торговли, два из которых были отклонены, а три сняты с рассмотрения по причине отзыва субъектом права законодательной инициативы. Рассмотрев такую ситуацию, можно выделить два мнения относительно необходимости создания специального законодательного акта (рис. 7).

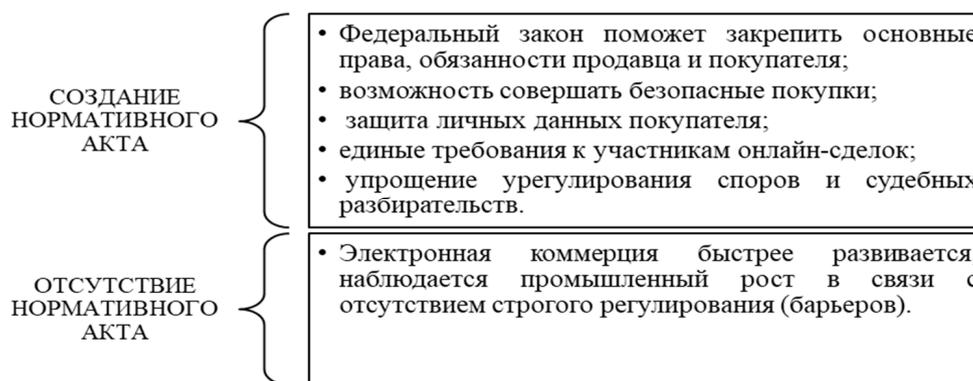

Рис. 7. Мнения о необходимости законодательного регулирования электронной торговли

Fig. 7. Opinions on the need for legal regulation of electronic commerce

Электронная торговля дает покупателям большой выбор, возможность сопоставить цены, подходящий способ оплаты и позволяет получить товар сразу на дом. Онлайн-торговля — это безусловно удобный способ продажи, но окончательно офлайн-магазины не уйдут с рынка, они будут развиваться. И может именно конкуренция с торговлей в Интернете даст стимул к развитию и новым коллаборациям, а какой вариант уже выбрать для покупки товара или услуги останется за клиентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Доля населения, пользующегося информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет», 2014–2020 гг. // Государственная статистика. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58465> (дата обращения: 16.04.2022).
2. Доля населения, использовавшего сеть интернет для заказа товаров и (или) услуг, в общей численности населения, 2014–2020 гг. // Государственная статистика. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43565> (дата обращения: 16.04.2022).
3. Доля продаж через интернет в общем объеме оборота розничной торговли, 2014–2021 гг. // Государственная статистика. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/50236> (дата обращения: 16.04.2022).
4. Захаров А. Н. Обзор развития электронной торговли в мировой экономике: вызовы и последствия пандемии / А. Н. Захаров, Ю. А. Старовая // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-razvitiya-elektronnoy-torgovli-v-mirovoy-ekonomike-vyzovy-i-posledstviya-pandemii> (дата обращения: 27.03.2022).
5. Официальный блог Яндекс. Данные, которые мы не убергли, и уроки, которые мы извлекли // Яндекс. URL: <https://yandex.ru/blog/company/dannye-kotorye-my-ne-uberegli-i-uroki-kotorye-my-izvlekli> (дата обращения: 16.03.2022).
6. Стукалова И. Б. Перспективы развития электронной торговли: возможности и угрозы / И. Б. Стукалова // Теоретическая и прикладная экономика. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-elektronnoy-torgovli-vozmozhnosti-i-ugrozy> (дата обращения: 27.02.2022).
7. Dawn Medlin B. The cost of e-retail: common security threats and their results / B. Dawn Medlin, A. Romaniello. 2008. URL: <https://ideas.repec.org/a/ids/ijemre/v2y2008i1p80-96.html> (дата обращения: 16.03.2022).

Dmitry L. SKIPIN¹
Tatyana A. KOLTSOVA²
Maria V. SHARGINA³
Anastasia V. SHARGINA⁴

UDC 338.2

**E-COMMERCE: OPPORTUNITIES
AND THREATS OF MODERN BUSINESS**¹

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Head of the Department of Economic Security, System Analysis
and Control, Panel Discussion Moderator,
University of Tyumen
d.l.skipin@utmn.ru; ORCID: 0000-0001-5840-5789

² Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economic Security, System Analysis and Control,
Member of the Organizing Committee of the Forum,
University of Tyumen
t.a.kolcova@utmn.ru; ORCID: 0000-0002-7894-5010

³ Undergraduate Student,
University of Tyumen
maria.shargina.99@mail.ru

⁴ Undergraduate Student,
University of Tyumen
anastasia.shargina.99@mail.ru

---

¹ The article is published based on the results of the work of the section “Economic security in the context of digital transformation” within the framework of the Third All-Russian Forum in Tyumen on economic security 20–21.04.2022

Citation: Skipin D. L., Koltsova T. A., Shargina M. V., Shargina A. V. 2022. “E-commerce: opportunities and threats of modern business”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 8, no. 2 (30), pp. 201–217.
DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-201-217

Abstract

The information and telecommunications network Internet is a comprehensive network, which is a system that allows many people to simultaneously perform various operations around the world. A modern person, using a computer, mobile phone or any other gadget, can work, study, make purchases. E-commerce is a rapidly developing system that allows transactions to be carried out electronically and contributes to the economic development of the country. Electronic commerce, as a type of electronic commerce, is gaining momentum and developing more and more actively every year, all over the world. Offering services and goods, this area brings together governments, industries and business owners. With the help of modern Internet technologies, partners and buyers can interact effectively, which contributes to the growth of trade and the economy, which means that e-commerce is an important component of the information society and macroeconomics in general. In the process of functioning of this sphere of the digital economy, there are many security threats for business, consumers and the state, but there are also many advantages. The purpose of the study is to reveal trends in the development of e-commerce in the country, emerging threats and ways to level them, as well as possible ways to improve the efficiency of its functioning. The study was based on a phased disclosure of consumer opportunities in the e-commerce market, threats and ways to eliminate them; advantages of sellers in the process of electronic commerce, emerging threats to economic security and their prevention; advantages and disadvantages of e-commerce for the state. The study resulted in recommendations for countering the problems and potential threats hindering the development of e-commerce in Russia.

Keywords

Electronic economy, e-commerce, e-commerce, distance selling, seller, consumer, e-commerce opportunities, e-commerce threats, economic security.

DOI: 10.21684/2411-7897-2022-8-2-201-217

REFERENCES

1. State statistics. EMISS. The share of the population using the information and telecommunications network "Internet", 2014–2020. Accessed on 16 April 2022. <https://www.fedstat.ru/indicator/58465> [In Russian]
2. State statistics. EMISS. The share of the population who used the Internet to order goods and (or) services in the total population, 2014–2020. Accessed on 16 April 2022. <https://www.fedstat.ru/indicator/43565> [In Russian]
3. State statistics. EMISS. The share of online sales in total retail turnover, 2014–2021. Accessed on 16 April 2022. <https://www.fedstat.ru/indicator/50236> [In Russian]
4. Zakharov A. N., Starovaya Yu. A. 2020. "Overview of the development of e-commerce in the global economy: challenges and consequences of the pandemic". Russian Foreign

- Economic Herald, no. 12. Accessed on 27 March 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-razvitiya-elektronnoy-torgovli-v-mirovoy-ekonomike-vyzovy-i-posledstviya-pan-demii> [In Russian]
5. Yandex. Official blog Yandex. The data we didn't save and the lessons we learned. Accessed on 16 March 2022. <https://yandex.ru/blog/company/dannye-kotorye-my-ne-uberegli-i-uroki-kotorye-my-izvlekli> [In Russian]
  6. Stukalova I. B. 2021. "Prospects for the development of electronic commerce: opportunities and threats". *Theoretical and applied economics*, no. 4. Accessed on 27 February 2022. <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-razvitiya-elektronnoy-torgovli-vozmozhnosti-i-ugrozy> [In Russian]
  7. Dawn Medlin B., Romaniello A. 2008. The cost of e-retail: common security threats and their results. Accessed on 16 March 2022. <https://ideas.repec.org/a/ids/ijemre/v2y-2008i1p80-96.html>

ОБЗОР

Сергей Алексеевич ПАХОМЧИК¹

УДК 338.24

**НАУЧНЫЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ЗАСЕДАНИЯ
«КРУГЛОГО СТОЛА», ПОСВЯЩЕННОГО 160-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. А. СТОЛЫПИНА, ПРОВЕДЕННОГО
В РАМКАХ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «БРЕНД-МЕНЕДЖМЕНТ ПРОСТРАНСТВ»**

¹ кандидат экономических наук, доцент,
лауреат Национальной премии П. А. Столыпина,
модератор заседания «круглого стола»
s.a.pakhomchik@utmn.ru

Sergey A. PAKHOMCHIK

**SCIENTIFIC REVIEW OF THE MATERIALS OF THE ROUND TABLE
MEETING DEDICATED TO THE 160th ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF P. A. STOLYPIN, HELD AS PART
OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRODUCTION
CONFERENCE “BRAND MANAGEMENT OF SPACES”**

Аннотация

14 апреля, в день 160-летия со дня рождения председателя Правительства России начала XX века, яркого реформатора, неординарной личности, одного из наиболее успешных за всю историю Российского государства премьер-министров П. А. Столыпина в Тюмени, в Тюменском государственном университете состоялось заседание «круглого стола». Именно в этот день 160 лет тому

назад родился человек, который до сих пор вызывает среди многочисленных слоев населения (политиков, ученых, экономистов, историков, социологов, писателей, журналистов и т. д.) жаркие споры, дискуссии в оценке его как личности в российской истории, так и в оценке результатов реформы, которую проводило правительства России под его руководством в первом 20-летии XX века, которая вошла в отечественную историю как «стольпинская реформа». Круглый стол был инициирован кафедрой менеджмента и бизнеса ТюмГУ в рамках ежегодно проводимой ей Всероссийской научно-производственной конференции «Бренд-менеджмент пространств», ставшей уже традиционной в Финансово-экономическом институте вуза. Целью мероприятия стала «Популяризация и распространение знаний наследия П. А. Столыпина и последствий его реформы на развитие Тюменского края. Уроки реформы и их использование на благо современного развития территории нашего региона».

Ключевые слова

П. А. Столыпин, реформатор, стольпинская реформа, Сибирь, территория.

Тема для обсуждения — «Роль и влияние стольпинской реформы на развитие производительных сил Западной Сибири (территории, которую сегодня занимает современная Тюменская область). Опыт прошлого на службу современного развития». Накануне мероприятия был объявлен конкурс среди обучающихся в Финансово-экономическом институте на лучшую научно-исследовательскую работу в форме выполнения реферата по стольпинской тематике. В творческом студенческом конкурсе приняли участие около 50 работ. По результатам конкурса были отобраны лучшие студенты. На заседании победителям и призерам были вручены дипломы победителей и призеров и памятные сувениры. Награды победителям вручали директор Финансово-экономического института Д. В. Лазутина, заведующая кафедрой «Менеджмента и бизнеса» профессор И. А. Лиман. В зале собрались: ученые, преподаватели, экономисты, историки, социологи, юристы, философы, предприниматели, студенты. В течение 2.5-х часовой дискуссии были рассмотрены вопросы роли личности П. А. Столыпина в российской истории и влияния его реформаторской деятельности на развитие нашего края, аграрной и земельной реформы, переселенческой политики из западных европейских губерний России в Сибирь и на Дальний Восток, развитие финансово-кредитной системы, реформы власти, изменения в сфере образования, культуры, изменения политических институтов, развития парламентаризма, органов власти, промышленности, сельского хозяйства, развития инфраструктуры, кооперации и т. д.

С интересными сообщениями выступили экономисты, историки, издатели, журналисты, краеведы. Среди выступающих были: лауреат Национальной премии П. А. Столыпина, доцент кафедры «Менеджмента и бизнеса» (член Российского исторического общества, председатель Тюменского регионального отделения Российского общественного объединения экономистов-аграрников)

С. А. Пахомчик — ведущий круглого стола. Он познакомил собравшихся с личностью П. А. Столыпина, его вкладом в развитие государственности и политических институтов, а также с основными направлениями столыпинской аграрной и земельной реформы и привел сопоставительный анализ результатов реформы 1906-1917 гг. и аграрной реформы 1990-х годов.

П. А. Столыпин, именем которого была названа реформа, получившая название «столыпинская», был государственным деятелем. Он стоял на такой позиции, в которой «Великая Россия — это миллионы сильных личностей, а не сильная община миллионов. Великая Россия — верная своим традициям и своему национальному духу, чуждая проявлениям национализма». Сбалансированность политики П. А. Столыпина по отношению к личности, независимо от того есть ли это дворянин, рабочий, крестьянин или предприниматель, делала его самым нравственным реформатором в истории России. Он не призывал отбирать землю у богатых, отдавая ее бедным, он ставил своей задачей обеспечить необходимыми средствами бедных, научить их пользоваться тем имуществом и средствами, которое государство помогало им приобрести, формируя мощный класс сильных личностей, на которых бы строилось великое государство. Результативность реформы, проводимой правительством России под руководством П. А. Столыпина в период 1906-1917 гг. обуславливалась, в первую очередь, активным использованием регулирующих рычагов формирующегося правового государства и пробуждением активности среднего класса. Его государственная деятельность носила всеобъемлющий характер, и вся была проникнута смыслом — приносить благо укреплению России. Основная заслуга и главный след П. А. Столыпина в истории российского государства стояла в том, что он увидел в русском человеке именно человека. В этом его бесценный опыт для нас россиян, живущих уже в XXI веке. П. А. Столыпин разработал и осуществил (естественно ни один, а с правительством, которое он возглавлял) целый комплекс преобразований общегосударственного характера. Основными направлениями преобразований стали — земельная реформа, права и свободы граждан, формирование правового государства, разграничение ответственности ветвей власти, реформирование силовых структур и судопроизводства, местное самоуправление, экономика, финансы, инфраструктура, социальная политика, образование, наука, культура, военная реформа, противодействие терроризму, кредитование, кооперация.

У многих наших современников существует стойкий стереотип о П. А. Столыпине, что он был председателем правительства России в первой четверти XX столетия и осуществил аграрную и земельную реформу, вошедшую в историю как столыпинская реформа. Но это лишь верхушка всех деяний реформатора. На самом деле это крохотная часть заслуг П. А. Столыпина перед Российским государством. Он ставил цель перед собой и правительством России, которое возглавлял, достичь в стране общественного и национального блага. «Мы рулевые, стоящие у компаса, — писал он, — и должны смотреть только на стрелку и как бы не привлекателен, как бы не соблазнительный был приветли-

вый берег, но если по дороге к нему есть подводные камни, то курс мы будем держать стороною... мы часовые, поставленные для охраны демаркационной линии, и свои ли, чужие ли будут ее нарушать, мы не будем малодушно отворачиваться в сторону».

Главная заслуга П. А. Столыпина даже не в аграрной реформе, а в энергичных мерах и действиях по укреплению государственного аппарата, выдвигании на передний план государственной работы по отстаиванию коренных национальных интересов. В последний год своей короткой жизни он, по поручению государя лично отслеживал подготовку специального доклада о деятельности российских масонских лож и их связях с международным иудейским и масонскими центрами. На осень 1911 г. было запланировано совещание по масонскому вопросу, но 1 сентября, как известно П. А. Столыпин был смертельно ранен, а 5 сентября от полученного ранения скончался в Киеве. Этот факт свидетельствует о многом и проливает свет на причины на его покушение и смерть.

Для реализации реформы правительством был разработан комплекс мер. Указом государя от 9 ноября 1906 г., принятом в чрезвычайном порядке, был дан старт земельной реформе. Было положено начало выхода крестьян из общины. Позднее, пройдя обсуждение в III Государственной Думе 14.06.1910, этот акт получил статус закона. П. А. Столыпин не был сторонником насильственной ломки общины, что часто ему инкриминируют недобросовестные интерпретаторы. Он никогда не требовал всеобщей унификации форм землевладения и землепользования. Разъясняя свою позицию и позицию правительства по этому вопросу, он, выступая в Государственной Думе 10 мая 1907 г. говорил: «Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть наследственная». Насильственные меры предполагались лишь в случаях, когда община препятствовала выходу крестьян, что в ряде случаев имело место.

Но многие планы П. А. Столыпина не успели осуществиться. Он полагал, что на осуществление намеченного необходимо 15-20 лет последовательной работы и определенных усилий. И это минимум. К примеру, в крохотной Пруссии переход на хуторской тип расселения с общинного земледелия занял 100 лет! А как с Россией и ее огромными территориальными пространствами?

Разумеется, реформа носила политический характер. Этого П. А. Столыпин и не скрывал. Своими преобразованиями он стремился погасить огонь крестьянских выступлений. Вероятно, поэтому методы осуществления реформ у многих россиян вызвали неприятие. Причем неприятие наблюдалось со стороны разных политических сил страны. Следует так же отметить, что аграрные преобразования, проводимые в столыпинскую реформу, были начаты, по мнению специалистов с 40-летним опозданием, что невероятно осложнило их реализацию. А последовавшие за столыпинской реформой события, политические и социально-экономические катаклизмы, всем нам хорошо известные события

первой четверти XX века и устранение самого П. А. Столыпина не позволили успешно реализовать все задуманные мероприятия.

К началу XX столетия российское общество оставалось архаичным и традиционным. Правовой статус россиянина определялся по-прежнему сословной, национальной и конфессиональной принадлежностью. В развитых странах Европы и Северной Америки к тому времени оно уже отошло на второй план. Отсутствие единого правового пространства не позволяло проводить политические, социальные и экономические преобразования, что тормозило развитие государства. Реформирование государственности стало необходимым по причине того, что правовое положение поданных Российской империи не соответствовало наступившему времени. Россия, являясь преимущественно крестьянской страной, не обеспечивала основному своему классу — крестьянам, подавляющему большинству общества, гражданское равноправие. Кормильцы страны, опора государства не могли выйти из общины, не могли поступить на государственную службу, им запрещалось обучаться в большинстве существующих на тот момент учебных заведениях. Даже возможности выбирать себе место жительства наравне с другими сословиями крестьяне были лишены! Принимаемые П. А. Столыпиным меры устраняли эти ограничения. Предполагались мероприятия по снятию ограничений с национальной и конфессиональной принадлежности граждан России. Расширялись гарантии прав и свобод человека. В разработанных законопроектах указывалось, что никто из россиян не может быть задержан, арестован помимо воли суда. Любое наказание могло иметь место лишь в случае соблюдения необходимой законной процедуры. Вторжение в чужое жилище допускалось лишь в предусмотренных законами случаях. Ничего подобного в России до сих пор не было.

Таким образом, принимаемые в процессе столыпинской реформы меры предполагали последовательную реализацию принципа гражданского равноправия, которое способствовало бы формированию единой нации, цементирующей все государственное устройство страны. Как сказал в одном из своих выступлений в Государственной Думе П. А. Столыпин, цель состояла в том, чтобы «писаная свобода превратилась в свободу настоящую».

Следует подчеркнуть, что горизонты планирования у столыпинского правительства были довольно широки. К примеру, кредитование крестьян под 4,5% годовых на 50 лет и иногда даже больше давало возможность домохозяевам существенно улучшить состояние своей семьи, растянув сроки выплаты кредита на 2–3 поколения. Это сплачивало семьи, формировало преемственность, передачу семейных традиций от поколения к поколению, прекрасно решало демографический вопрос. Население России прирастало количественно весьма быстро.

Столыпин был руководителем, отыскивающим талантливых и преданных своему делу соратников. Среди них в правительстве можно особо выделить: министра земледелия А. В. Кривошеина, министра финансов В. Н. Коковцева, министра внутренних дел С. Е. Крыжановского и др.

Разумеется, что у ярких и последовательных реформаторов всегда есть противники, недоброжелатели и завистники. Были они в большом количестве и у П. А. Столыпина. Оппоненты всячески пытались принизить заслуги и опорочить имя реформатора. К примеру, весьма нелестно отзывался о нем его предшественник С. Ю. Витте, вероятно ревнуя его за популярность, отчаянно критиковал его В. И. Ульянов-Ленин, оппонировал и не соглашался по вопросам собственности на землю Л. Н. Толстой и т. д. Но даже идейные противники П. А. Столыпина, критикуя его, признавали за ним гениальность и исключительные способности. Так один из лидеров партии кадетов весьма скептически относившийся к реформаторской деятельности и имея принципиальные разногласия с ним по многим вопросам, П. М. Милюков, отдавал должное его неординарности, называл реформатора «мозгом нации». А один из первых российских марксистов П. Б. Струве писал: «Как бы не относиться к аграрной политике Столыпина — можно ее принимать как величайшее зло, можно ее благословлять — как благотворную хирургическую операцию, — этой политикой он совершил огромный сдвиг в русской жизни...». То есть можно утверждать, что в П. А. Столыпине было нечто превышающее возможности его времени. Осмысливая его роль в российской истории, не будет преувеличением констатировать, что такие люди рождаются раз в столетие. Не зря можно встретить выражения, когда П. А. Столыпина называли Петром II (вслед за Петром I).

История не знает сослагательного наклонения, тем не менее, часто задается вопрос: Как бы сложилась русская история, если бы столыпинские реформы действовали 15–20 лет как утверждал П. А. Столыпин (дайте 20 лет покоя, и вы не узнаете России)? Ведь прогноз известного французского экономиста Э. Тери, который по заданию правительства Франции инспектировал ситуацию в экономике своего союзника, данный им в конце Первой мировой войны свидетельствовал, что если Россия не потеряет темп развития, заданный столыпинской реформой, то Россия в ближайшее десятилетие займет доминирующее положение в Европе. Прогноз был сделан уже после убийства П. А. Столыпина. Так же известен и прогноз нашего великого земляка Д. И. Менделеева, который предсказывал России к 1950 г. мировое лидерство и достижение народонаселения до 500 млн жителей. Даже сегодня спустя более 100 лет концепции П. А. Столыпина актуальны и применимы к нашему времени. Это еще раз свидетельствует о том, что он был великим и прозорливым человеком, смотрящим в далекое будущее. Именно в политических деятелях такого типа, а не заикливых на своих меркантильных и личных интересах политиках остро нуждается сегодня наше общество и государство. Большинство современных исследователей наследия П. А. Столыпина и его современники в начале XX столетия сходятся во мнении, что среди лиц, бывших на политической арене в 1906–1911 гг. ни одно не сыграло столь яркой роли как П. А. Столыпин. Он пришел к власти тогда, когда потребовались государственные решения для незамедлительного экономического подъема России и экономического освоения Сибири, роста ее значения в общероссийском масштабе. П. А. Столыпин оставил своим потомкам богатое

наследие. Он предложил российскому обществу структурированную национальную идеологию, базовыми компонентами которой являлись: законность и правовой порядок, раскрепощение личности, единое и неделимое государство, сильная исполнительная власть, частная собственность и свободный труд, патриотизм, внешнеполитический авторитет державы. И в дополнение к этому он одновременно определил технологию реализации своей программы системных реформ (это особенно ценно и вызывает восхищение). Ничего подобного в последние десятилетия, к глубокому сожалению, мы наблюдать не можем.

А. Л. Вычугжанин — доктор исторических, кандидат экономических наук, член президиума ТРО Российского исторического общества, автор многочисленных книг по истории финансов Сибири и России сделал интересное сообщение по теме «Роль народного кредита в Тобольской губернии во времена столыпинской реформы». В нем он рассмотрел вопросы развития кредитной кооперации, финансово-кредитной политики, которая выступила катализатором взрывного развития экономики Сибири, включая сельское хозяйство. При этом подчеркнув важность доступности кредита и его относительную дешевизну для подавляющего большинства крестьянства и сельских предпринимателей.

Среди интерпретаторов реформы П. А. Столыпина есть достаточно много представителей, утверждавших, что столыпинские реформы создали поколение предпринимателей — индивидуалистов, целью которых был только личный успех — то, что сегодня называют либеральными ценностями. То, что повышение личного благосостояния трудящегося на земле человека являлось целью этих реформ — это правда, но не вся. Реформы объективно способствовали, как это не парадоксально на первый взгляд, и развитию коллективизма среди крестьян, причем порой более эффективно, чем методы партийной пропаганды в более поздние времена. Исследования истории развития учреждений мелкого кредита (так называли до 1917 г. различные формы организации кредита для крестьян, хотя правильнее, на наш взгляд, следовало бы называть их учреждениями народного кредита) приводит именно к такому выводу. К тому времени, когда П. А. Столыпин возглавил правительство России, в стране уже была сформирована довольно стройная система учреждений мелкого кредита. Но именно при нем она получила динамичное развитие. Успех реформ, проводимой правительством под руководством П. А. Столыпина, во многом обусловлен развитием кредитной системы страны. Его ключевой мыслью в развитии сельскохозяйственного кредита является его высказывание: «Это важное — быть может самое важное теперь для сельской России дело: следом за землеустройством, дающим возможность использовать всю наличную трудовую энергию крестьянства финансировать народный труд, привлечь к земле деньги. За крестьянской землей эти деньги не пропадут, она вернет их государству, увеличив и его и свои силы». Появление в составе контор и отделений Государственного банка в 1909 г. инспекторов мелкого кредита стало одним из мощных стимулов в дальнейшем развитии кредитной кооперации в России. Важнейшим практическим шагом

стало решение об использовании части собранных сберегательными кассами денежных средств для нужд кредитных кооперативов. В 1910 г. П. А. Столыпин и В. Н. Коковцев (министр финансов в правительстве Столыпина) вошли с представлением «О выдаче ссуд в основные капиталы учреждениям мелкого кредита из сумм Государственных сберегательных касс и о разрешении обращать на нужды сего кредита некоторые крестьянские общественные капиталы». Финансовая комиссия Думы признала важное значение этой меры для широкого развития народно-хозяйственного оборота. Неоспоримая сама по себе потребность в мелком кредите особенно сильно ощущалась в России, с преобладанием класса мелких землевладельцев, в связи с развитием форм землепользования и прогрессом сельского хозяйства требующих все больших средств для наилучшего использования громадной земельной площади, занятой мелкими хозяевами. Было принято решение о том, что кредитная помощь земледельческому населению должна быть поставлена во главу государственной аграрной политики наравне с обеспечением крестьян более правильными формами землепользования. Было заключено, что «без содействия мелкого кредита весьма затруднительно развитие кооперативного движения, а население не способно и фактически лишено возможности изыскивать потребные для своего хозяйства средства. Комиссия сделала вывод о том, что на помощь должно придти государство. Это, наверное, был один из немногих случаев, когда законопроект царских министров получил такую всеобщую поддержку в Государственной Думе. В июне 1910 г. законопроект обрел силу закона, в результате чего из сумм Государственных сберегательных касс на выдачи ссуд в основные капиталы учреждений мелкого кредита (тогда так называли кредитные кооперативы) было ассигновано 20 млн руб. Кроме того к этой сумме ежегодно должна прибавляться 1/10 часть прироста денежных вкладов в кассах. Тем же законом крестьянским обществам было предоставлено право обращать в средства сословных учреждений мелкого кредита и некоторые крестьянские общественные капиталы. В целях повышения эффективности крестьянских кредитных кооперативов также было предусмотрено оказание им финансовой помощи в образовании специальных капиталов для ведения посреднических операций. Начиная с 1911 г. ассигнования на эти цели ежегодно вносились в роспись государственных расходов. В Сибири рост кредитных товариществ был несколько задержан по сравнению с центром России. Но распространяясь в Сибири кредитная кооперация рождалась как подлинная демократическая форма хозяйствования, сочетая в себе самостоятельность сельских предпринимателей и крупные и масштабы их деятельности. Уже в 1913 г. в Сибири действовало 998 кредитных и ссудосберегающих товариществ. В Сибири ими было охвачено от хозяйств, на Дальнем Востоке — от 15% до 20%. Кроме того, в Сибири насчитывалось 200 сельских банков и общественных касс с общим объемом капитала в 4 млн руб. Особенностью кредитных учреждений в Сибири, в сравнении с европейской частью России, было преобладание кооперативных товариществ и незначительной доли крестьянских вкладов (23%). Каждый кредитный кооператив в Сибири

числился за определенным отделением Госбанка, Учреждения кредита выдавали зажиточным крестьянам в основном на производственные нужды — приобретение скота, машин, наем рабочей силы, т. е. на цели развития сельскохозяйственного производства на территории. К примеру, в Тобольской губернии в 1915 г. в Ишимском уезде действовало 44 кредитных кооператива, в Тюменском — 15, в Ялуторовском — 23, в Тобольском — 17 и т. д. В 1917 г. в Сибири был создан Союз союзов кредитной кооперации — Сибкредсоюз, который объединял полторы тысячи кредитных товариществ. Кредитные кооперативы, в свою очередь, способствовали образованию и успешному развитию в сибирской деревне потребительских, сбытовых и производственных кооперативов. Бурное развитие кредитной кооперации и создание стройной системы народного кредита, которое способствовало небывалым темпам роста производства сельскохозяйственной продукции и ее экспорта за рубеж в мире, называли «русским чудом».

Сообщение ученого секретаря Тюменского музейного комплекса имени И. Я. Словцова, доктора исторических наук И. Г. Шишкина было посвящено вопросу освещения и демонстрации образцов экспонатов в коллекциях, имеющих в фондах музейного комплекса и уникальных, редких фотографий, связанных с переселенческим аспектом в столыпинскую реформу. Оно именовалось «Лица великой эпохи. Из фондов Тюменского областного краеведческого музея».

П. А. Столыпин, следуя высказыванию М. В. Ломоносова о том, что могущество России прирастать будет Сибирью и Арктикой, при подготовке и реализации мер, направленных на коренное преобразование экономики России рассматривал Сибирь как территорию перспективного значения для российского государства. Заселение огромных пространств за Уралом, с одной стороны, преследовало геополитические цели — освоение протяженных азиатских территорий России для будущего страны. С другой стороны цели экономические — вовлечение в хозяйственный оборот земельных территорий, добычу материально-сырьевых ресурсов, включая полезные ископаемые, увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции и товаров ее переработки.

«Сибирский аспект» был чрезвычайно важным элементом и звеном в аграрной реформе П. А. Столыпина. Сибирь считалась, по крайней мере, в первые годы реформы, неисчерпаемым резервом свободных и пригодных для водворения земель для крестьян из европейской части России, покинувших общину и порвавших с ней свои отношения. Перенаселение сельских территорий, избыточное аграрное население в губерниях европейской части России стало большой проблемой для правительства. Их перемещение в восточные районы России помогало решить проблему малоземелья и сгладить накопившиеся за многие времена земельных противоречия. Со стартом аграрной реформы в восточные территории был направлен основной поток переселенцев. Его масштабы не шли ни в какое сравнение с предшествующими реформе потоками переселенцев в Сибирь, со времени ее присоединения к Российскому государству,

т. е. в течение всех ранее имевших место переселений. Так если в период с 1861 по 1882 гг. в Сибирь (в основном Западную ее часть) приехало (пришло) 240 тыс. человек. С 1883 по 1905 гг. в Сибирь, Дальний Восток и Среднюю Азию переместилось 1 млн 640 тыс. людей (из них 700 тыс в Томскую губернию). То в годы столыпинской реформы переселилось, по разным сведениям, от 2,5 до 3 млн человек. Мощным активизирующим фактором переселений стал ввод в эксплуатацию Транссибирской железнодорожной магистрали. Об ускорении переселенческого процесса говорят такие цифры: в 1893 г. в Сибирь прибыло 56 тыс. человек, а в 1895 г. после постройки железнодорожного моста через Обь в районе села Кривошеково (где возник г. Новониколаевск ныне Новосибирск) — 107 тыс. человек. Произошло удвоение потока переселенцев. Как отмечалось выше, принятие Указа от 09.11.1906 г. дало мощный толчок переселенческому процессу. Если за четыре десятка лет с 1862 по 1905 гг. было переселено около 2 млн человек, то за пять лет с 1906 по 1910 гг. — более 2,5 млн человек. Переселение приняло действительно массовый характер и оставалось таковым до начала Первой мировой войны. Удвоив, за несколько лет население Сибири П. А. Столыпин обеспечил ее прочное закрепление за Россией.

Для самой Сибири последствия переселения неразрывно связано с ее хозяйственным освоением. П. А. Столыпин, понимая важность переселенческого дела, очень серьезно прогнозировал, отслеживал и контролировал переселенческий процесс. Не случайно, к 1909 г. у его правительства появились определенные сомнения в правильности принятых решений. Резонным стал вопрос: не ослабит ли массовый исход крестьянского населения из европейской части в Сибирь потенциал страны? Не ослабит ли экономически и политически центральные и западные губернии страны? Не откроет ли этот процесс путь в западные губернии приток иностранных колонистов? Так же встал вопрос о том, смогут ли в свою очередь восточные территории достойно принять и разместить (водворить) всех переселенцев. Для лучшего изучения и досконального понимания и осмысления этих вопросов глава правительства — премьер-министр П. А. Столыпин вместе с правой рукой в деле аграрной реформы главным управляющим землеустройства и земледелия А. В. Кривошеиным осуществляют поездку в Сибирь в конце лета — начале осени 1910 г. П. А. Столыпин как прозорливый руководитель понимал, что переселение дело сложное, требует больших финансовых, материальных и иных затрат и при осмыслении предстоящей переселенческой эпопеи, понимал, что необходимо сочетание, своего рода баланс государственных и личных интересов. Призыв к крестьянам переселиться во имя высшей государственной целесообразности вряд ли найдет отклик в их среде если они не увидят в этом осязаемую, вполне конкретную пользу для себя, своей семьи и потомков. Об этом ярко свидетельствует цитата из работы, которая была издана П. А. Столыпином и А. В. Кривошеиным по результатам их поездки в Сибирь в Санкт-Петербурге в 1911 г. «...люди, живые люди, делающие в массе своей переселенческое дело, едут в Сибирь, ломая

старую жизнь и строя новую, каждый в отдельности не для того, конечно, чтобы облегчить аграрные затруднения, не для того, конечно, чтобы облегчить аграрные затруднения или послужить оплотом русской государственности на окраинах, их цель — выгоднее, лучше устроиться в Сибири, чем жилось им на Родине. Помочь им в достижении этой непосредственной их цели, может быть, и есть лучший способ обеспечить достижение всех государственных интересов, связанных с переселением. Напротив того, попытки овладеть переселением и всецело подчинить его руководящей воле каким-либо иным путем, нарушающим хозяйственные расчеты самих переселяющихся, не обречены ли неминуемо на крушение».

Важными элементами и знаковыми по содержанию и значению, а так же влиянию на переселенческий процесс стали Переселенческое управление в Санкт-Петербурге, переселенческая комиссия в Государственной Думе, переселенческие пункты (Челябинске, Сызрани, Екатеринбурге, Тюмени, Иркутске), статистический учет переселенцев, специально построенные вагоны (теплушки) для транспортировки переселенцев, оказание материальной и финансовой помощи переселенцам, льготные тарифы на перевозки переселенцев, ссуды (подъемные выплаты), льготы по налогообложению, освобождение от службы в армии, учет места водворения в Сибири в зависимости от того места откуда переселенец выехал, землеустройство в местах водворения за счет государства, создании ее инфраструктуры на местах водворения (церкви, школы, колодцы, водопой) и др. Все эти меры способствовали активизации переселенческого процесса. Процент закрепляемости переселенцев от 75–90% свидетельствует об успешном проведении этой акции. Для сравнения во время освоения целинных и залежных земель в Сибири и Северном Казахстане в конце 1950-х составил 5%. П. А. Столыпин был серьезно озабочен тем, чтобы сельское хозяйство Сибири развивалось с использованием достижений науки и мирового опыта. В Сибири стали появляться специальные учебные заведения, возникать опытные и экспериментальные хозяйства и организации, появились специальные обучающие курсы, входили в практику выставки достижений и по обмену передовым опытом. Появилась практика завоза из-за границы племенного скота и птицы, образцов передовой сельскохозяйственной техники и др.

По результатам поездки принимались оперативные меры по улучшению переселенческого дела. В своей записке по итогам поездки авторы отметили, что «за 300 лет владения Сибирью в ней набралось 4,5 млн русского населения, а за последние 15 лет сразу прибыло 3 млн из них за последнее трехлетие (1907–1910 гг.) — 1,5 млн». Столь редко заселенная территория под боком у сильных соседей была и плохо защищенной, и авторы записки хорошо осознали, что действительная мера к укреплению границ одна — заселение малоллюдных окраин. В ней они написали «Образовать и у нас в Сибири живую кору русского дерева». Спустя более века эта проблема все еще не решена. Мы опять ставим вопрос: каким образом обустроить Сибирь, Дальний Восток, Российскую Арктику?

Оценивая значение столыпинской реформы для развития Сибири необходимо отметить, что она имела огромное значение на развитие производительных сил огромных пространств на востоке России.

Председатель Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», видный издатель, фотограф А. Г. Елфимов поделился с участниками заседания успехами в издательском деле. Он отметил, что фонд, возглавляемый им уже на протяжении нескольких десятилетий, отражает на страницах своих прекрасных альманахов (а их выпущено более 4 десятков) многие события, связанные с периодом столыпинских преобразований на территории нашего сибирского края, включая прежде всего и Тобольскую губернию. В планах фонда выпуск 4-х томного издания альманаха под многообещающим рабочим названием «Тюмень — столица деревень». В нем любопытный читатель и исследователь найдет для себя много интересного, включая эпоху столыпинских преобразований, происходивших в сибирской деревне.

В дискуссии приняли участие многие из присутствующих. Среди них можно особо отметить известного тюменского краеведа В. В. Полищука, кандидата исторических наук Л. В. Звонареву, экономиста А. И. Зырянова, журналиста В. Н. Сипетина. В мероприятии приняли активное участие: А. Н. Животова — руководитель краеведческого клуба «Текутьевка», Л. Н. Скипин — профессор Тюменского индустриального университета, доктор сельскохозяйственных наук, Л. М. Симонова — профессор Тюменского государственного университета, доктор экономических наук, член редколлегии научного журнала «Вестник Тюменского государственного университета», О. А. Радутная — заместитель главного редактора газеты «Тюменская правда», А. В. Вяльцев — предприниматель, М. А. Жак — кандидат экономических наук, заместитель директор НИИ сельскохозяйственной биологии и экологии ТюмГУ, Д. В. Вакорин — кандидат экономических наук, доцент ТюмГУ, В. В. Маленков — кандидат социологических наук, доцент ТюмГУ, Н. А. Кротков — специалист Сбербанка, Е. П. Данилова — кандидат социологических наук, доцент ТюмГУ, Ю. А. Шумилова — кандидат экономических наук, доцент ТюмГУ, А. С. Деев — кандидат философских наук, доцент ТюмГУ, С. И. Черноморченко — кандидат педагогических наук, доцент ТюмГУ, Н. В. Красовская — кандидат экономических наук, доцент ТюмГУ, Л. М. Ужахова — кандидат экономических наук, доцент ТюмГУ, Н. А. Мелкобродова — старший преподаватель ТюмГУ, Т. В. Шарапова — старший преподаватель ТюмГУ и другие, включая студентов Финансово-экономического института Тюменского государственного университета.

Результатом заседания явилось принятие рекомендаций заседания «круглого стола», в которых одобрена инициатива кафедры «Менеджмента и бизнеса» ТюмГУ по проведению подобных встреч и вовлечения обучающихся в творческую научную работу по изучению наследия личностей, внесших вклад в увеличение могущества и процветания России.

Научное издание

ВЕСТНИК
ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2022. Том 8. № 2 (30)

Редакторы	<i>М. О. Сафонова</i>
Перевод	<i>М. О. Сафонова</i>
Компьютерная верстка	<i>Н. С. Власова</i>
Дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать	<i>А. Е. Котлярова, А. В. Башкиров, В. В. Торопов</i>

Дата выхода в свет 30.06.2022
Формат 70×108/16
Бумага Xerox Perfect Print
Обложка Stromcard LI
Гарнитура Times New Roman
Печать электрографическая
20,30 усл. печ. л., 16,24 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 305

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
тел./факс: +7 (3452) 59-75-34, 59-74-81
vestnik-social-r@utmn.ru